

Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ.

ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія,

въ 4-хъ томахъ,

подъ редакцiей Ф. Груздева,

Редактора журнала «Природа и Люди».

ТОМЪ III.

ЖИВОПИСНАЯ ЕВРОПА.

(Съ картою и рисунками).

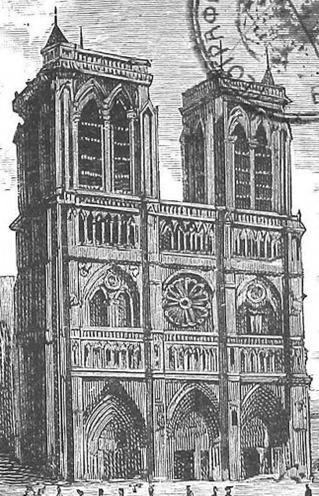

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданiе П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

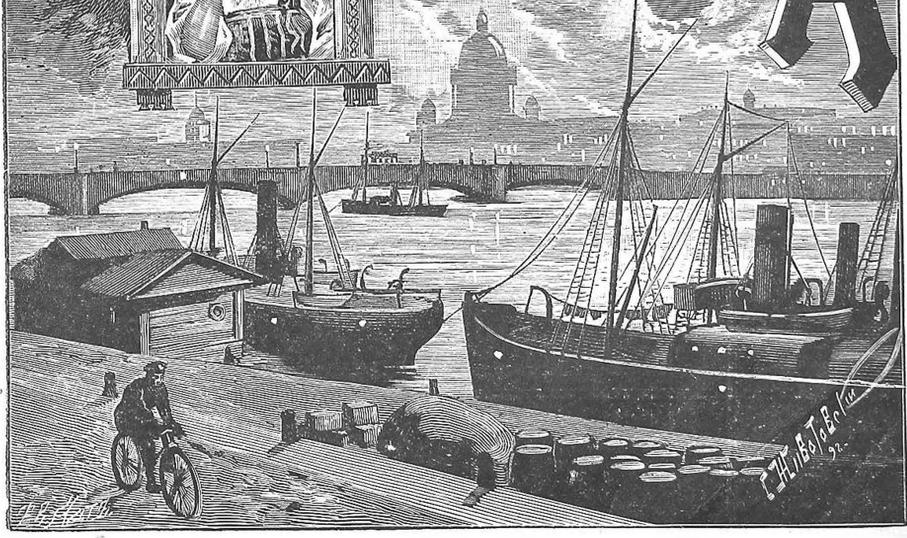

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1898 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., собств. д., № 12.

ОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. П. ПЕТРОВИЧ
1904

С Ъ В Е Р Н Ы Й К Р А Й .

Общій обзоръ.

Подъ именемъ сѣвернаго края обыкновенно разумѣютъ три сѣверныя губерніи Европейской Россіи—Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую. Но въ послѣднее столѣтіе, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія (Маринская водная система, каналъ Александра Виртембергскаго, желѣзныя дороги на Вологду, Котласъ и Архангельскъ и т. п.) и съ развитіемъ торговыхъ сношеній, жизнь южныхъ уѣздовъ Олонецкой губ. и юго-западныхъ Вологодской губ. вполнѣ слилась съ жизнью центральной Россіи, и между населеніемъ указанныхъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній—Ярославской и Новгородской, трудно установить какое-либо существенное различіе въ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, промыслахъ и проч. Весь этотъ районъ тяготѣетъ къ Петербургу или Москвѣ и живетъ или отхожими промыслами, или торговлей, пользуясь для послѣдней естественными или искусственными путями сообщенія. Ничего специфически «сѣвернаго» въ жизни населенія указанного района нѣтъ. Но подвигаясь далѣе на сѣверъ, мы вступаемъ въ страну, гдѣ Петербургъ и Москва хотя и играютъ роль сбыточныхъ рынковъ, но населеніе почти исключительно живетъ промыслами на Ледовитомъ океанѣ и въ лѣсахъ и тундрахъ сѣвера. Бурный Ледовитый океанъ, непроходимые, дикіе лѣса, пустынная тундра—властно наложили на населеніе своеобразный отпечатокъ, и мы встрѣчаемся здѣсь съ особымъ типомъ русскаго сѣверянина. Вотъ эту страну, тяготящую къ холодному Ледовитому морю, по всей справедливости можно выдѣлять въ особый «сѣверный край» Европейской Россіи.

Южную границу этого края можно установить лишь приблизительно, при чемъ на западѣ она восходитъ сѣвернѣе, достигая 64°, а на востокѣ спускается на югъ до 61°. Сѣверную границу составляетъ Ледовитый океанъ, западную—Финляндія и Норвегія, восточную—Уральскія горы. Такимъ образомъ въ указанныхъ границахъ сѣверный край заключаетъ въ себѣ почти всю Архангельскую губ., сѣверную часть Олонецкой, сѣверо-восточную Вологодской и сѣверный уголъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ. Въ общемъ все это пространство представляетъ изъ себя болотистую низменность, на югѣ покрытую лѣсами, а къ сѣверу посте-

пенно переходящую въ тундру. Горы и холмы встрѣчаются только на восточныхъ и западныхъ окраинахъ этого пространства, да между бассейнами главныхъ рѣкъ края—С. Двины, Мезени и Печоры. Такъ, Кольскій полуостровъ представляетъ изъ себя холмистую и утесистую страну, служащую продолженіемъ Скандинавскихъ горъ. Горы эти подступаютъ къ океану скалистыми утесами, достигающими на западѣ до 500 фут. высоты и постепенно понижающимися по направленію къ востоку. Внутри полуострова Скандинавскія горы образуютъ два хребта—Хибинскій, служащій водораздѣломъ между рѣками Кольскаго полуострова, текущими въ Ледовитый океанъ и въ Кандалакскую губу Бѣлаго моря, и Луявругъ, проходящій по Финляндской границѣ и идущій далѣе въ Олонецкую губ. подъ именемъ Олонецкихъ горъ. Наибольшей высоты достигаетъ Хибинскій хребетъ; близъ сѣверной оконечности озера Имандры горы поднимаются до 1,000—1,100 фут. надъ уровнемъ моря и нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчными снѣгами.

Скандинавскія горы въ предѣлахъ Россіи тѣ же гранитныя массивы, что и въ Норвегіи, но вслѣдствіе суровости климата большею частью лишены растительности и потому дикіе и угрюмые. Высочайшая вершина—Поутелле—представляетъ изъ себя гранитный острокопечный утесъ до 1,100 фут. высоты. Минеральныя богатства, сокрытыя въ этихъ горахъ, еще мало развѣданы, хотя попытки разрабатывать руду существовали еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ царствованіе Анны Іоанновны на о. Медвѣжьемъ, близъ с. Кандалахи, окруженнаго отрогами Хибинскихъ горъ, открыты были серебряныя руды; въ 1734 г. здѣсь добыто было самороднаго серебра 4 п. 4 $\frac{1}{2}$ ф. и въ рудахъ—37 пуд. 5 ф.; въ 1735 г. промыселъ еще болѣе развился, при чемъ самородковъ добыто до 26 $\frac{1}{2}$ пуд., и руды 28 пуд. Въ 1739 г. эти рудныя отвалы были Бирономъ саксонскому барону Шембергу; послѣдній, съ воцареніемъ Елисаветы, впалъ въ немилость, мнѣнія отъ него были отбраны и горный промыселъ на о. Медвѣжьемъ заглохъ. Въ недавнее время инженеромъ Подгаецкимъ близъ бухты Базарной (почти на границѣ съ Норвегіей, между Рыбачьимъ полуостровомъ и Печенгскою губою) открыты залежи серебро-свинцовой руды; образовалось общество для эксплуатаціи этой руды, приступлено было даже къ работамъ, но, вслѣдствіе недостатка капитала и возникшаго процесса, компанія распалась. Между тѣмъ, по отзывамъ, руды эти оказались очень богатыми по содержанію въ нихъ свинца (70—80%). Мѣдь была найдена въ верховьяхъ р. Поной, близъ с. Умбы и въ рѣчкѣ Кузомя. Жельзо, въ видѣ болотной руды, встрѣчается повсюду, но разрабатывается только отчасти корейцами и, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ. Наконецъ, въ порожни-

стыхъ рѣкахъ Кольскаго полуострова находили мелкій жемчугъ, невысокаго, впрочемъ, достоинства. Что касается отроговъ Финляндскихъ горъ, наодняющихъ собою сѣверную часть Олонецкой губ. (Повѣнецкій у.), то эти горы издавна извѣстны своимъ богатствомъ строительными матеріалами: гранитомъ, порфиромъ, мраморомъ, шиферомъ и др. полезными камнями. Близъ селенія Тивдія добывается 22 сорта мрамора; въ сел. Шокшѣ разрабатывается красный, какъ кровь, шокшинскій камень; въ о. Бруснѣ—зеленоватый точильный камень. Во многихъ мѣстахъ добываютъ бѣлую „андомскую“ глину—для посуды и черную—огнеупорную, камень для горновъ, мѣль и т. п. Жельзная руда въ изобиліи находится во многихъ мѣстахъ и еще Петромъ Великимъ близъ г. Петрозаводска основаны были чугуныя заводы. Въ настоящее время чугуно-литейныя заводы существуютъ въ Петрозаводскѣ—Александровскій и въ сел. Кончозерѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что горное дѣло въ край заставляеть желать еще очень многого, а отсутствіе обшты и удобныхъ путей сообщенія дѣлають это дѣло или малопродуктивнымъ, или доступнымъ только крупнымъ капиталистамъ.

Въ уѣздахъ Мезенскомъ и Печорскомъ расположенъ Тиманскій горныя и хребетъ, достигающій мѣстами до 3,000 фут. высоты (напр., близъ ст. Фоманской). Сѣверная часть его, за рр. Пезой и Пыльмой, извѣстна подъ именемъ Чайцынскаго камня, имѣеть направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ и тянется около 300 верстъ среди безлюдной Малоземельской или Тиманской тундры; состоитъ изъ гранита и рогообманковаго сланца. Южная часть его, или собственно Тиманскій хребетъ идетъ почти параллельно Уралу между системами рѣкъ Мезени и Пе-

чоры и состоятъ изъ девонскаго песчаника и мергеля. Здѣсь встрѣчается въ изобиліи сѣрный колчеданъ и лигнитъ. Въ истокахъ рѣки Сулы встрѣчаются небольшія залежи свинцоваго блеска, содержащаго серебро, и жѣзныя руды. По рѣкѣ Ухтѣ, въ самой южной оконечности Тиманскаго хребта, находится горючій сланецъ—доманикъ; изслѣдованная площадь его простирается на 250 верстѣ въ длину и на 14—въ ширину. По рѣкѣ же Ухтѣ, въ 45 в. отъ впаденія ея въ Ижму, встрѣчается нефть, которая, по преданію, добывалась здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи однимъ московскимъ купцомъ. Изслѣдованія минеральныхъ богатствъ Тиманскихъ горъ производились въ 60-хъ годахъ; затѣмъ, въ 1890 г. произведены были геологическія изслѣдованія горнымъ инженеромъ Ф. Н. Чернышевымъ; но нельзя сказать, чтобы горы эти для насъ были достаточно извѣстными и въ настоящее время. Къ раз-

работкѣ рудъ приступлено только въ 1896 г.—именно, мѣдной, близъ рѣчки Руданки, недалеко отъ истоковъ р. Цыльмы.

Восточную границу Сѣвернаго края составляетъ Сѣверный Уралъ, весьма мало изслѣдованный и состоящій изъ крутыхъ каменныхъ горъ, раздѣленныхъ глубокими лѣсистыми долинами. Здѣсь находятся одні изъ высочайшихъ вершинъ Урала, горы Сабля и Тель-посъ-исъ, достигающія 4,000—5,000 фут. высоты; отъ этихъ горъ идутъ на далекое разстояніе отроги и весь За-Печорскій край представляетъ изъ себя холмистую, живописную мѣстность. Отъ сѣверной оконечности Урала отдѣляется хребетъ Пай-Хой, имѣющій сѣверо-западное направленіе и, по всей вѣроятности, продолжающійся по сѣвѣднимъ скалистымъ островамъ—Вайгачу и Новой Землѣ. Весь Сѣверный Уралъ крайне слабо населенъ кочующими самоѣдами и вогулами и почти совсѣмъ не изслѣдованъ.

За исключеніемъ упомянутыхъ горъ поверхность всего остального Сѣвернаго края представляетъ изъ себя болотистую низменность, слегка покатую къ Ледовитому океану. Въ южной части эта низменность покрыта дремучими лѣсами, переходящими постепенно въ низкорослый кустарникъ, исчезающій, мало-по-малу, въ тундрѣ. Лѣса края состоятъ главнымъ образомъ изъ хвойныхъ породъ; только на западѣ встрѣчается береза, да по отрогамъ Урала растутъ кое-гдѣ липа.

Лѣса эти во многомъ напоминаютъ сибирскую тайгу. Простираясь непрерывно на милліоны десятинъ, они образуютъ такую непролазную чащу, куда и солнечный лучъ не проникаетъ. Въ нихъ днемъ стоитъ таинственный полумракъ, ночью—совершенная темь. Въ тихую погоду невозмутимая, pozorительная тишина подавляюще дѣйствуетъ на человѣка; но стоитъ подняться вѣтру—и лѣсъ зашумитъ, застонетъ на разные голоса. Не трусливый народъ—сѣверяне, а и они боятся забираться въ тайболу—лѣсную глушь и селятся лишь на окраинахъ лѣса, по берегамъ рѣкъ. Единственными жителями и владѣльцами дремучихъ лѣсовъ остаются зѣври и птицы. Медвѣди, волки, росомахи, лисы, зайцы, бѣлки, олени и лоси издавна нашли себѣ пріютъ въ сѣверныхъ лѣсахъ. Изъ міра пернатыхъ, обитателями лѣса являются: рябчики, глухари, тетерева, совы, филины, дятлы и мн. др. Злой врагъ всего—человѣкъ—началъ и здѣсь истреблять лѣса и животныхъ, много уже произвелъ опустошеній, но еще и до сихъ поръ лѣса сѣвера поражаютъ своею громадностью и полною непроходимостью. Другой злой врагъ лѣса—пожаръ—ежегодно уничтожаетъ тысячи десятинъ, дятся недѣли и мѣсяцы, такъ какъ тушить его здѣсь никому; но, какъ

многоголовая змѣя, лѣсъ вновь вырастаетъ на опустошенныхъ огнемъ мѣстахъ и до сихъ поръ могущественно царитъ отъ границы Финляндіи до Урала.

Естественно, въ такой странѣ лѣсные промыслы должны стоять на видномъ мѣстѣ. Лѣсопильные заводы находятся чуть ли не при всѣхъ славныхъ рѣкахъ. Зимомъ по берегамъ рѣкъ дѣятельно идетъ заготовка и подвозка лѣсного матеріала, на лѣсопильныхъ заводахъ готовятъ доски, тесъ, брусья и т. под. Лишь только вскрыется рѣка, многочисленные плоты несутся къ Архангельску—главному порту по торговлѣ лѣсомъ съ заграничій. Другимъ важнымъ портомъ по отравкѣ лѣса за границу служатъ г. Онега. Съ развитіемъ правильныхъ пароходныхъ сообщеній р. Печора также общается занявъ видное мѣсто по сплаву лѣса. За границу Сѣверный край ежегодно отправляетъ лѣсу на 6 милл. рублей. Идетъ сѣверный врагъ во внутреннюю Россію, особенно—въ Петербургъ, лѣсныя биржи котораго на половину наполнены архангельскимъ лѣсомъ. Изъ крупныхъ лѣсныхъ фирмъ сѣвера наиболѣе извѣстны по оборотамъ фирмы Гусанова и К°, Ратькова-Рожднова, Сибирякова и др. Къ сожалѣнію, какъ почти всюду у насъ, и лѣсное хозяйство идетъ безъ системы, хищни-

чески. Лѣсъ рубится „на срубъ“, т. е. весь, безъ разбору, и много гибнетъ его безъ всякой пользы. Въ настоящее время почти вся лѣсная торговля находится въ рукахъ болѣе богатыхъ промышленниковъ, мѣстное же крестьянское население занимается лишь рубкой, подвозомъ и сплавомъ лѣса.

Крестьянскимъ промысломъ въ сѣверныхъ лѣсахъ является охота. Промыселъ этотъ—не развлеченіе, а тяжелый и опасный трудъ и является необходимостью. Если не пугать звѣря, то медвѣди и волки станутъ настолько смѣлы, что крестьянину не только скотинны иельзы будетъ держать, но и за свои „животы“ придется крѣпко бояться. Еще недавно сѣверные лѣса почти исключительно отличались мѣхомъ всю Россію, и всѣмъ извѣстна мѣткость сѣвернаго охотника, попадающаго изъ плохого ружья непременно въ глазъ бѣлки. Еще недавно сѣверъ былъ исключительно поставщикомъ рябчиковъ и прочей дичи въ столицы. Теперь эти промыслы значительно сократились. Сибирь явилась сильнымъ конкурентомъ, а безопасное истребленіе дичи и мелкихъ звѣрей заставляло ихъ убраться въ тайболу, гдѣ ихъ не достать никакому охотнику. Въ болѣе древнія времена сѣверъ соперничалъ съ Сибирью и въ доставкѣ горностяевыхъ, собольихъ, лисьихъ, песцовыхъ и др. шкуръ. Теперь прошли эти времена и охотничьи промыслы доставляютъ мало выгоды русскому населенію. Болѣе пользы извлекаютъ изъ охоты инородцы—самойды, зыряне, лопари; нѣкоторые изъ нихъ даже до сихъ поръ выплачиваютъ подати звѣринными шкурами, какъ и въ доброе старое время; но и они жалуются на исчезновеніе дорогихъ породъ. Пристрастіе инородцевъ къ водкѣ и недобросовѣстное спиваніе и обираніе ихъ заставляло ихъ усиленно гоняться и истреблять звѣря—и теперь охотничій промыселъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ. Чаще всего русское население охотится на медвѣдей и на оленей. На медвѣдей идутъ обыкновенно въ концѣ февраля, когда снѣгъ настолько сляжется и окрѣпнетъ, что въ состояніи удержать промышленника. Отыскавъ берлогу, въ которой спитъ медвѣдь, промышленникъ стрѣляетъ въ отверстіе ея и затѣмъ, тотчасъ же всовываетъ въ это отверстіе молодую ель, вершущую впередъ. Пробужденный отъ сна и раненый, медвѣдь стремится къ выходу и здѣсь встрѣчаетъ препятствіе въ видѣ всузтой ели. Разсерженный

еще болѣе медвѣдь старается втиснуть ель къ себѣ въ берлогу и этимъ создаетъ себѣ трудную работу, такъ какъ ель своими расширяющимися книзу и крѣпкими сучьями едва поддается усилямъ медвѣдя. Наконецъ, раненый и истомленный звѣрь, обсыпанный снѣгомъ, появляется въ отверстіи берлоги, но здѣсь давно уже поджидаетъ его охотникъ, который хладнокровно и мѣтко всовываетъ рогатину въ звѣря и изо всѣхъ силъ прижимаетъ ее къ землѣ. Судьба медвѣдя тогда рѣшена. Бываетъ иногда, что въ берлогѣ находится не одинъ медвѣдь, а два, даже три;—тогда охотнику не сдобровать, если онъ вышелъ на царя сѣверныхъ лѣсовъ одинъ-на-одинъ, безъ товарищей. Вообще охота на медвѣдя опасна, требуетъ большого хладнокровія, ловкости и силы. При малѣйшей оплошности г. Топтыгинъ жестоко мститъ за нарушеніе своего зимняго покоя. У сѣверянъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что самый искусный охотникъ—этотъ на сороковомъ медвѣдь поддается. Нѣкоторые до того вѣрятъ этому повѣрью, что ведутъ счетъ убитыхъ ими медвѣдей и послѣ 30-го на охоту за этимъ звѣремъ не ходятъ. Убитый медвѣдь, средней величины, приноситъ промышленнику 50—70 р. (шкура, сало, окорока). Если охота на медвѣдя сопряжена съ большою опасностью для жизни охотника, то охота на оленей крайне неопредѣлена. Идя на медвѣдя, — особенно, когда берлога послѣдняго заранѣе извѣстна,—промышленникъ можетъ легко разсчитать, когда онъ вернется домой; за оленемъ же можно прогнаться цѣлые дни и безъ всякой пользы. Чуткій звѣрь не подпускаетъ къ себѣ охотника на такое разстояніе, на какое достаетъ его плохое, дупотное ружье. И вотъ, начинается погоня. Оленю вседу дорога. Не задумываясь, соскакиваетъ онъ въ пропасти, бѣжитъ по кручамъ, топкимъ болотамъ, сугробамъ снѣга; избѣгаетъ одного лишь дремучаго лѣса, гдѣ его рога служатъ ему значительной помѣхой. По пятамъ за оленемъ мчатся на лыжахъ промышленникъ, уходя такимъ образомъ отъ своего жилья на десятки верстъ. Только вкусное, для сѣверянъ, оленье мясо, при отсутствіи вообще мясной пачи на сѣверѣ, заставлятъ охотника рѣшиться на такую сомнительную охоту. За оленями гоняются главнымъ образомъ русскіе; сѣверные инородцы держатъ стада оленей при себѣ и съ ними вмѣстѣ кочуютъ.

Съ приближеніемъ къ Ледовитому океану, лѣса начинаютъ мелчать и мельчать. Прекрасный сосновый боръ, покрывающій предгорные холмы Урала, многосаженныя лиственницы и ели, мало-по-малу, уступаютъ мѣсто низкорослому кустарнику, искривленной березѣ. Начинается тундра—болотистая, безлѣсная, оттаи-

вающая летом только на какой-нибудь аршин пустыня. Обыкновенно, на картах северного края отмечают три области тундры: Канинскую—на Канинском полуострове и близ лежащей местности, Малоземельскую или Тиманскую—между рѣками Мезенью и Печорой, прорываемую Тиманским кряжемъ (Чайцынским камнемъ), и Вольшеземельскую—за р. Печорой до Урала, переходящую и далѣе въ Сибирь, на полуостровъ Ялмалъ и сливающуюся съ сибирскою тундрой. Но, помимо этой области, что нужно замѣтить, берега Ледовитаго океана во многихъ мѣстахъ представляютъ изъ себя тундру (часть Мурманскаго и Терскаго берега на Колымскомъ полуостровѣ, берега Бѣлаго моря и пр.).

Невыразимо грустную картину представляетъ изъ себя тундра зимою. Сѣрое, хмурое небо, пустынная, глубоко засыпанная снѣгомъ, безжизненная равнина. Ни одного звука, ни одного шлеса, ни одного человѣческаго голоса. Иногда развѣ пустыня огласится лаемъ одинокаго пса или хриплымъ крикомъ бѣлой совы—достойной обитательницы этихъ странъ. А наступитъ многомѣсячная ночь, пойдутъ играть „сполохи“ по небу, разыграется съ дикимъ свистомъ пурга, ударитъ сорокоградусный морозъ—только одинъ самовѣдъ въ состояніи вынести такую тоску, да и тотъ ждетъ не дождется „праздника солида“, когда это животное свѣтло опять освѣтитъ пустынные снѣжные поляны. Но вотъ прошла лютая зима, наступило короткое, но жаркое лѣто. Солнце по дѣлымъ днямъ не сходитъ съ неба, какъ бы желая вознаградить за скудость свѣта зимою,—и мерзлая, на половину оттаявшая пустыня на время оживаетъ. Всѣ кочки ея покрываются густымъ ягодникомъ—морожкой, черникой, голубикой; рѣки и рѣчки наполняются идущими съ океана осетрами, лососями, омулями (родъ сига) и др. вкусными и жирными рыбами; болотистая поверхность покрывается ягелемъ—оленьимъ мхомъ, мѣстами—жесткою, но съ яркою окраской травой, среди которой блеститъ вода озера, ручья и лужъ. Тучи комаровъ и др.

мошекъ носятся въ воздухѣ; съ юга слѣшатъ многочисленныя стаи гусей, утокъ, гадгаръ, куропатокъ, лебедей и пр. Здѣсь эти птицы находятъ себѣ обильную пищу, выводятъ дѣтей и осенью вновь летятъ далеко на югъ. За птицей идетъ охотникъ, промышленникъ—и тундра ожива, тундра теперь уже не безжизненная пустыня, а яркій, разноцвѣтный коверъ, оживленный всевозможными головами. Не долго, правда, продолжится эта жизнь: 3—4 мѣсяца, а затѣмъ опять тяжелый сонъ пустыни...

Птичий промыселъ въ тундрѣ могъ бы дать большой заработокъ населенію, если бы устроить правильный сбытъ, а населеніе обучить копченію и вообще заготовкѣ птицы въ прокъ. На самомъ дѣлѣ, масса убитой птицы гниетъ на мѣстѣ, а остальная поступаетъ почти исключительно только на мѣстные рынки для мѣстнаго потребленія. Экспортомъ служатъ перья, шухъ, отчасти лѣйда, и, чуть ли не главнымъ образомъ, крылья куропатокъ и др. северныхъ птицъ. Благодаря модамъ и дамскимъ вкусамъ носить на своихъ шляпкахъ перья, крылья и т. п., съ одной пустынной Печоры вывозятъ за границу болѣе 3,000 пуд. птичьихъ крыльевъ, и на мѣстѣ крылья стоятъ дороже убитой птицы (пара куропатокъ безъ крыльевъ—2 коп., пара крыльевъ отдѣльно—3 к.).

Северный край чрезвычайно богатъ водою. Тысячи озеръ, болотъ, рѣкъ изрѣзываютъ его на всемъ пространствѣ. Эти воды содержатъ въ себѣ и наибольшее богатство края—рыбное, и служатъ во многихъ мѣстахъ единственными путями сообщенія.

Изъ рѣкъ Кольскаго полуострова достойны упоминанія рр. Тана и Пазъ, какъ граничныя съ Норвегіей, р. Кола, съ лѣвымъ притокомъ—р. Туломой, р. Поной (300 в.) и р. Варзуга (ок. 400 в.). Всѣ эти рѣки порождаютъ, текутъ въ каменистыхъ берегахъ и въ своемъ теченіи проходятъ не мало озера. Такъ, р. Кола, вытекая изъ озера Колозера,

проходитъ, въ верхнемъ своемъ теченіи, чрезъ Пулозеро и Мурдозеро. Невысокій Хибинскій хребетъ только на разстояніи 1 версты отдѣляетъ истоки р. Колы отъ р. Куренги, протекающей черезъ озеро Переяверъ и впадающей въ оз. Имандру, откуда идетъ рѣка Нива въ Кандалакшскую губу. Такимъ образомъ только на разстояніи 1 версты нѣтъ

непрерывного водного пути между Канда-лакшской губою и сѣвернымъ берегомъ Ледовитаго океана. Р. Кола впадаетъ въ обширный Кольскій заливъ, длиною около 70 в.; при устьяхъ ея стоитъ г. Кола—самый сѣверный городъ Европейской Россіи (69° сѣв. шир.), съ населеніемъ около 700 чел., живущихъ почти исключительно рыбной ловлей и рыбной торговлей. Рѣки—Панной, Варзуга, Канда, Нива и др. мелкія рѣки богаты рыбою и стояція на берегахъ ихъ, и при впаденіи въ море поморскія села отправляютъ въ Архангельскъ не одну тысячу пудовъ семги, сельдей, наваги и пр. Такъ, въ с. Керети (ок. 600 жит.) ежегодно вылавливается до 300 пуд. семги и засоли-

вается до 10,000 боченковъ сельди; въ г. Убѣ—1,500 пуд. семги, Кузоmeni (ок. 1,000 жит., въ устьяхъ р. Варзуги)—1,000 пуд. семги, Кавдалакшѣ (ок. 600 жит.)—30,000 боченковъ сельдей и до 100 пуд. семги и т. п. Обычная цѣна семги на мѣстѣ отъ 8 до 12 р. за пудъ, боченка сельдей (30 ф.)—40—70 коп. Изъ озеръ Кольскаго полуострова самое большое озеро Имандра, имѣющее около 100 в. въ длину и отъ 5 до 30 верстъ въ ширину. Озеро это бурное, но судоходное, берега его холмисты, покрыты лѣсомъ, мѣстами—непроходимыми толями; въ сѣверной своей части оно окружено скалистыми Хибинскими горами.

Корелія, простирающаяся на югъ отъ Кольскаго полуострова, точно также покрыта множествомъ озеръ, рѣчекъ, болотъ и непроходимыхъ толей.

Наибольше значительная рѣка Кемь (около 300 в.) проходитъ всю Корелію отъ границъ Финляндіи, причѣмъ протекаетъ черезъ слѣдующія озера: Ветозеро, Кировозеро, Верховье, Орель, Верхнее, Среднее и Нижнее Кунто; послѣднее озеро имѣетъ до 115 в. длины и отъ 5 до 15 в. ширины. Около с. Подужемья на р. Кемь находится водопадъ, не уступающій, по своей красотѣ, извѣстной Иматрѣ; и вообще теченіе рѣки Кемь бурное, порожистое, среди каменистыхъ и утесистыхъ береговъ. Изъ другихъ озеръ Кореліи, кромѣ озера Кунто, достойны упоминанія, по своей величинѣ: Топозеро (длиною около 80 в., ширины отъ 3 до 18 в.), Пяозеро (60 × 30 в.) и Ковдозеро (60 × 40 в.). Всѣ они довольно глубоки (40—60 саж.) и богаты рыбой.

По берегу Бѣлаго моря отъ г. Кемь до г. Онеги, при впаденіи небольшихъ, но рыбныхъ рѣчекъ, расположились наибольше бога-

тыя и многолюдныя русскія поселенія: Шуя (900 ж.), Сорочкое или Сороча (около 1,200 ж.), Шижма (около 1,000 ж.), Сухоноволокце (700 ж.), Сумскій посадъ (свыше 2,000 ж.), Колежка (800 чел.), Нюхча (свыше 1,500 ж.) и т. д. Это самое населенное мѣсто во всемъ Сѣверномъ краѣ. Главный промыселъ жителей—ловъ сельдей и наваги и постройка поморскихъ судовъ. Сельдей вылавливается ежегодно до 15 милл. штукъ, наваги—свыше 1 милл. штукъ; цѣна сельдей на мѣстѣ—5—15 к. за 100 штукъ, наваги—40—60 к. за 100 штукъ. Всѣ эти селенія владѣютъ до 200 шхунами, устроенными собственными мастерами, вмѣстимостью до 10,000 тоннъ и стоимостью около 300,000 р. Это—цѣлая сѣверная флотилія, на которой жители безстрашно ходятъ даже на Шлицбергскія и Новую Землю.

За г. Онегою наступаетъ царство большихъ рѣкъ Сѣвернаго края.

Р. Онега беретъ начало въ Новгородской губ., вытекаетъ изъ озера Воже и проходитъ озеро Лачо. Длина теченія до 600 в., ширина—отъ 100 до 400 саж. Теченіе быстрое, порожистое (5 пороговъ), дно каменистое. Для сплава удобна на всемъ протяженіи, судоходна же только въ нижнемъ теченіи. По ней сплавляется много лѣса, и стоящій въ устьяхъ ея г. Онега (2,700 ж.)—второй въ Сѣверномъ краѣ портъ по количеству отправки лѣса за границу. Многолѣтнія наблюденія надъ временемъ вскрытія и замерзанія рѣки дали слѣдующіе результаты: у г. Каргополя р. Онега вскрывается въ среднемъ 23 марта, замерзаетъ—18 октября; у г. Онеги рѣка свободна ото льда съ 16 апрѣля по 31 октября. Изъ притоковъ р. Онеги упо-

мянемъ рѣки: Волоксу, Кену, Мому, Кожу; всѣ онѣ имѣютъ значеніе сплавныхъ рѣкъ.—Сѣверная Двина—главная артерія Сѣвернаго края, связывающая его съ центромъ Россіи,—образуется изъ слиянія двухъ рѣкъ—Сухоны, вытекающей изъ Кубинскаго озера, и Юга. Если считать за начало рѣки р. Кубину, впадающую въ Кубинское озеро, или р. Лузу—притокъ р. Юга, то общая длина рѣки будетъ 1,370—1,400 верстъ; если же считать только одну часть рѣки, которой присвоено названіе Сѣверной Двины (отъ слиянія Сухоны съ Югомъ), то длина рѣки будетъ только 684 в. На всемъ послѣднемъ протяженіи рѣка вполне судоходна; выше же хотя парходы и ходятъ до г. Вологды, но судоходство затрудняется мелями и перекатами

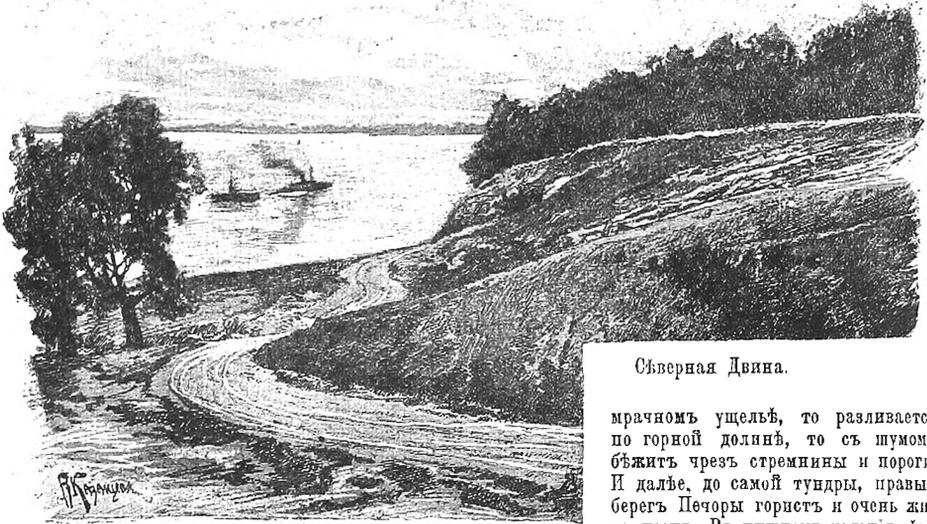
и нѣрѣдко, въ сухое лѣто, прекращается. Верхнее и среднее теченіе рѣки, въ предѣлахъ Вологодской губ., проходитъ среди холмистой мѣстности (Урало-Алаунская гряда); въ нижнемъ—рѣка, принявъ свой главный притокъ Вычегды, широко разливается по равнинѣ, переходящей, мало-по-малу, въ тундру, и имѣетъ множество низменныхъ наносныхъ острововъ. Весною Сѣверная Двина разливается здѣсь на десятки верстъ и оставляетъ послѣ себя плодороднѣйшій илъ. Здѣсь не безъ успѣха сѣютъ ленъ, а на заливныхъ лугахъ вырастаетъ отличная шелковистая трава (тимофеевка) въ ростъ человека. Иногда десятина заливного луга даетъ до 450 пуд. сѣна. Еще Петръ Великій обратилъ вниманіе на это травяное богатство и думалъ завести здѣсь улучшенное скотоводство. Выписанный имъ изъ Голландіи рогатый скотъ положилъ начало извѣстной въ Россіи породѣ коровъ — холмогорокъ. Къ сожалѣнію, отдаленность сѣвернаго края и отсутствіе правильно-организованнаго сбыта не дали возможности развиться скотоводству до широкихъ размѣровъ и доселѣ этого промысла здѣсь въ упадкѣ. Неподалеку отъ своего впаденія въ Вѣлое море, Сѣверная Двина дѣлится на 4 рукава, изъ которыхъ одинъ—Березовскій—судоходенъ, остальные же занесены пескомъ и илкомъ. Сѣверная Двина—лучшій естественный путь къ Вѣлому морю, а обширный бассейнъ ея связываетъ отдаленнѣйшія части края съ центромъ. Такъ, правый притокъ Вычегда (1,035 в.) на тысячу верстъ приближаетъ далекій Печорскій край, отдѣляясь отъ бассейна Печоры и Камы всего нѣсколькими десятками верстъ невысокихъ отроговъ Тиманскаго хребта. Вычегда принимается до 200 притоковъ, болѣе чѣмъ главная рѣка, многія изъ которыхъ судоходны, причемъ

нѣкоторые изъ послѣднихъ далеко заходятъ на сѣверъ и югъ (напр., правые притоки: Черъ—300 в., близко подходящій къ р. Ижмѣ—притоку Печоры; Вымь—до 500 в.; лѣвый—Сысола, свыше 400 в., берущая начало въ Вятской губ. и т. д.). Не удивительно, что бассейнъ Вычегды громадный: онъ занимаетъ до 237,000 кв. верстъ. Вычегда—рѣка многоводная и судоходна на 700 в. Къ сожалѣнію, она проходитъ по безлюдному пока краю и не имѣетъ того громаднаго значенія, которое, несомнѣнно, принадлежало бы ей въ будущемъ. Все ея теченіе идетъ среди дремучихъ лѣсовъ, причемъ, въ верхней своей части, она прорѣзываетъ холмистую мѣстность, послѣ же г. Яренска течетъ по болотистой низменности. Южнѣе г. Холмогоръ въ Сѣверную Двину впадаетъ справа другой значительный и судоходный притокъ—р. Пинеги (около 600 в.), но берега ея пустыни, и рѣка имѣетъ значеніе только какъ болѣе удобный путь сообщенія. Ниже г. Пинеги берега ея болѣе оживлены: жители сплаваютъ лѣсъ, изъ Архангельска идутъ товары. Г. Пинега извѣстенъ своею Никольскою ярмаркою, на которую стекаются сѣверные инородцы—зыряне и отчасти самоеды. Изъ лѣвыхъ притоковъ Сѣверной Двины, протекающихъ, хотя частью своею, по описываемому нами краю, упомянемъ р. Вагу (до 500 в.), берущую начало въ Тотемскомъ у., Вологодской губерніи. Долина р. Ваги (Шенкурскій у.)—единственное мѣсто въ Сѣверномъ краѣ, гдѣ посѣвы ржи возможны безъ опасенія за ранне утренники. На рѣкѣ Двинѣ сосредоточена главная торговля края; можно сказать— $\frac{3}{4}$ всѣхъ товаровъ края идетъ къ Двинѣ или по Двинѣ къ главному и почти единственному порту—г. Архангельску, о которомъ мы скажемъ ниже.

За р. Двиною простирается малонаселенная страна, хотя и имѣющая значительные водные пути и естественныя богатства, но они мало изслѣдованы и эксплуатируются лишь въ незначительной степени.

Такъ, богатая рыбой р. Кулой пустынна и только въ устьяхъ ея жители с. Долгощелья занимаются отчасти ловлей семги, нельмы и наваги, также охотой на морскихъ звѣрей. Р. Мезень (985 в.) беретъ начало въ Вологодской губ., течетъ среди болотъ и лѣсовъ и впадаетъ въ обширную Мезенскую губ. Рѣка мелководна и потому не судоходна; въ устьѣ высокіе приливы и отливы наносятъ цѣлыя горы песку и постоянно измѣняютъ фарватеръ. Но, какъ сплавная, рѣка имѣетъ нѣкоторое значеніе для края и могла бы имѣть еще значительно большее. Въ устьяхъ Мезени расположены два лѣсопильныхъ заводовъ—Русанова и К^о и мезенскаго купца Руж-

никова, на которыхъ распиливается до 100,000 бревенъ въ годъ, пригоняемыхъ на плоткахъ весною и лѣтомъ, главнымъ образомъ, изъ предѣловъ Вологодской губерніи. Благодаря обилію поемныхъ луговъ, на берегахъ р. Мезени могло бы развиваться скотоводство въ широкихъ размѣрахъ. Сосланный сюда при Петрѣ Великомъ князь Голицынъ сумѣлъ развести изъ особую породу лошадей—мезенокъ, извѣстныхъ своей выносливостью и быстротою бѣга. Но теперь порода эта постепенно вырождается и во всемъ Мезенскомъ у. не насчитывается въ настоящее время и 5,000 лошадей. Изъ притоковъ р. Мезени упомянемъ Ирву, Мезенскую Пижму, Вагу,

Съверная Двина.

Щелью, Лѣтною и Пезу. Однѣ изъ нихъ текутъ по непроходимымъ лѣсамъ, другія, какъ р. Пеза (400 в.), — по тундрѣ. Берега обширнаго Мезенскаго залива составляютъ главное мѣсто промысла морскихъ звѣрей. Сюда, въ февралѣ и мартѣ, ежегодно собирается отъ 2 до 3 тысячъ промышленниковъ; сюда же, осенью, приплываютъ изъ приполярныхъ странъ огромныя стада („юрова“) тюленей. Здѣсь они въ февралѣ плодятся и остаются на прибрежныхъ льдинахъ до тѣхъ поръ, пока малыши не научатся плавать. Въ началѣ мая тюлени уходятъ со своими дѣтми въ океанъ. Всего чаще встрѣчаются слѣдующія породы тюленей: нерпа или обыкновенный тюлень (*phoca vitulina v. foetida*), длиною 1½—2 арш., дающій сала 2—3 пуда; гренландскій тюлень (*phoca graenlandica*), длиною 2—2½ арш., — съ него получается сала 4—6 пудовъ. Значительно рѣже встрѣчается морской заяцъ (*phoca leorogina*), длиною около 3 арш., сала даетъ 6—10 пуд. и товьякъ (*phoca cristatus monachus*), длиною около 4 арш., дающій сала около 10 пуд. Въ 1895 г. морскихъ звѣрей убито было въ Мезенской губѣ 12,200 штукъ на суммъ 38,000 р. (Энгельгардтъ, „Русскій сѣверъ“, стр. 194—197). Р. Мезень вскрывается ото льда около половины мая, замерзаетъ въ концѣ октября. Печора — длиннѣйшая рѣка въ краѣ (2,000 в.), берегъ начало въ Чердынскомъ у. съ западнаго склона Уральскихъ горъ тремя истоками. Въ верхней части теченіе извилистое и быстрое и носитъ чисто горный характеръ: рѣка то тѣснится въ

мрачномъ ущельѣ, то разливается по горной долинѣ, то съ шумомъ бѣжитъ черезъ стремнины и пороги. И далѣе, до самой тундры, правый берегъ Печоры гористъ и очень живописенъ. Въ нижнемъ теченіи рѣка покрыта множествомъ острововъ и, впадая въ Ледовитый океанъ, образуетъ обширную дельту. Благодаря многоводности, Печора судоходна на протяженіи 1,500 в., но до послѣдняго времени правильнаго судоходства на рѣкѣ не было, и весь печорскій краѣ представлялъ изъ себя забытый Богомъ и людьми уголь. Съ 1895 г., вслѣдствіе ходатайства Архангельскаго губернатора, учреждено, при ежегодной правительственной субсидіи, постоянное срочное пароходство изъ Архангельска до с. Куя (въ устьяхъ Печоры) и по р. Печорѣ вверхъ до с. Щугоръ (въ Вологодской губ.). Позднее открытіе Печоры (во второй половинѣ мая) и льды Ледовитаго океана затрудняютъ это пароходство; тѣмъ не менѣе въ навигацію 1895 г. пароходъ Сибирякова „Норденшильдъ“ сдѣлалъ три рейса изъ Архангельска въ Куя и обратно, а между селами Щугоръ и Куя пароходъ Чердынскаго купца Черныхъ успѣлъ сдѣлать по Печорѣ 7 рейсовъ. Вассейнъ Печоры занимаетъ 19,500 кв. верстѣ. Въ нее впадаютъ до 80 рѣкъ, болѣею частью незначительныхъ, исключая рѣкъ: Пльды (до 400 в.), Щугоръ (около 400 в.) и Усы (до 600 в.) съ правой стороны, и Милвы (300 в.), Ижмы (500 в.) и Цыльмы (300 в.) съ лѣвой. Берега Печоры пустынные и слабо заселены. Лѣсъ, безконечный темный лѣсъ, „урманъ“ по мѣстному названію, обступилъ рѣку на тысячи верстѣ со всѣхъ сторонъ. Кое-гдѣ, по берегу рѣки, ютятся миниатюрныя деревушки, съ хатами безъ крышъ, съ маленькими оконцами. Въ этихъ хатахъ — и люди, и телята, и овцы, и всякій домашній скарбъ. Всюду непроходимая бѣдность, такъ

какъ за отдаленностью и непроходимостью края всякій промыселъ обезцѣняется. Хлѣбъ въ этой странѣ не родится; лѣтомъ—рыбная ловля, зимою—охота на звѣря въ урманыхъ, охота тяжелая, отвлекающая все взрослое мужское населеніе на цѣлые мѣсяцы въ лѣса. Развѣ только теперь свистъ парохода разбудить этотъ далекій забытый край. Для под-

ноты слѣдуетъ упомянуть еще малоизслѣдованную р. Кару—пограничную рѣку между Европой и Азіей, текущую по безлюдной Больше-земельской тундрѣ и впадающую въ обширную Карскую губу, почти круглый годъ затертую льдами, а также озера: Урдюга, Индижскія и Ямъ, изобилующія рыбою и находящіяся въ Тиманской тундрѣ.

Омывающій сѣверное пространство Ледовитый океанъ образуетъ нѣсколько фіордовъ, заливовъ, губъ, полуострововъ. Западная часть Кольскаго полуострова (имѣющаго около 650 в. въ длину и отъ 300 до 400 в. ширины и извѣстнаго также подъ именемъ «Русской Лапландіи») есть ничто иное, какъ продолженіе скандинавскихъ фіордовъ. Таковы заливы—Мотовскій, Ара, Ура, Озерко, Екатерининскій и др. Всѣ они извилисты, глубоки, окружены мрачными утесами и, несмотря на незначительную ширину, тянутся иногда на десятки верстъ вглубь материка. За р. Колою они, мало-по-малу, теряютъ свой характеръ узкихъ фіордовъ и переходятъ въ широкіе заливы вплоть до м. Святаго-Носа. Всѣ эти фіорды и заливы весьма важны для края, а въ будущемъ ихъ ожидаютъ болѣе блестящіе времена. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе проходящаго здѣсь Гольфштрема, несмотря на свое крайне сѣверное положеніе, фіорды эти не замерзаютъ и зимою. Ледяныя горы относятся теченіемъ къ сѣверу и океанъ противъ Мурмана всегда свободенъ ото льда. Извилистость фіордовъ и обступающія ихъ скалы дѣлаютъ ихъ безопасными стоянками для кораблей во всякую лютую сѣверную неполаду и жестокой штормъ, а глубина позволяетъ укрываться въ нихъ даже глубоко-сидящимъ судамъ. Россія, кромѣ Дальняго Востока, не имѣетъ свободнаго выхода въ открытый океанъ; ея военный флотъ расположенъ во внутреннихъ моряхъ, выходы изъ которыхъ находятся въ рукахъ часто враждебныхъ державъ. Это заставило обратить вниманіе на Мурманскіе фіорды, которые такимъ образомъ пріобрѣли громадное политическое значеніе,— и 8 апрѣля 1896 г. Высочайше утверждено положеніе Государственнаго Совѣта объ устройствѣ въ Екатерининской гавани на Мурманѣ коммерческаго порта и городского при немъ поселенія, вызваны сюда на весьма льготныхъ условіяхъ съ денежнымъ пособіемъ отъ казны колонисты (пошли преимущественно финны), устроены телеграфъ, соединяющій эту гавань съ Архангельскомъ, а чрезъ него и съ телеграфною сѣтью всего міра; лѣтомъ 1898 года разрѣшено произвести изысканія для проведенія желѣзной дороги изъ С.-Петербурга на г. Кемь и далѣе чрезъ Колу до Екатерининской гавани; устроено двухклассное министерское училище и т. д., и т. д. Екатерининская гавань находится только въ 15 в. отъ открытаго океана, на пути слѣдованія судовъ изъ Архангельска за границу. Она имѣетъ въ длину двѣ версты, въ ширину 150—200 саж., глубины отъ 10 до 25 саж., при чемъ приливы въ гавани достигаютъ 10—12 фут., такъ что самыя большія суда могутъ стоять чуть не вплотную къ берегу. Климатъ, благодаря Гольфштрему, очень мягкій для такого сѣвернаго пункта (средняя температура года $+2^{\circ}$ по Реомюру, при чемъ морозы въ -15° считаются рѣд-

костью). Другіе сосѣдніе фіорды представляютъ тѣ же удобства, что и Екатерининская гавань, но болѣе удалены отъ океана. Кромѣ помянутаго политическаго значенія, фіорды и заливы Мурмана имѣютъ важное экономическое значеніе для края. Можно сказать, вся Лапландія и Поморье питаются Мурманомъ. Къ Мурману раннею весною приплываютъ огромныя стада рыбъ и морскихъ звѣрей (китовъ, тюленей и пр.), и рыбныя промыслы здѣсь даже теперь даютъ до 1½ милл. рублей, а въ будущемъ несомнѣнно разовьются еще болѣе. Немудренно поэтому, что всѣ заливы Мурмана окружены «становищами» рыбопромышленниковъ, важнѣйшія изъ которыхъ—Гаврилово, Териберка, Еретики и др. Въ Ура-губѣ, близъ становища Еретиковъ, существуетъ даже специально китобойный заводъ; впрочемъ, обороты его незначительны и дѣятельность пока не постоянная.

Обогнувъ Кольскій полуостровъ, Ледовитый океанъ далеко врѣзывается въ материкъ, образуя обширное Бѣлое море.

Значеніе для Россіи Бѣлаго моря, съ его губами: Кандалакшской, Онежской, Двинской и Мезенской, было признано еще Иоанномъ Грознымъ, при которомъ именно чрезъ это море впервые начались наши торговыя морскія сообщенія съ западомъ, если не принимать во вниманіе торговыхъ сношеній Господина Великаго Новгорода. Бѣлое море—единственное, которымъ Россія владѣетъ съ самыхъ древнихъ временъ и на которое, кажется, ни одна держава не заявляла никакихъ претензій. Оно принадлежитъ намъ все и, хотя въ послѣднее столѣтіе, съ развитіемъ пароходства по Балтійскому и Черному морямъ, Бѣлое море и утратило свое общерусское значеніе, но для Сѣвернаго края оно доселѣ служитъ единственнымъ окномъ въ Европу. Къ сожалѣнію, плаваніе по этому морю сопряжено съ большими затрудненіями. Находясь вдали отъ теплаго Гольфштрема, Бѣлое море покрывается сплошь льдами и освобождается отъ него только къ маю. Но даже и послѣ, въ іюнѣ—іюль, не рѣдкость встрѣтить на немъ одинокія ледяныя глыбы—„стамухи“, встрѣча съ которыми такъ опасна для утлыхъ бѣломорскихъ шнякъ. Далѣе, море это бурное, усѣянное во многихъ мѣстахъ (особенно въ Кандалакшской губѣ) подводными камнями, не нанесенными, разумѣется, на карту. Бури и волненія особенно развиваются въ проливахъ, соединяющемъ море съ океаномъ. Сильное волненіе бываетъ здѣсь даже и безъ вѣтра, ежедневно въ опредѣлен-

ныя часы. Оно зависитъ отъ того обстоятельства, что волна прилива, идущая изъ океана, употребляетъ ровно 6 часовъ, чтобы пройти до южныхъ береговъ моря и столько же часовъ на обратное путешествіе. Между тѣмъ изъ океана въ это время мчится уже вторая волна прилива и, встрѣчаясь съ первой, производитъ сильное волненіе. Осенью Бѣлое море нерѣдко окутывается непроцеаемыми туманами, и тогда самые опытные корабліе отказываются управлять судномъ. Наконецъ, Бѣлое море и вообще мелко, а прибрежныя части его и заливы иногда до такой степени занесены пескомъ, что даже небольшое судно становится на якорѣ въ 10—15 верстахъ отъ берега, въ открытомъ морѣ, что при бурности этого моря далеко не безопасно. Тѣмъ не менѣе бурное Бѣлое море имѣетъ громадное экономическое значеніе для края. Вся рыба съ Мурмана, звѣриныя кожи, сало и дичь съ далекой Печоры и Новой Земли, всѣ лѣсные матеріалы отъ границъ Финляндіи до истоковъ далекой Вычегды—направляется въ это море къ его единственной пока хорошей гавани—Архангельску и отсюда уже расходится во всѣ концы. А рыбныя его богатства (преимущественно сельдь), обиліе звѣря на его „взимнемъ“ берегу*) и въ Мезенскомъ заливѣ—привлекли сюда значительную часть населенія Сѣвернаго края, образовавшаго изъ лучшихъ мѣстахъ многолюдныя и не для одного сѣвера села, которыя могли бы прерватиться въ промышленныя центры.

Далѣе, за тундристымъ и необитаемымъ Канинымъ полуостровомъ Ледовитый океанъ образуетъ громадную Ческую губу и почти прямой линіей направ-

*) Берега Бѣлаго моря носятъ различныя названія: отъ Св. Носа до р. Варзуги идетъ Терскій берегъ, за нимъ до крайней оконечности Кандалакшской губы—Кандалакшскій, противъ него—Поморскій берегъ; южная оконечность Онежской губы называется Лѣтнимъ берегомъ и, наконецъ, между Двинскою и Мезенскою губами находится Зимній берегъ.

ляется къ устьямъ Печоры. Весь берегъ здѣсь до Вайгачскаго пролива низкій и представляетъ собою необитаемую тундру. Море у берега мелко и, кромѣ того, почти круглый годъ наполнено плавующими льдинами. Теплый Гольфштремъ далеко уклонился на сѣверъ къ берегамъ Новой Земли, и льды разгуливаютъ здѣсь на просторѣ, не боясь пагубнаго дыханія теплаго теченія. Весь берегъ этотъ остается неизслѣдованнымъ и до настоящаго времени.

Климатъ Сѣвернаго края, ввиду обширности этого пространства и главнымъ образомъ благодаря Гольфштрему, крайне разнообразенъ. Самый сѣверный берегъ Мурмана, достигающій 70° сѣв. широты, имѣетъ болѣе теплую среднюю температуру, чѣмъ приуральскія мѣстности на 60° и даже 55° . Вообще западная часть описываемаго пространства гораздо теплѣе и влажнѣе восточной. Такъ, многолѣтнія наблюденія въ Колѣ дали слѣдующіе результаты: средняя температура весны ($1\frac{1}{2}$ мѣс.) $+2,29^{\circ}$ по Реомюру, лѣта ($2\frac{1}{2}$ мѣс.) $+8,95^{\circ}$, осени (3 мѣс.) $+2,5^{\circ}$ и зимы (5 мѣс.) -6° , при чемъ морозы въ $15-20^{\circ}$ бываютъ очень рѣдко и держатся недолго. Въ то же время много южнѣе Колы, въ предѣлахъ Повѣнецкаго у., — 40° зимою нерѣдкость. Еще рѣзче эта зависимость климата отъ Гольфштрема сказывается на востокѣ. Недавнія наблюденія на западномъ берегу Новой Земли подъ 75° сѣв. широты дали для зимы въ среднемъ $-15,8^{\circ}$ R (крайнія колебанія температуры $-1\frac{1}{2}^{\circ}$ и -25°), для лѣта $+2^{\circ}$ (при чемъ въ іюлѣ выпадали иногда дни $+12^{\circ}$), для круглаго года $-6,4^{\circ}$; между тѣмъ въ Чердынскомъ краѣ ($60-63^{\circ}$) зимніе морозы вошли въ пословицу, въ Устьянскѣ (71°) средняя температура года $-15,24^{\circ}$, въ Нижнеколымскѣ (67°) -10° а въ Якутскѣ (62°) почти одинакова съ Новой Землей -6° . Зато чѣмъ далѣе на востокъ и далѣе отъ Гольфштрема, тѣмъ болѣе ясныхъ дней въ году, менѣе выпадаетъ дождя и снѣга и лѣтомъ бываютъ весьма знойные дни. Впрочемъ, точныхъ цифръ здѣсь привести нельзя, такъ какъ метеорологическихъ наблюденій въ краѣ почти не ведется. Только относительно Кольскаго полуострова извѣстно, что высота снѣжнаго покрова ежегодно достигаетъ 7—8 футовъ. Понятно, что ввиду краткости лѣта и, особенно, краткости періода, когда безусловно не бываетъ утреннихъ заморозковъ (что для земледѣльца крайне важно), хлѣбопашество въ значительной части Сѣвернаго пространства немислимо, и населеніе питается привознымъ хлѣбомъ, переплачивая за него значительныя суммы и, по своей бѣдности, нерѣдко подмѣшывая въ муку сосновую кору, оленій мочъ и т. п.

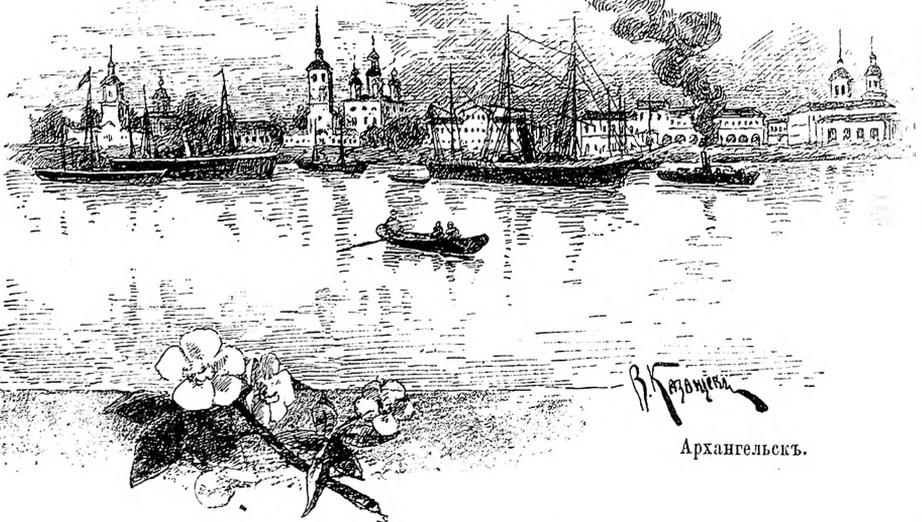
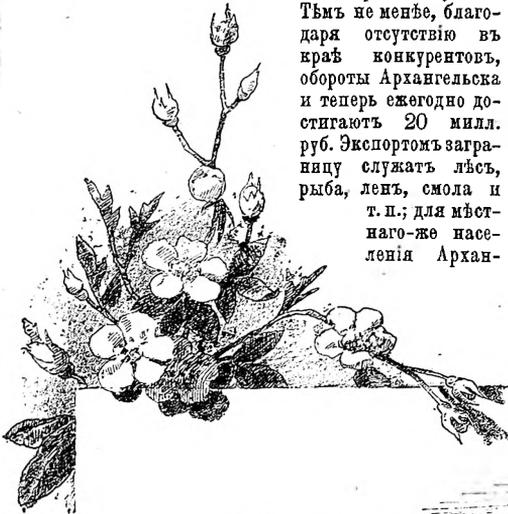
Къ особенностямъ многихъ мѣстъ края нужно отнести многомѣсячную ночь зимою и незаходящее солнце лѣтомъ. Но представленіе о полярной ночи, какъ безусловно темной, невѣрно. Не говоря уже о сіяніи звѣздъ и періодическомъ лунномъ освѣщеніи, ежедневно около полудня появляется на южной сторонѣ неба заря, которая и въ дни наибольшаго удаленія солнца (8—12 декабря) все-же устраиваетъ хотя на часъ сумерки безъ дна. Близна снѣга также много смягчаетъ тьму ночи и „кромѣшной“ тьмы

никогда не бываетъ. А когда разойдуся по небу „сплохи“—сѣверныя сіянія, то даже и книгу можно читать, не зажигая огня. Тѣмъ не менѣе эти сумерки безъ дна угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на все живое, и всѣ съ неподдѣльной радостью встрѣчаютъ первый лучъ солнца. Лѣтомъ другая крайность: солнце описываетъ по небу круги, превращая ночь въ день. Но полуденное солнце не то-же, что полуденное: оно только свѣтитъ, но не грѣетъ, какъ въ нашихъ широтахъ солнце въ минуты заката или восхода.

Изъ городовъ Сѣвернаго края на первомъ мѣстѣ стоитъ Архангельскъ (21 тыс. жит.).

Сначала на мѣстѣ Архангельска стояла слобода при Архангельскомъ монастырѣ; въ 1584 г. слобода переименована въ Архангельскій городъ. Особенное значение этотъ городъ приобрѣлъ послѣ Іоанна Грознаго, когда, благодаря различнымъ льготамъ, завязались обширныя торговыя сношенія съ Англіей. При Петрѣ Великомъ, съ основаніемъ Петербурга, вышелъ указъ, чтобы всѣ торговцы $\frac{2}{3}$ своихъ товаровъ непременно направляли къ устьямъ р. Невы и лишь $\frac{1}{3}$ къ Архангельску. Конечно, торговля Архангельска значительно пала. Затѣмъ, съ открытіемъ новыхъ портовъ, городъ постепенно терялъ значеніе общерусскаго коммерческаго порта и мало-по-малу превратился въ мѣстный торговый пунктъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря отсутствію въ краѣ конкурентовъ, обороты Архангельска и теперь ежегодно достигаютъ 20 милл. руб. Экспортомъ заграницу служатъ лѣсъ, рыба, ленъ, смола и т. п.; для мѣстнаго-же населенія Архан-

гельскъ поставляетъ положительно все. Особенное значеніе для края имѣетъ его осенняя Маргаритинская ярмарка, на которую со всѣхъ концовъ спѣшатъ доставить свои продукты промышленники. Сюда свозятся почти вся пойманная за лѣто рыба, шкуры и сало звѣрей, битая птица, перья и пухъ—вообще все, чѣмъ богатъ край. Здѣсь устанавливаются цѣны, производятся окончательные расчеты, закупаются всѣ продукты на долгую лютую зиму. Громадные обозы тянутся тогда со всѣхъ концовъ къ городу и обратно, тысячи поморскихъ шнякъ и шкуръ бороздятъ бурныя волны Вѣлаго моря. Но проходитъ горячее время—и городъ погружается въ общерусскую исконную спячку... Въ недавнее время Архангельскъ соединенъ желѣзною дорогою съ Москвою; ожидается въ скоромъ времени движеніе по Пермь-Котласской жел. дорогѣ. Эти двѣ дороги несомнѣнно еще болѣе увеличатъ торговое значеніе Архангельска для края. Всѣ остальные города описываемаго края весьма незначительны во всѣхъ отношеніяхъ и представляютъ изъ себя скорѣе большія русскія села—съ тою лишь существенною и невыгодною для нихъ разницею, что, находясь въ мѣстностяхъ глухихъ, малопроездныхъ, „въ сторонѣ отъ большого свѣта“, они какъ-то схоронились отъ этого свѣта и не имѣютъ никакого отношенія къ культурной и интеллигентной жизни. Вотъ гдѣ дѣйствительно со скуки померещъ—это въ нашихъ

Архангельскъ.

С о л о в к и.

Пинежъ, Мезени, Колѣ и т. п. Карты и попойки — развлеченіе „интеллигенціи“; безшабашное пьянство и „утробная“ жизнь — мѣстнаго мѣщанина. Приходится сознаться, къ стыду русскаго самолюбія, что нѣкоторыя зырянскія села превзошли (по крайней мѣрѣ — въ торговомъ отношеніи) любой изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губ. Такъ, село Усть-Цыльма, на правомъ берегу Печоры, противъ впаденія р. Цыльмы, имѣетъ свыше 4 тыс. жителей и ведетъ торговлю на 5 милл. рублей. Съ устройствомъ постоянныхъ рейсовъ на Печорѣ и проведеніемъ телеграфа въ Усть-Цыльму, село это стало быстро расти. Въ настоящее время оно — административный пунктъ всего обширнаго Печорскаго края, вмѣсто упраздненнаго русскаго, исторически извѣстнаго городка Пустозерска, окончательно запустѣвшаго на своемъ Пустомъ озерѣ. Другое зырянское село Ижма, находящееся въ 100 в. отъ впаденія рѣки того-же имени въ Печору, выстѣтъ съ противостоящимъ селомъ Мохчею насчитываетъ даже болѣе 5 тыс. жителей, среди которыхъ имѣются и миллионеры. Золоченныя куполы высокихъ Ижемскихъ церквей далеко видны изъ-за дремучаго бора; а богатые иконостасы, искусная рѣзьба и хорошая живопись изобличаютъ далекихъ пришльцехъ мастеровъ. Богата Ижма, хотя горько плачетъ сосѣдняя самоѣдская тундра по несправедливо нажитому ижемскому богатству. Наиболѣе культурнымъ мѣстомъ въ сѣверномъ краѣ слѣдуетъ признать Соловецкій монастырь на Вѣломъ морѣ, служащій и религіознымъ пунктомъ. Учрежденный въ XV вѣкѣ, владѣющій громадными угодьями на материкѣ и многочисленными богатыми вкладами, монастырь, несмотря на свое сѣверное положеніе, ведетъ сельское хозяйство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и на рациональныхъ началахъ. „Сюда даже

пріѣзжаютъ учиться хозяйству, потому что у себя дома не узнаешь и половины того, что здѣсь увидишь на каждомъ шагѣ. Монастырскіе огороды и сады славятся по всему сѣверу. Здѣсь, чуть-ли ни у самаго царства полярнаго полюса, ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Птичій дворъ и ферма, образцово содержимыя конюшни — напоминаютъ Голландію. Зимой въ громадныхъ помѣщеніяхъ кузницъ кипитъ работа, и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горнѣ. Кожевня можетъ быть образцомъ такого рода заведенія для всего сѣвера. Она выпускаетъ болѣе 8,000 перничьихъ кожъ; кромѣ того, тутъ-же обдѣлываются тюленьи и моржовыя, оленьи и коровьи кожи. На кирпичномъ заводѣ ежегодно обжигается до 400,000 кирпича. Монахи воспользовались руками и обратили ихъ въ каналы, устроивъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ — водоподъемную машину. Два большіе острова — Соловецъ и Муссальма — соединены между собою мостомъ. Мостъ черезъ море! Мостъ, устроенный монахами! Сооруженіе, правда, грубое, но колоссальное, вѣчное, сдѣланное безъ помощи машинъ, одною ручною силою. Но верхъ искусства представляютъ собою соловецкіе доки; за границей — и то рѣдки сооруженія болѣе прочныя и красивыя. Въ монастырѣ строятся пароходы, литографируются картины и образа; тутъ есть фотографы, фидифцики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, камешники, механики, скотоводы, сыровары, строители-архитекторы; тутъ есть магазины великолѣпныхъ хозяйственныхъ вещей, кладовыя, красныя и пекарни“ (Изъ очерка Вас. И. Немировича-Данченко — „Соловки“). Въ монастырь ежегодно стекается до 15,000 богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Таковъ этотъ сѣверный край, мѣстами бѣдный до крайней степени убожства, обездоленный Богомъ и забытый людьми, мѣстами своеобразно богатый, считающій свои естественныя богатства милліонами. Посмотримъ, какъ живетъ человѣку въ такомъ краю.

Населеніе Сѣвернаго края.

Сѣверный край Европейской Россіи, въ указанныхъ нами границахъ, занимаетъ обширную площадь земли въ 750,000 кв. верстъ. На этомъ громадномъ пространствѣ живетъ около 360,000 чел., т. е. въ среднемъ приходится на 2 кв. версты 1 человѣкъ. Населеніе распределено весьма неравномѣрно: наиболѣе населены берега р. Двины и южные берега Бѣлаго моря; наиболѣе пустыненъ бассейнъ р. Печоры. Коренное населеніе края составляютъ корелы и, отчасти, лопари—на западъ, самоѣды, зыряне и, отчасти, вогулы—на востокъ. Но уже съ давнихъ поръ въ этотъ край проникли русскіе поселенцы, которые въ настоящее время представляютъ преобладающій элементъ въ краѣ (84% всего населенія). Особенно заселены русскими бассейны рр. Двины и Онеги и берега Бѣлаго моря; точно также и по лѣсамъ Западной части края немало русскихъ поселковъ; но за р. Мезенью русскіе встрѣчаются почти исключительно по берегамъ сплавныхъ рѣкъ и въ торговыхъ селеніяхъ.

Интересна исторія заселенія края русскими выходцами. Не вдаваясь въ подробности ея, укажемъ здѣсь хотя главные моменты заселенія. Уже въ самомъ началѣ русской исторіи въ лѣтописяхъ упоминается, что Новгородъ Великій, въ числѣ прочихъ своихъ земель, владѣлъ „Обонежскою“ патиной. Постоянныя пререкавія на вѣчъ, недовольство господствующей партіей заставляли толпы свободолюбивыхъ новгородцевъ уходить изъ родного города и на чужой сторонѣ устраивать жизнь по своему праву. Въ XI в. изъ вольныхъ и отважныхъ новгородцевъ на востокъ отъ Обонежья образовалась *Двинская* волость, или *Заволочье*; затѣмъ появилась волость *Печора* и *Пермская земля*, граничившая на сѣверѣ р. Вычегдою и, слѣдовательно, отчасти входящая въ теперешній сѣверный край; наконецъ, въ XIII в. уже имѣется упоминаніе, что новгородцы брали дань и на *Терскомъ* берегу Кольскаго полуострова *).

Вторымъ моментомъ въ исторіи заселенія русскими сѣвернаго края является нашествіе

татаръ. Неожиданно обрушившееся на Россію, сопровождавшееся полнымъ погромомъ и разореніемъ, оно заставило русскихъ центра бѣжать въ сѣверные лѣса. Многие изъ бѣжавшихъ погибли, другіе возвратились на родныя пепелища; но были и такіе, которые навсегда остались въ „прекрасной мати-пустыни“, и въ глухой тайгѣ, по берегамъ лѣсныхъ рѣчекъ образовались новые русскіе поселки.

Казни Иоанновы, окончательное разореніе Великаго Новгорода и, особенно, послѣдовавшее затѣмъ прикрѣпленіе крестьянъ послужили новымъ толчкомъ для заселенія края. Всѣ недовольные, всѣ сильные духомъ, кому личная свобода была дороже привязанности къ родной деревнѣ, бѣжали на окраины нашего отечества, гдѣ въ упорномъ трудѣ за жизнь еще болѣе закаляли свой характеръ. Такъ заселился Донъ; такъ заселился и сѣверъ. Но Донъ избаловалъ своихъ пришельцевъ, а сѣверъ закалялъ. Но болѣе обильный потокъ русскихъ людей хлынулъ на сѣверъ во времена гоненій на раскольниковъ (осо-

*) Новымъ поселенцамъ пришлось вступить въ борьбу съ мѣстнымъ населеніемъ, которое лѣтописи называютъ общимъ именемъ „чуди бѣлоглазой“. По стариннымъ мѣстнымъ преданіямъ, послѣ многократныхъ кровопролитныхъ схватокъ, „чудь“ была вся перебита. Сѣверяне и до сихъ поръ свой край считаютъ не русскимъ, а „чуждою стороною“; въ завываніяхъ вѣтра, въ шумѣ лѣса, въ глухомъ рокотѣ морскихъ волнъ суетливый крестьянинъ сѣвера и въ настоящее время слышитъ стонъ и рыданія „поганой чуди“.

бенно послѣ изданія противъ нихъ строгихъ законовъ 1684 и 1685 гг. и при Петрѣ В.). Здѣсь, на сѣверѣ, въ Пустозерскомъ острогѣ были заключены „великіе стоятели“ раскола — прот. Аввакумъ и диаконъ Ѳеодоръ. Изъ вѣсть своего заключенія они писали горячія посланія ко „всѣмъ вѣрнымъ“, приглашали ихъ твердо стоять за „святую вѣру“, а во времена гоненій — спасаться въ „прекрасную мать-пустыню“. И „вѣрные“, сильные духомъ, исполняли совѣтъ „учителей“. Непроходимыя дикія лѣса наполнялись молебными, скитами, мужскими и женскими монастырями. Многія вѣста „прославились“ подвигами самоученичества наиболее рыцарскихъ „ревнителей старой вѣры“ *).

Ихъ отъ взоровъ всего міра. Здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, возникъ знаменитый въ исторіи раскола *Выговскій* скитъ; отсюда пошелъ одинъ изъ распространенѣйшихъ толковъ старообрядчества — толкъ *поморскій*, или *безпоповщина*. И въ настоящее время въ западной части Архангельскаго края почти половина русскаго населенія состоитъ изъ раскольниковъ.

Далѣе послѣдовали болѣе мирныя времена, — и исторія заселенія сѣвернаго края получаетъ болѣе мирный характеръ. Двинулись сюда купцы, промышленники и др. торговые люди; завязались болѣе правильныя сношенія съ центромъ Россіи; открылись торговые пункты, улучшились пути сообщенія, — и край вошелъ въ общую жизнь Россіи.

Изложенная исторія заселенія Сѣвернаго края русскими объясняетъ намъ тѣ особенности, которыя замѣчаются въ характерѣ русскаго сѣверянина. Сюда бѣжали всѣ недовольные, свободолюбивые люди, приверженцы стариннаго строя русской жизни. Сѣверъ принялъ новыхъ насельниковъ сурово: дремучіе лѣса, непроходимыя топи и болота, обиліе дикаго кровожаднаго звѣря и не менѣе дикаго кочевника, съ которыми пришлось вести долгую и упорную борьбу не на животъ, а на смерть, суровый климатъ, тощая торфяная почва заставили новыхъ поселенцевъ бросить всякую мысль о земледѣліи, какъ о главномъ источникѣ жизни. Отсутствие какихъ бы то ни было путей сообщенія, выходъ изъ всѣхъ рѣкъ въ негостеприимный Ледовитый океанъ, полная отрѣзанность отъ всего міра — не дали возможности развиваться торговлѣ, которою славился Новгородъ Великій. Уединенная жизнь въ дремучемъ лѣсу среди «чуди поганой», торжественная, хотя и томительная тишина пустыни, длинныя зимнія ночи — располагали къ патриархальности, къ крѣпкому сплоченію семьи, къ стойкому держанію старинныхъ русскихъ обычаевъ. И вотъ выработался особый типъ русскаго сѣверянина — человѣка, съ одной стороны, свободолюбиваго, «широкой натуры», смѣлаго, энергичнаго, предприимчиваго, бодрого тѣломъ и духомъ. Старикамъ, бабамъ, дѣтямъ предоставляетъ онъ болѣе легкую работу; самъ же онъ идетъ въ море-океанъ. На утлой лодкѣ добирается сѣверянинъ и до Гурманта (Шпицбергена), и до Матки (о. Новая Земля); онъ не боится одинъ-на-одинъ съ рогатиной въ рукахъ выходить на всякаго звѣря; онъ гоняется безъ компаса и карты цѣлыя сотни верстъ по безбрежному океану на плохой шкунѣ за раненымъ китомъ; онъ и на рыбныхъ промыслахъ не любитъ сидѣть у берега съ удой и небольшою вершей, но вмѣсто этого безопаснаго способа ловли отправляется въ «голомяны» (открытое море) и забрасываетъ ярусъ *) на десятокъ верстъ, съ тыся-

*) Въ 1687 г. въ с. Березовѣ (сѣверъ Олонекской губ.) съ ивѣнкимъ Пименомъ сами себя сожгли болѣе 1,000 раскольниковъ; въ томъ-же году въ Палеостровскомъ монастырѣ (на сѣв. берегу Онежскаго озера) инокъ Игнатій сжегся съ 2,700 старообрядцами; Пустозерскъ въ устьяхъ Печоры знаменитъ многими мучениками, и т. д.

*) Ярусъ — рыболовная снасть; описано ниже.

чами крючковъ, болтается на своей шнякѣ *) по цѣлымъ суткамъ, терпитъ стужу и бури, нерѣдко безвѣстно погибаетъ—и тѣмъ не менѣе ежегодно отважно пускается въ самыя опасныя предпріятія. Кажется, онъ хотѣлъ бы вычерпать въ океанѣ всю воду до дна, выловить заразъ всю рыбу. Съ другой стороны, сѣверянинъ—это человѣкъ «добраго стараго времени». Въ самомъ дѣлѣ, вы встрѣчаете народъ саженаго роста, съ русыми волосами, окладистой бородой, голубыми глазами, румянымъ и привѣтливымъ лицомъ; вы встрѣчаете всюду костюмы стариннаго русскаго времени,—точно предъ вами воскресаютъ бояре, боярыни и боярышни XV—XVI в.; въ селахъ вы встрѣтите тѣ-же затѣливыя русскія постройки съ хоромами и свѣтелками, иногда—теремомъ, съ высокимъ крыльцомъ, съ узорчатыми прихотливыми рѣзными украшениями; въ домахъ найдете тѣ же пуховики и горы подушекъ, то же старинное русское хлѣбосольство и то же «разливное море» по праздникамъ, какъ во времена древнихъ русскихъ богатырей и пировъ Владиміра—Краснаго Солнышка. И на улицѣ и въ домѣ не рѣдкость встрѣтить здѣсь столѣтняго старика или старуху, который подъ бряцанье гуслей и балалайки пропоетъ вамъ и про Илью Муромца, и про другихъ славныхъ богатырей и князей русскихъ,—пропоетъ и расскажетъ такъ, что предъ вами ярко воскреснетъ какой-нибудь древній вѣвскій вняжескій теремъ со всею своею старинною жизнью.

Еще недавно Петербургъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ этихъ «сказателей» русскихъ былинъ. Да, здѣсь и внѣшній обликъ, и нравы, и внутренній укладъ жизни стариннаго вѣликорусскаго племени остались доселѣ въ такомъ чистомъ, неповрежденномъ видѣ, какъ нигдѣ болѣе въ Россіи. Какъ-будто бы старая Русь пришла сюда, схоронилась въ лѣсахъ отъ всего свѣта, проспала много вѣковъ—и теперь вновь открыта... для новой жизни? Посмотримъ...

Чѣмъ-же и какъ живутъ эти старинныя русскія богатыри, отрѣшенные силою судьбы отъ своего исконнаго хлѣбопашества?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что условія жизни русскаго человѣка на сѣверѣ почти всюду однообразны,—почему всюду одинаковы и промыслы сѣверянъ, — и что изъ всѣхъ русскихъ поселенцевъ сѣвера наиболѣе характерными являются такъ наз. «поморы»—жители Кемскаго, Кольскаго и частью Онежскаго у. Арханг. губ., такъ что описаніе быта и нравовъ поморовъ можетъ служить общею картиною, жизнью всѣхъ вообще русскихъ сѣверянъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что поморъ ходитъ промышлять преимущественно на Мурманъ, а жители другихъ частей Сѣвернаго края ходятъ на такіе-же промыслы на Канинъ полуостровъ, Мезенскую губу, въ устья Печоры и на близъ лежащіе острова Ледовитаго океана.

Итакъ остановимся на поморахъ.

Если вы спросите помора, чѣмъ онъ живетъ, то онъ вамъ отвѣтитъ пословицей:

„море—вотъ наше поле, вотъ наша пашня“.
И, дѣйствительно, въ этой суровой странѣ

*) Шняка—лодка съ парусомъ.

Северный край.

Постройки въ Северномъ краѣ. — Типы населенія. — Раскольничья часовня въ селѣ
 Лексѣ. — Пѣвецъ былнвѣ. — Деревянныя и глиняныя издѣлія вологодскихъ кустарей.

земледѣліе немислимо: въ короткое полярное лѣто едва дозреваютъ овесъ и ячмень; только на югѣ Шенкурскаго у., Архангельской губ. съѣтся рожь, но ее обыкновенно не хватаетъ и для домашняго обихода. Скотоводство—другая отрасль сельскаго хозяйства, о развитіи которой на сѣверѣ заботился еще Петръ V, также возможно только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на заливныхъ лугахъ, которыхъ на сѣверѣ не такъ много,—и то подъ силу состоятельнымъ людямъ, а не крестьянамъ: на длинную зиму для скота необходимо запасти тысячи пудовъ сѣна, а это требуетъ обширныхъ земель и массы рабочихъ рукъ. Лѣсной промыселъ находится также весь въ рукахъ у купцовъ, а прирѣчные крестьяне являются въ этомъ дѣлѣ лишь батраками и возчиками. Охотничьи лѣсные промыслы служатъ теперь больше зимнимъ развлеченіемъ и лишь нѣкоторымъ подспорьемъ хозяйству. Все-же богатство помора, вся его жизнь зависятъ отъ лова рыбы.

Нигдѣ въ Европейской Россіи нѣтъ столь богатой рыбной страны, какъ сѣверный край. И безъ того богатыя рыбой, сѣверныя рѣки и озера каждую весною переполняются морской рыбой. Рыбы идутъ стадами, иногда въ нѣсколько верстъ длины, и съ неудержимой силой устремляются къ верховьямъ рѣкъ. Въ рѣкахъ и озерахъ онѣ проводятъ все лѣто, и осенью возвращаются обратно въ океанъ. Самыми примитивными способами — путемъ рѣчныхъ заборовъ или заколовъ, сѣтями, на удъ—вылавливаются миллионы пудовъ рыбы—и какой?—которая представляетъ наиболѣе цѣнныя сорта въ продажѣ, какъ семга, дососина, сигъ и пр. Но несравненно богаче сѣверныхъ рѣкъ и озеръ Ледовитый океанъ. Помимо рыбы (треска, палтусъ, сельдь, камбала и др.), онъ кишитъ морскими звѣрями: китами, моржами, тюленями, бѣлугами и пр. Ранней весной рыба направляется изъ-подъ полюса къ берегамъ материка, а за нею жадуютъ и морскіе звѣри. До чего много рыбы и какую выгоду даютъ рыбные промыслы, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ сутки 4 человѣка, работая на одной шнякѣ и съ однимъ ярусомъ, обыкновенно вылавливаютъ до 1—2 тыс. пудовъ рыбы, при хорошемъ уловѣ; если при дурномъ уловѣ рыбы вылавливается и меньше, то цѣна на нее стоитъ выше, и промышленники выручаютъ почти прежнія деньги; среднихъ размѣровъ китъ, обыкновенно, даетъ жиру на 1,300 р., усовъ на 80 р., кожа цѣнится рублѣ до 20 и остальное мясо, кости и отбросы идутъ за 200 р. и т. п. При такомъ изоби-

ліи, кажется, человѣку-бы только жить и наслаждаться. Но иное дѣло изобиліе, и другое—какъ имъ овладѣть. Чтобы самому отъ себя заниматься морскими рыбными промыслами, крестьянину нужно имѣть: шняку, вполне оснащенную, рыболовныя снасти, свою избу на берегу Ледовитаго океана, свои боченки для повода рыбы, массу соли, очень дорогой на сѣверѣ, своихъ работниковъ, такъ какъ въ морѣ одному пускаться невозможно, обезпечить себѣ отравленіе и сбытъ товара на рынкѣ, который находится за 1,000 в. отъ мѣста улова, имѣть своихъ сторожей, которые-бы мимо сторожили шняку, снасти, промысловую избу и т. д., и т. д. Когда перевести эти нужды на деньги, то всякому станетъ ясно, что такое хозяйство не подъ-силу не только обыкновенному, но даже и зажиточному крестьянину. И, дѣйствительно, весь морской ловъ рыбы находится въ рукахъ нѣсколькихъ архангельскихъ купцовъ-богачей. Зимой эти купцы или ихъ подрачки являются въ поморскія села и вербуютъ „покрученниковъ“, при чемъ водка играетъ не послѣднюю роль. Лѣтомъ эти-же купцы поставляютъ на Мурманъ для своихъ артелей провіантъ и водку въ большомъ количествѣ, и при расчетѣ въ рукахъ „покрученниковъ“ всегда оказываются жалкіе гроши, которыхъ далеко не хватаетъ до будущаго улова, что и заставляетъ покрученниковъ одождать у купцовъ и всю жизнь оставаться въ кабалѣ.

Теперь посмотримъ, какъ даются и какихъ трудовъ стоятъ поморамъ ихъ промыслы. Такъ какъ въ этихъ промыслахъ проходитъ вся жизнь помора и онъ здѣсь встаетъ предъ нами со всѣми своими слабостями и достоинствами, то остановимся на этомъ поподробнѣе.

...Шумитъ и бушуетъ негостеприимный Ледовитый океанъ; сильный вѣтеръ разводитъ на немъ втору*); несуетъ воды ледяныя глыбы и съ яростью разбиваютъ ихъ у скалистыхъ гранитныхъ береговъ Мурмана. Пустынный и печальный эти берега. Гранитныя горы подступаютъ къ самому океану. Ихъ мрачныя темныя массы совершенно лишены растительности. Только кое-гдѣ сѣдой и бурый мохъ лѣпится по ихъ скатамъ, да еще въ расщелинахъ между горами пластины лезитъ снѣгъ, который и лѣтомъ нѣрѣдко не успѣваетъ стаять. Мѣстами тамъ и сямъ расположены дурно сколоченныя избушки, часто безъ крышъ, безъ оконъ, иногда окруженныя рядами крестовъ. Не думайте, чтобы въ нихъ ютились люди; на всемъ Мурманѣ зимой, до самаго послѣдняго времени, не было ни одной человѣческой души **).

*) „Втора“—на нарѣчьи поморовъ—сильное волненіе.

***) Г. Кола находится въ 70 верстахъ отъ океана; только въ послѣдніе годы привлечены на Мурманъ колонисты—финны, заложена Екатеринбургская гавань, открытъ китобойный заводъ, но все это ютится ближе къ границѣ Норвегіи.

Но бываетъ пора,—и берега Мурмана ожи-
ваютъ. Вотъ, послѣ долгой полярной ночи
выглянуло на югъ солнце. Все выше и выше
поднимается оно, посылая на печальную землю
живительные лучи свѣта и тепла. Вотъ, съ
вапада подулъ теплый вѣтерокъ; принесъ онъ
съ собою туманъ и сырость. Появилось теплое
въ воздухѣ, осѣли выпавшая зимою груды
снѣга, ночной холодокъ сарпливъ ихъ и
можно стало человѣку ходить по сугробамъ
снѣга.—Февраль; масленица... Залетѣлъ теп-
лый вѣтерокъ и дальше на югъ, въ предѣлы
земскіе и архангельскіе, — и встрепенулся
поморь, сталъ собираться въ далекій путь.
Залетѣлъ вѣтерокъ съ Гольфштрема и далеко
на сѣверъ—и, странное дѣло, почуяло ды-
ханіе его все множество рыбъ, скрывающихся
отъ хищника-человѣка въ приполярныхъ во-
дахъ. И рыбы, по неизвѣданному закону,
поднялись съ своихъ лодовицъ, плывутъ
громадными стаями къ берегамъ Мурмана и
дальше, въ заливы Вѣлаго моря, въ устья
порожистыхъ мурманскихъ и бѣломорскихъ
рѣкъ. Почуяло сердце помора ходъ рыбы, и
собирается онъ въ артели, чтобъ достойно
встрѣтить желанныхъ гостей. А тутъ кстатѣ
является и благодѣтель-купецъ: и водкой
поить, и снасти даетъ, и въ пути-дорогѣ
провантъ на свой счетъ ставитъ, и семью
обмываетъ не вабыть, если Господь Богъ того...
съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Эхъ! нужно по-
морю ѣсть-пить, дѣтей на ноги поставить—
и идетъ онъ къ кунду въ покрученники...
Собираются покрученники въ одну артель,
выбираютъ себѣ старшѣго-бывалого человѣка
и ведетъ онъ ихъ вѣрнымъ шагомъ къ да-
леному пустынному Мурману.

Ни пути, ни дороги... Смотрятъ на солнце,
смотрятъ на звѣзды, смотрятъ на рубцы по
деревьямъ, на кресты, расбѣянные тамъ и
сямъ. Вотъ тутъ въ прошломъ году ровъ былъ:
хорошо помнить старшой! Не тутъ-то было:
бѣлая поляна снѣга, гладкая, какъ скатерть,
разстилается на версты кругомъ. Идти прямо?..
Вотъ здѣсь не было горы, а теперь стоитъ.
Что это — вновь явленная гора, или снѣгу
наметало?.. Вотъ здѣсь ущелье было: хорошо
было имъ идти, примехонько выводило къ
морю. А теперь стоитъ нешрерывная дѣль
горь...

— Что, ребятушки, прямо-ль идти, или
въ обходъ?

— Чего тутъ, — кричитъ артель: веди
прямо—все короче будетъ.

И идти. Тонкая кора талаго и подмерз-
шаго снѣга выгибается, хруститъ подъ тя-
жестью человѣческихъ тѣлъ и саней, нагру-

женныхъ провизіей и снастами. Но что это
за крикъ позадѣ?

— Экъ, Василій, угораздило же тебя!

И десятки артельщиковъ бросаются къ
ямъ и съ великими усиліями вытаскиваютъ
Василія. Засыпался снѣгъ ва его малицу*),
попалъ въ бахилы**) и струится холодными
струйками по вспотѣвшему тѣлу несчастнаго
покрученника. „Ничего, согрѣюсь“, думаетъ
Василій; „вотъ равномусъ, пробѣгу“.

Короткій день догораетъ. Алая, какъ кровь,
заря посылаетъ послѣдніе свои лучи; заго-
раются звѣзды; спалъ теплый западный вѣ-
теръ; замѣтно похолодѣло... Морозъ будетъ!..
И, дѣйствительно, въ этой странѣ быстрый
переходъ отъ тепла къ холоду не рѣдкость.
Подуетъ вмѣстѣ западнаго, сѣверо-восточный
вѣтеръ—и послѣ +1—2° морозъ стукнетъ
подъ —30°. А стихнувшій вѣтеръ, дѣйстви-
тельно, подулъ съ далекаго холоднаго сѣвера.

— Ну, ребятушки, запахнись теплымъ, ну,
скорѣй впередъ, недалеко и ночлегъ будетъ!

И покрученники желаютъ прибавить шагу,
да силъ нѣтъ: измучились они за день. А
вѣтеръ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ. Позади
всѣхъ плетется Василій. Мокрая его малица
и бахилы коробомъ сбѣлались; холодный вѣ-
теръ свободно гуляетъ по его тѣлу; зубъ на
зубъ и бѣднѣги не попадаютъ. Пробѣжать бы...
Куда! ноги, какъ колоды, ноютъ, болятъ, еле
двигаются.

Но вотъ среди лѣса что-то зачернѣло...
Въ буквальному смыслѣ избушка на курьихъ
ножкахъ, въ 2½ арш. высоты, съ грудой
камня посреди, вмѣстѣ печи, безъ пола, крыши
и оконъ, съ нарами вокругъ стѣнъ. Снѣгъ
на половину засыпалъ ее снаружи, забрался
внутри, лежитъ кучами по угламъ и нарамъ,
изъ всякой щели дуетъ вѣтеръ... Это—„стан-
ція“ для покрученниковъ. Кто ее построилъ,
на какой картѣ она обозначена, какое пра-
вительство или лицо ассигнуетъ деньги на
ея содержаніе? На эти вопросы нѣтъ отвѣта.
Но, я думаю, ни одинъ пассажиръ, на какихъ
бы онъ „долгихъ“ ни ѣхалъ, не бываетъ
такъ радъ теплому и уютному станціонному
дому, какъ усталые, холодные и голодные
покрученники своей „ночевкѣ“. Всѣ приобо-
дрились, прибавили шагъ—въ мигъ темная
конура переполнилась жильцами. Времени
терять нечего: вотъ въ лѣсу раздается стукъ
топора, — наскоро готовятъ дрова; вотъ лопата-
ми отрываютъ дверь въ избушку, выгре-
баютъ кое-какъ снѣгъ изъ нея; третей скла-
дываютъ удобнѣй камни очага, остальные
развязываютъ провизію, подвѣшиваютъ общій
котель. Скоро засвѣтились огонекъ, раздувае-

*) Малица—одежда изъ кожи, мѣхомъ наружу.

**) Бахилы—мѣховые сапоги.

мый вѣтромъ изъ угольевъ. Затрещали сырыя дрова, наполнили дымомъ всю комнату. 30 человекъ жмутся къ огню, по очереди суша свою одежду и отогревая овявшие члены. Пошелъ паръ отъ жерной овчины и другой кожи, и атмосфера насытилась всевозможными запахами. Но вотъ закипѣло въ котлѣ. Быстро окончили поморы свой скудный завтракъ, обѣдъ и ужинъ — все вмѣстѣ, поправили одежду, затапули трубки махорки и моха — и куда двалась усталость, холодъ и всѣ заботы! Посыпались остроги, смѣхъ, разговоры; каждый зналъ не одну исторію и слышалъ ее рассказать товарищамъ. Зуйки *) шныряли и усердно потчевали другъ друга подзатыльниками.

— Ну, будетъ, пора и спать, путь предстоитъ еще длинный! — приказываетъ старшой.

Степенно выходятъ поморы вонъ, обращаются лицомъ на востокъ, смотрятъ на далекія звѣзды; слышится глубокие вздохи, поднимаются руки вверхъ и съ словами: „о, Господи милостивый“ крестятъ поморы свои широкія груди. И подхватываетъ эти вздохи сѣверный вѣтеръ, обвивая всѣхъ холоднымъ дыханіемъ... Возвратились поморы въ хату, подбросили на ночь огня, размѣстились на нарахъ, подъ ними, ва голомъ полу, обратившемся въ грязное тѣсто отъ оттаявшей земли, монакрыли себя всѣмъ тряпьемъ, что имѣли у себя, попржиались тѣснѣ другъ къ другу — и скоро мѣрный, могучій хралъ соперничалъ по силѣ звука съ завываніями вѣтра. Иногда, среди этого храла, слышался какъ будто стонъ... Но вѣдь, это, конечно, вѣтеръ воетъ въ щеляхъ!..

Темная полярная ночь еще далеко не прошла, а уже старшой поднялся. Вышелъ, покрестился на востокъ, посмотрѣлъ на звѣзды и принялся будить покрученниковъ.

— Ну, ребятушки, вставай, пора, собирай сани и въ путь-дорогу!

И поднимаются всклокоченныя головы, разминаются покрученники, плотнѣе затыгиваютъ свои одежды. Огонь на очагѣ давно потухъ, и въ хатѣ свободно гулялъ холодный вѣтеръ. Вышли, помолились на востокъ, стали въ очередь — не досчитались одного Василія.

— Что-жъ ты, товарищ! Вставай, идемъ!

Раскрываетъ Василій воспаленные глаза, хочетъ поднять горячую голову, — словно свинцомъ она налита; хочетъ двинуть рукою, ногою — отказались служить, проклятыя; хочетъ сказать — зубъ-на-зубъ не попадетъ... А холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь больного...

— Нѣтъ ужъ... куда мнѣ... не судилъ Богъ, — лепечетъ Василій: — бросьте... сту-

пайте!.. Охъ, не забудьте моихъ... дѣти малыя... несмышленные... Дайте имъ... на ноги поднѣться!..

— Не забудемъ, не беспокойся, — какъ-то неуверенно, глухо говоритъ толпа. — Не бося, Вася: мы тебѣ дровецъ нанесемъ, огонь разведемъ, хлѣбца оставимъ. Согрѣешься, братъ, на ноги станешь, поѣшь, — а тамъ и другая артель подойдетъ: съ ними, братъ, къ намъ-то и причалишь. А не то лопь **) прикочуетъ, возьметъ съ собой, — отойдешь... Не беспокойся!..

И торопливо приносятся дрова, разводится огонь, оставляется малая часть провизіи... Да, на далекіяхъ окраинахъ сѣвера суровая жизнь выработала суровые законы. Заболѣвшій въ пути товарищъ оставляется... И въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни жестоко, но дѣйствительно ничѣмъ нельзя помочь. Остаться ждать выздоровленія?.. Да развѣ можно выздоровѣть отъ воспаления въ воюющей, дырявой избѣ? Передать для выздоровленія въ какую-нибудь семью въ первой деревушкѣ?.. Гдѣ эта семья и деревушка, когда на всемъ Мурманѣ люди только кочуютъ на сотни верстъ другъ отъ друга. Взять съ собою?.. Что же, на морозѣ легче больному будетъ?.. И больного бросаютъ.

— Прощайте, товарищи!.. Счастливо вамъ... Не забудьте семьи!..

Мрачные, унылые выходятъ покрученники на дорогу. Не слышно разговоровъ, смѣха, пѣсни, которой бодрятъ себя усталые люди; даже зуйки не шалатъ и чинно идутъ за взрослыми. Но вотъ остановился старшой: „Что-жъ, братцы, нужно по христіанскому“... Ничего не прибавилъ старый, но всѣ поняли его мысли. Мигомъ сколотили высокой крестъ, разбросали снѣгъ, вскопали лопатами мерзлую землю — и памятникъ невѣдомому бѣдняку въ невѣдомой странѣ готовъ. Постоили покрученники, посняли свои шапки, покрестились, старшой громко произнесъ: „уцовой, Господи, душу раба Твоего Василія“ — и медленно, уныло побрелъ дальше. За нимъ послѣдовала и вся артель...

Но неужели же больные окончательно обречены на погибель? Нѣтъ, конечно, правила безъ исключеній. Подоспѣтъ другая, третья артель; найдеть невзначай лопь; могучая натура пересилитъ болѣзнь, — и мнѣйшій покойникъ, хотя и поздно, но является къ желудимымъ берегамъ Ледовитаго моря. Но это бываетъ такъ рѣдко, что о такихъ случаяхъ рассказываютъ по всему Мурману, какъ о чудѣ. Въ громадномъ же большинствѣ больные умираютъ. Но и это еще не все. Въ лѣсахъ сѣвера водится много волковъ. Чуютъ звѣри проходъ покрученниковъ, чуютъ

*) Зуетъ — подростокъ 12—16 лѣтъ.

**) Лопь — лопарь.

СѢВЕРНЫЙ КРАИ.

- 1) Промышленникъ изъ Пустозерска. — 2) Поморы-мезенцы. — 3) Двинской рыбакъ. — 4) Онежская крестьянка на ловль корюшки. — 5) Онежская дѣвушка въ подвѣчномъ платьѣ. — 6) Крестьянка изъ окр. г. Архангельска. — 7) Кольскія поморки. — 8) Кемлянки. — 9) Ловець жемчуга. — 10) Перловица. — 11) Нерпа. — 12) Греска.

и возможность добычи себя, — и въ почти-
Тельномъ отдалении слѣдуютъ за артелью...
И нѣрѣдко слѣдующая артель находила на
„станціи“ обглоданныя человѣчскія кости...

По всему прямому пути отъ Кандалакши
до далекихъ Ерегиновъ, Арм-губы, Урм-губы,
Териберки и другихъ становищъ покручен-
никовъ стоять по лѣсамъ темныя, высокія,
безымянные кресты... По истинѣ, это „крест-
ный“ путь...

А покрученные все идутъ и идутъ. Прои-
детъ не одинъ день, пронесется не одна свѣж-
ная метель, не разъ смѣнятся тепло и мо-
розъ,—пока они достигнутъ сѣверной око-
нечности озера Имавдры. Здѣсь не далеко,
въ урочищѣ Массельгъ, ожидаютъ покручен-
никовъ вочующіе лопари и предлагаютъ имъ
свои Керезжи *) и оленей. Истомились ноги,
износилась обувь, а впереди горы и кручи
пошли. И мчатъ покрученники **) сѣвер-
ные олени черезъ горы и пропасты, по бо-
лотамъ и озерамъ,—пока, наконецъ, съ вер-
шины безвѣтнаго холма на далекомъ гори-
зонтѣ покажутся холодныя валы Ледовитаго
моря.

Но вотъ и пріѣхали. По старинному рус-
скому обычаю, первымъ дѣломъ должно быть
богомолье. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣ-
лать выписку изъ прекраснаго этюда Вас. И.
Немировича-Данченко — „Мурманская сра-
да“, лично наблюдавшаго эту страду.

„По ненадежному насту губы старыя корм-
щици отравились въ часовню. За ними по-
валили, кому свободно. Передъ темными ли-
ками ветхихъ, полустертыхъ иконъ и мѣд-
ныхъ складней загорѣлись восковыя свѣчи,
принесенныя за тысячу веретъ, изъ помор-
скихъ захолустій. Трепетное, тусклое сіяніе
выхватываетъ изъ мрака сѣрыя, морщина-
нистыя лица, влажныя бороды и сгорбив-
шія спины. Шепотъ молитвы. Опускаются
веклооченныя бороды, широко замахваютъ
руки. „Господи“,—точно стоишь что-то въ
углу, и высокая сухая фигура опускается на
колѣни, твоя земной поклонъ. Порою слы-
шится скрипъ дверей—новыя сѣрыя фигуры
вдвигаются въ полумракъ часовни. Порывъ
вѣтра въ выбитое окно тушитъ свѣчи. Злоб-
ный вой бури заглушаетъ тогда всѣ звуки...
Но вотъ ее отнесло въ сторону. „Помяни ра-
бовъ Твоихъ и пошли имъ вѣчную память!“—
слышится тогда изъ угла. Это старыя корм-
щицы Митрій молятся за тѣхъ товарищей,
что, не дойдя до становища, залегли въ свѣга
холодной Лапландіи... И еще ниже клонятся
головы, и глубже вздохи.“

Помолившись, принялись за дѣло. Нужно
очищать становище, нужно приводить въ по-

рядокъ шняки и рыболовныя снасти. Стано-
вище—это рядъ лагузъ, невѣдомо когда по-
ставленныхъ у наиболѣе удобныхъ заливовъ
Ледовитаго океана. Сдѣланныя наскоро, ла-
гучи эти мало чѣмъ отличаются отъ выше-
описанныхъ поморскихъ „станцій“. На двухъ
квадратныхъ саженяхъ ютятся здѣсь во весь
промыселъ десятка два-три народу; ютятся,
впрочемъ, по ночамъ, такъ какъ весь день
проходитъ въ работѣ на морѣ, а въ празд-
ники — въ безшабашномъ разгулѣ. Грязь и
„духъ“ въ лагугахъ нестерпимы; но до грязи
нѣтъ дѣла поморамъ: что же они, бабы что-ли,
чтобы полы мыть? А что до „духа“, то, ка-
жется, органъ обонянія у нашего простоло-
дина — особаго устройства... Въ настоящее
время на Мурманскомъ берегу ютится до 40
становищъ и въ нихъ насчитывается до 1,000
лагузъ. Но далеко не всѣ становища посѣ-
щаются ежегодно промышленниками. Зависитъ
это отъ хода рыбы: иногда главная ея масса
идетъ ближе къ берегамъ Норвегіи, иногда
проходитъ возлѣ Св. Носа. Покрученники,
число которыхъ на Мурманѣ ежегодно про-
стирается до 3,000, скопляются, конечно, въ
мѣстахъ наибольшаго хода рыбы, почему и
приходится ихъ на каждую избу человѣкъ
по 25—30.

Между тѣмъ, прибывали все новыя и но-
выя артели покрученниковъ, и, наконецъ,
становище наполнилось. Послѣ первыхъ дней
встрѣчи, разспросовъ, отдыха — наступило
время приниматься и за работу: пошла цѣ-
лыми тучами треска, палтусъ и другая жир-
ная рыба. Пора выбирать старосту на все
время лова.

„Еще чайки спали въ выбоинахъ уте-
совъ, еще сѣрая мгла лежала въ ущельяхъ,
а народъ уже засуетился изъ избы въ избу.
Зуйки поминутно поднимали гвалтъ, мѣ-
шаясь подъ ногами промышленниковъ, щедро
раздававшихъ имъ затрещины. Всѣ прина-
рядились во что получше; откуда появилась
на свѣтъ Вожей водка во всѣхъ станкахъ. На-
родъ собирался кучками, шли оживленные
толпы, подымалась уже перебранка между
горланами разныхъ партій. Дѣло шло о вы-
борѣ старосты—единственной власти въ без-
начальныхъ становищахъ Мурмана. Въ этой
должности сосредоточивались всѣ обязан-
ности судебно-полицейской власти. Опъ смот-
рѣлъ за порядкомъ, рѣшалъ споры на осно-
ваніи обычнаго права, высказалъ промыш-
ленниковъ на работу, блюлъ ховяйскіе ин-
тересы, объяснялся съ пріѣзжими чиновни-
ками. Староста долженъ былъ пользоваться
громаднымъ вліяніемъ на толпу, иначе власть
его, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая,
оказывалась бы номинальной. Всякая артель

*) Керезжи—сави-одиночки съ „болкомъ“—крытымъ верхомъ позади.

**) Многіе, впрочемъ, идутъ пѣшкомъ до самыхъ становищъ.

старалась выдвинуть въ старосты своего коршика, потому со своимъ все повольготнѣе — спуска дасть, отъ лишней тяготы освободить. Опять же по старостѣ и артели честь...

Выбрали мѣсто поповадѣй. Кое-кто прикривнулъ на зуйковъ, чтобы не шалили; въ толпѣ прошелъ глухой говоръ.

— Такъ какъ-же, промышленнички, кого богоданнаго выбирать-то?

— У кого горло шире, да барахла больше...

— Ладно...

— Давайте ладошь, хрещенные, надо по душѣ, какъ, значить, по Божьему... Лучше Ивана Митрича намъ и не требуется...

— У твоего Митрича рожа-то на три становища вышла, а носъ-то въ четвертое упирается.

Митричь, бывший тутъ-же, только сплюнулъ въ сторону да отошелъ подальше.

Въ сторонѣ особо совѣщались коршички.

— Вотъ что, хрещенные, будемъ говорить по совѣсти, по душѣ, — сладко началъ приземистый поморъ съ острыми, безпокойно бѣгавшими глазками. — По совѣсти дѣло чище выйдетъ... Всѣ мы, братцы, одного лова радѣтели, тягота наша всѣмъ, поди, тяжела... Надо намъ, хрещенные, старосту грамотнаго, чтобы онъ, вотъ самый староста, антерець нашъ блюсти могъ. Чтобы онъ всякую болецкую нужду звалъ и съ чиновникомъ могъ поговорить, и у хозяевъ бы руку имѣлъ. Чего ужъ, значить, лучше намъ, какъ...

— Андрея Василича твоего?..

— А хоша-бы его — царень бойкій, ловецъ первый, всѣ Норвегъ знаетъ его.

— Что говорить, первый плутъ...

— Братцы, — еще слаще заговорилъ ораторъ, — намъ такого и нужно. Пусть онъ и плутъ, да для нашего антересу плугуетъ — и ладно!.. Что вонъ керетскій Иванъ Омичъ, человекъ честный во всѣхъ статьяхъ, а намъ онъ не ладенъ... Нашего грѣха не покроетъ...

— Ишь, сколь много грѣховъ у тебя набралось, забоялся...

— Грѣхи у всякаго, братцы...

— Что его слушать; ишь, самъ языкомъ чешеть, а хвостомъ слѣдъ замечаетъ... Насъ, братъ, не обманывай: не впервой мурманчиками считаемся...

— Я, братцы, съ васъ воли не снимаю, я только миру poradѣть хотѣлъ...

— Ишь ты, радѣтель какой! Совѣмъ человекъ божественный! Все объ мирѣ помышляетъ!

И пошла брань. Ораторъ, сбитый на всѣмъ пунктахъ, отошелъ на задній плацъ.

— Ивана Мартыныча! — орали въ одномъ.

— У твоего Ивана тетка на всю Оленину ославилася.

— Вотъ что, братцы, — выступилъ старый коршичекъ, — возьмемъ мы Мартыана...

— Это Мостовникова-то? Какой онъ староста, — съ норвежскаго рома валается по недѣлямъ...

Коршички отошли въ сторону и опять стали совѣтъ держать, пока не сѣлись; порѣшивъ на выборѣ одного изъ нихъ, — отошли въ сторону и сѣли на камняхъ: пускай-де горланы угомонятся!

А горланы теперь точно чайки разсыпались, чуть не съ пулаками лѣзутъ другъ на друга.

— Митрич!..

— Демьяна Прудникова!

— Къ чорту Прудникова!.. Емельянь съ Умбы — вотъ староста...

— Мало у себя проворовался твой Емельянь.

— Семенъ Никитича!

— Пузо у него толсто очень, въ хояева смотреть.

— Ивана Саввича, братцы!..

— Кирилла Евстигнѣева!

— Морозова!

— Все племя Морозовское испоконъ вѣка хояйцкую руку держало!..

Такъ шло часа два или три. Наконецъ, покрученники стали угомяться; горланы орали почти, кто помирнѣй — отошелъ къ коршикамъ. Немного спустя почти вся сходка собралась вокругъ послѣднихъ. Тогда только поднялись коршички и предложили толпѣ своего кандидата.

— Оно точно, что Матвѣй Митричь человекъ поштонный, человекъ настоящій, а только махонькій онъ, уваженья не будутъ имѣть къ нему. Опять же онъ на языкѣ слабъ...

— Ну, такъ выбирайте Гриднева...

— Гриднева, ладно... Человекъ душевный!..

— Гриднева, братцы! — пронеслось по всему становищу. — Чего лучше... Настоящій староста будетъ, миру радѣтель.

— Гриднева, Гриднева!..

Десятки рукъ потянулись впередъ, вся толпа скомкалась въ одну свалку и, спустя одно мгновение, надъ нею уже качался, подбрасываемый на „уру“, громадный, толстый промышленникъ съ сѣдою бородой и умнымъ оядадомъ чисто-новгородскаго лица.

— Полегче, ребятушки, полегче! — убѣждалъ онъ толпу.

— Ладно, Семенъ Василичъ. Брюхо-то старостѣ промать требуется. Чтобы чувствовалъ, а то величаться надъ нами станешь, тогда тебя не осилѣшь... Ну-ко-ся еще! Васко выходить!..

— Ослобоните, братцы! — взмолился избранный.

— Ну, нѣтъ, ваше степенство, по всей правилѣ надуть...

И пошелъ будущій староста перелетать съ одного конца толпы на другой. И трудно-же пришлось Гридневу! Нѣсколько разъ онъ взлеталъ вверхъ ногами, плашмя, растопыривъ руки носился по воздуху; промышленники втякомолку хватили его за бороду, шиворотъ остался въ рукахъ у одного, у другого болталась пола отъ его кафтана.

— Ватушвы, отцы!—взмолился тотъ.

— Какое, Семень Васильчъ! Ты нашъ таперича отецъ, а мы—твой дѣти, не обидь насъ, бѣдныхъ, не величайся, не томи насъ!—И несчастный „отецъ“ влеталъ въ воздухъ, пока не потерялъ терпѣнія и не сталъ ругаться.

— Ну, вотъ теперь настоящій староста, и заговорилъ-то по-старостиному...

Этимъ еще церемонія избранія не кончилась. Гриднева ждало много столь-же привлекательныхъ чествованій.

Старосту опустили внизъ, но тотчасъ-же захватили подъ руки двое сильныхъ парней, чтобы онъ не удралъ куда-нибудь.

— Теперь вали по станамъ величать старосту.

— Братцы, да хоша передышать дайте!

Тотъ-же конвой усадилъ старосту и самъ сѣлъ рядомъ. Толпа съ хохотомъ разсыпалась по избаамъ. Оттуда загрохотали крики, пѣсни, водка полилась рѣкой.

— Вотъ что, ловцы, пустите-ко меня, не многогу!..—хитрилъ староста.

— Такъ и пустили!..—смѣялись парни.—Таперича тебя пусти, такъ ты верстовъ за двадцать отъ нашего величавья вдаривъсь. Нѣтъ, правилу нужно сполнить по обычаю. Самъ потомъ ругаться станешь, что дѣло не по закону справили.

Гридневъ только вздохнулъ. Старосту трое ловцовъ взвалили на плечи и поволокли къ ближайшему стану.

— Эй, ребята!.. Отворяй ворота вашему степенству!..

Двери отворились. Гриднева вволокли въ избу. Тотъ было хотѣлъ юркнуть въ сторону, да куда! нѣсколько рукъ такъ и впились въ него.

— Нѣшто это хорошо!.. Ну, Семень Васильчъ, долгіе тебѣ годы!..

И коршикъ, главный въ этомъ станѣ, поднесъ старостѣ стаканъ водки. Только-что Гридневъ выпилъ его, какъ на него опрокинули ведро съ помоями.

— Будь намъ отцомъ роднымъ!..

— Помни наши наставленія!

И промышленникъ обдалъ его съ другой стороны холодною, какъ ледъ, водою.

— Не величайся, мы тебя выбрали, мы тебя и снять можемъ!.. Наша воля!..

По обычаю, староста долженъ былъ благодарить и кланяться. Гридневъ такъ и дѣлалъ. Наконецъ, вторая смѣна парней, уже

изъ другого стана, подхватила его на плечи и поволокла къ себѣ; тамъ та же исторія: водка, помой.

— Завтра ты, поди, пристрелюшь насъ, а нонѣ мы надъ тобой покуражимся.

И такъ изъ стана въ станъ на новыхъ смѣнахъ дуэногихъ троекъ. Наконецъ, Гридневъ самъ опьянѣлъ и вошелъ во вкусъ церемоніи.

— Ужли-жъ я эфтаго не чувствую!—сопрушался онъ, когда его обливали всякою нечистью и лицо ему смолой мазали.—Да разрази меня Царица небесная! Голубчики, слуга я валь по гробъ моей жизни!.. Потому понимаю, какова это честь!..

— Ты и чувствуй любовь нашу!—И новое ведро съ помоями опрокидывалось на него!..

— Мы къ тебѣ всей душой!..

Наконецъ, Гридневъ доишлся до безчувствія. Его, какъ пласть, свалили въ послѣдней избѣ просыпаться до слѣдующаго утра, когда онъ вступитъ уже во всѣ свои права и выгонитъ ловцовъ на промыселъ“ (Нем.-Данченко, „Мурм. страда“).

Мы выписали всю эту статейку, находя ее довольно характерной для обрисовки нравовъ поморовъ—дикихъ и необузданныхъ. Эти выборы старосты не напоминаютъ-ли намъ со всею яркостью древнее Новгородское вѣче со всѣмъ его безшабашнымъ гвалтомъ, спорами и драками?..

Но вотъ, наконецъ, всѣ церемоніи окончены, водка вся выпита, и староста выгоняетъ покрученниковъ на работу. Обыкновенно, на каждой шнякѣ выѣзжаютъ четверо: коршикъ—въ родѣ старшого, человекъ, уже бывалый и опытный, —весельщикъ, тяглецъ, на обязанности котораго лежитъ забрасываніе и вытягиваніе яруса, и наживодчикъ, наживляющій крючки наживкою—мелкою рыбкою или-морскими червями и ракушками. Въ роли наживодчика часто выступаютъ зукъ—подростокъ 12—16 лѣтъ. Отъѣхавъ отъ берега на 15—40 верстъ, смотря по мѣсту хода рыбной стан, тяглецъ забрасываетъ ярусъ. Ярусъ—это длинная бичева длиной 5—10 верстъ, на которой, на саженомъ разстояніи другъ отъ друга, привязываются веревки длиной въ 1½—2 аршина, оканчивающіяся крючками, съ наживкою. Число крючковъ на ярусѣ, такимъ образомъ, достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яруса прикрѣпляются „маховки“, — жерди съ привязаннымъ на верху пучкомъ соломы или прутьевъ, заставляющія поплавки и указывающія направление въ водѣ яруса. Какъ много расходуется рыболовныхъ крючковъ на Мурманѣ, видно уже изъ того, что, несмотря на полную исправность всѣхъ снастей въ началѣ улова, въ теченіи лѣта на Мурманѣ продается до

1½ миллионъ крючковъ. Особенное значеніе въ ловъ рыбы имѣетъ наживка. Треска лучше всего идетъ на мойву — небольшую, очень жирную рыбку, похожую на корюшку. Иногда мойва идетъ такою густою стѣтью, что чайки свободно ходятъ въ водѣ по ихъ спинамъ, а на лодкѣ невозможно бываетъ и пробѣжать черезъ нее. Но иногда она совсѣмъ не приходитъ къ берегамъ Мурмана — и тогда промышленникамъ приходится жутко, такъ какъ на другую мелкую рыбу — песчанку, или на морского червя и ракушекъ рыба не такъ жадно набрасывается. Часовъ черезъ 6 послѣ забрасыванія ярусъ вынимается изъ воды и здѣсь начинается уселенная работа по снятію съ крючковъ рыбы, по наживленію вновь крючковъ и новомъ забрасыванію яруса. Обыкновенно на ярусъ ловится треска, палтусъ, пикшуй, зубатка, сайда, камбала; рѣдко другія породы рыбы. Поздно вечеромъ нагруженные до-верха шняки возвращаются въ становища.

Но смотря на видимую простоту и безыскусственность Мурманскаго рыбнаго промысла, промыселъ этотъ крайне тяжелъ. Количество людей въ шнякѣ — прямо въ обрѣвъ: у всѣхъ работы полны руки. Размотать многоверетный ярусъ съ тысячами крючковъ, не перепутавъ эти крючки между собою, наживить эти тысячи крючковъ, ровно забросить въ волнующееся море ярусъ, снять рыбу — все это требуетъ большой ловкости, расторопности и умѣнья. Туманы, льды, холодные морскіе вѣтры заставляютъ дрожать отъ холода бѣдныхъ покрученниковъ во время 6-ти часового перерыва между забрасываніемъ яруса и вытаскиваніемъ его. При снятіи рыбы крючки то и дѣло царапаютъ руки, а морская соленая вода разъѣдаетъ эти, хотя и пустыя, но свѣжія раны и причиняетъ большую боль. Весь промыселъ въ морѣ длится 10—12 час.; но, возвратившись въ становища, работа для покрученниковъ далеко еще не оканчивается. Выловленную рыбу нужно немедленно солить, — иначе она испортится. Расчетливые хозяева для посола рыбы обыкновенно не наипмаютъ особыхъ лицъ, а поручаютъ соленіе тѣмъ-же коршику, тягелцу, весельщику и наживодчику. И вотъ, на берегу вакинаетъ работа: одинъ отрѣзаетъ у рыбъ головы, другой потрошитъ, третій слегка солить, такъ какъ соль на Мурманѣ очень дорога, четвертый складываетъ рыбу въ бочки или прямо кладетъ рядами на землю. Разумѣется, усталые и голодные покрученники производятъ посолъ кое-какъ, лишь-бы поскорѣе окончили работу и отдохнуть. Рыба не моется, потрошится на-скоро, кости не вынимаются, посолъ бываетъ самый слабый. Немудрено, что она загниваетъ

уже на мѣстѣ лова, много теряется въ днѣхъ и спросъ на сѣверную рыбу внутри Россіи и за границу далекъ не такъ великъ, какъ бы могъ бы быть. У насъ, напр., въ Россіи гораздо болѣе въ ходу Донская и Волжская рыба, чѣмъ бѣломорская, хотя сѣверъ гораздо обильнѣе рыбой сравнительно съ югомъ. Вотъ въкоторыя среднія дѣны на рыбу за послѣднее десятилѣтіе на Мурманѣ: треска шла за пудъ отъ 40 коп. до 1 р., пикшуй — 10—40 коп., зубатка — 15—35 коп., сайда — 10—30 коп., палтусъ — 1 р. — 1 р. 80 коп., тресковая печень, изъ которой добываютъ извѣстный „рыбій жиръ“ — 60 к. — 1 р. 20 к. (изъ 100 пуд. трески получается около 10 п. печени, изъ которой добывается до 5 пуд. жира *). Но къ этому нужно прибавить, что, по крайней мѣрѣ, половина выловленной рыбы загниваетъ и, слѣдовательно, пропадаетъ даромъ.

Усталые покрученники спѣшатъ окончить свою работу, чтобы скорѣе отогрѣться и поразмяться въ избѣ. Имъ некогда, да и не признаютъ они необходимымъ, — выбросить въ море всѣ рыбные отбросы, потроха, головы. И вотъ, валяются на берегу дѣлами груды этихъ отбросовъ, гниютъ и заражаютъ воздухъ страшнымъ зловоніемъ. Это зловоніе и заводящееся въ кучахъ черви и всякая нечисть — одно изъ громадныхъ золъ Мурмана. Такимъ же зломъ являются и избы становищъ. Эти домики содержатъ не болѣе 3—4 куб. саж. воздуха, а между тѣмъ въ нихъ ютятся 20—30 человекъ. Здѣсь же сушится одежда, рыболовные снасти, готовится пища и т. п. При такихъ неблагоприятныхъ санитарныхъ условіяхъ, тяжеломъ трудѣ, однообразной рыбной пищѣ безъ всякихъ приправъ изъ овощей или кореньевъ, часто даже безъ хлѣба, при суровомъ климатѣ съ рѣзкими переѣнами погоды въ началѣ весны, промышленниковъ очень легко поражаютъ различныя болѣзни, среди которыхъ цынга и тифъ занимаютъ первое мѣсто. При полномъ отсутствіи всякой помощи, болѣзни эти почти всегда оканчиваются смертью промышленниковъ. Но есть и другой злѣйшій врагъ у промышленниковъ — это штормы на Ледовитомъ океанѣ. Океанъ этотъ принадлежитъ къ числу занимаютъ бурныхъ. Не владѣя никакими метеорологическими данными, промышленники выѣзжаютъ на ловъ ежедневно, не взирая ни на какую погоду, и штормъ застигаетъ ихъ въ океанѣ всегда неожиданно, треплетъ тѣдушную шняку, бросаетъ ее изъ стороны въ сторону, иногда заноситъ далеко вглубь океана на вѣрную голодную смерть промышленниковъ, иногда съ яростью разбиваетъ шняки о подводные камни и скалистые утесы Мур-

*) Энгельгардтъ А. П., „Русскій сѣверъ“, Спб., 1897, стр. 104—105.

мана. Ни один год не проходит благополучно для промышленников и у них даже сложилось суеверное поверье, что за выловленную рыбу океан требует себе человеческих жертв. Въ страшную бурю 1894 г. разбито 34 поморских судна, при чем погибло 52 человека. И такіа человеческія гекатомбы не рѣдки! Привѣзжают послѣ такой „второй“ покрученники, пересчитают шняки, видятъ, что „Антоновы не вернулись“, „Митрича не видать чтой-то“ и т. д., — и на пустыномъ далекомъ Мурманѣ вырастаютъ рядъ крестовъ. Не правдали, тяжелъ этотъ далекій Мурманскій берегъ съ своими видами на ряды голыхъ скалъ попеременно съ рядами крестовъ?..

Но вотъ проходитъ сырая, перемѣнчивая весна и наступаетъ полярное лѣто. Солнце кружить по небу, вовсе не заходя. Благодаря обилію свѣта и, пожалуй, тепла*), въ долинахъ, обращенныхъ на югъ, поспѣваетъ множество морошки и черники; попадаются иногда и грибы. Къ этому времени Вѣлое море вполне освобождается ото льда и изъ Архангельска являюся пароходы съ хлѣбомъ и всякой провизіей. Промыселъ становится легче, веселѣе. Въ это время наѣзжаютъ и купцы — провѣдать, какъ идетъ работа у ихъ покрученниковъ. Не можемъ не привести здѣсь сцены встрѣчи хозяина съ своими рабочими. (Немировичъ-Данченко, „Мурм. страда“).

— Отъ шкуны отдѣлился человекъ и доскавилъ на берегъ толстаго одутовагаго помора, который, казалось, едва переступалъ отъ сознания своей важности и величія.

— Митрію Иванычу!.. Каково Господь тебя донесъ?.. Давно ли изъ домика своего? А мы, признаться, стосковались о тебѣ... Чтой-то хозяина не видно, думаемъ?

— Спасибо, ребятушки... Каковы ловы нынѣ?

— Ловы нынѣ, надо прямо говорить, хорошіе. Рыбки, слава Господу, море уродило. Тоже и безъ вторы не обошлось..

— Поди шняку разбилъ? Эко, черти проеляты! — взбѣсился было хозяинъ.

— Не шняку... како шняка, шняки-то всѣ цѣлы.

— Ну, ярусъ испортили, дьяволы..

— И яруса твои цѣлы... А вотъ Блажной, зналъ его?

— Знаю, какъ не знать... Самый неспособный ловецъ...

— И зукъ тоже одинъ, Андрюшко... потонули..

— А я, прости Господи, думалъ шняку испортили. Вы со шняками, смотри, осто-

рожній будь. Боже упаси, чего-бы не случилось. Шняка-то, вѣдь, сколько заплачена!.. Съ ярусомъ тоже половчатъ: денегъ онъ стоить... А что Блажного, да Андрюшку въ море свесло, на то Вожья воля... Ловы тому не причины... А со шнякой да ярусомъ пообходительнѣй... Ловите, значить, все какъ слѣдуетъ.

— Да уже сколько штабелей налажено. Три сѣки соленой рыбки заложено.

— То-то!.. потруджайтесь, ребятушки! А максу**) топилъ.

— Дня, самъ знаешь, какіе стоятъ: не вытопишь; а только накладено много.

— То-то, не упускайте!.. Ловите!.. А я вамъ тоже вотъ водки приволокъ... На артель 10 бутылокъ жертвую. Вы только этого не чувствуете...

— Мы-ли твою милость не чувствуемъ?!.. Д-ды, Господи! Ежели, то-исъ... — умилялись покрученники, прослышавъ о водкѣ.

— У меня милостевъ много, — смягчался хозяинъ. — У меня сколько хошь милостевъ!

— Уже для тебя мы всей душой. Во какъ! То-исъ какъ ты для насъ, такъ и мы!..

Появилась водка и на первый же день промышленники перелились до гадости. А тамъ уже выгрузилъ хозяинъ новую водку, только та уже пошла на деньги иль въ долгъ. Прогуливали ловцы будущіе пай свои и еще пуще за водку влѣзали въ кабалу къ хозяину, продававшему зелье за тройной цѣны. Дни три простоялъ хозяинъ, а на четвертый ушелъ въ Норвегію, пообѣщавъ привезти оттуда съ собою „поболея рома норвекаго“..

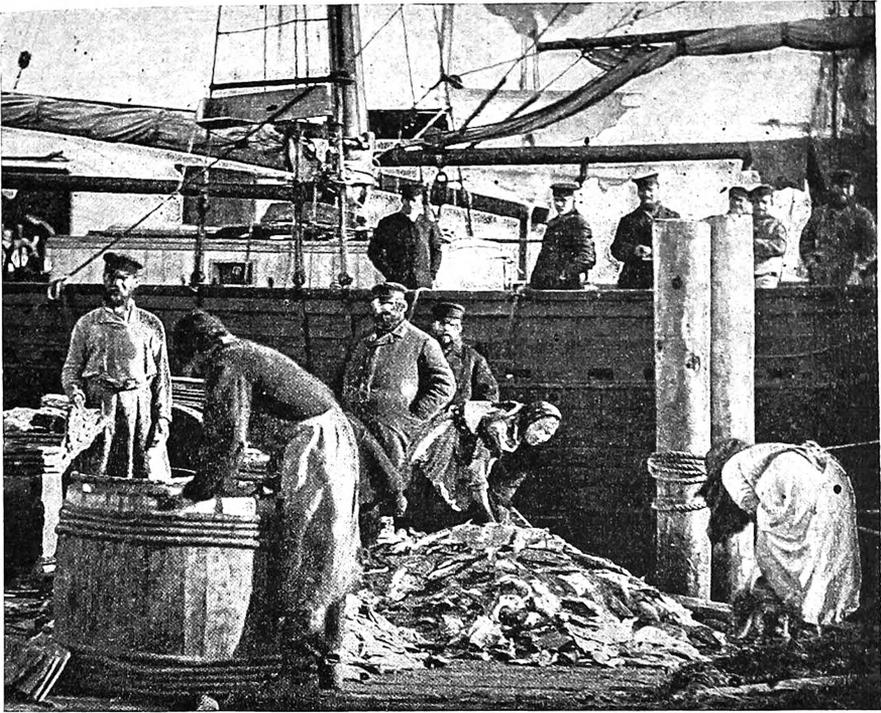
— Только ловите... И въ праздникъ, коли промыселъ боекъ, ловите... Потому Богъ это любитъ, ежели то-исъ труждается!..“

Но вотъ и лѣту конецъ, и осенніе туманы стали все чаще и чаще окутывать берега Мурмана. Пора кончатъ промыселъ, получить расчетъ, отправиться къ роднымъ семьямъ. Наѣзжаютъ изъ Архангельска много кораблей, забираютъ рыбы и отвозятъ ее то въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, то въ Норвегію, то въ Петербургъ***). Получаютъ свои пай промышленники и кружнѣмъ путемъ, черезъ поморскія села, возвращаются домой. Интересно знать, каковы же размѣры мурманскаго промысла и сколько достается покрученникамъ за ихъ почти семимѣсячные труды (съ марта до половины сентября)? Въ 1894 г. прибывшими поморами было добыто 564,147 п. рыбы и 52,377 п. жиру, всего на сумму, по оцѣнкѣ на мѣстѣ, 277,439 р. Этотъ уловъ считается у поморовъ бѣднымъ. 1895 годъ былъ обильнѣе по ходу рыбы и въ этомъ году покрученниками (1993 чел.) было добыто рыбы 783,221 пуд.

*) Средняя температура лѣта на Мурманѣ = 8,95°R.

**) Макс или воюкса — рыба печень, изъ которой вытапливается жиръ.

***) Въ Петербургѣ, впрочемъ, рыба идетъ чаще по зимнему пути на лошадахъ.

Перегрузка трески на Мурманѣ.

и жиру—24,726 пуд., на сумму 426,985 р. *). По размѣрамъ улова и по стоявшимъ въ 1895 г. цѣнамъ на рыбу, годъ этотъ можно признать среднимъ. Условія хозяевъ съ покрусенниками съ давнихъ поръ установились слѣдующія: каждая шняка, т. е. четыре ловца, получаетъ треть добычи; хозяину—остальное, т. е. $\frac{2}{3}$ добычи. Свою треть покрусенники дѣлятъ между собою нѣсколько не по-ровну, но коршику удѣляется нѣсколько большая часть, зуйку — вдвое меньшая, чѣмъ взрослому ловцу. Принявъ уловъ 1895 года за средній, мы получаемъ на долю судохозяевъ (642 чел.)—284,656 $\frac{2}{3}$ рубля (по оцѣнкѣ на жѣстѣ; свеженная въ Архангельскѣ рыба поднимается въ цѣнѣ почти вдвое) и на долю рабочихъ (1993 чел. — 142,328 $\frac{1}{3}$ р.), т. е. въ среднемъ около 71 р. 50 к. на каждого. Но и этотъ ничтожный заработокъ, обыкновенно, никогда не попадаетъ въ руки покрусенниковъ полностью; даже больше,—случаются иногда такія оковки, что при расчетѣ самъ же покрусенникъ остается въ

долгу у судохозяина! Чтобы читатель не уличалъ насъ въ пристрастїи, приведемъ отзывъ такого компетентнаго лица, какъ нынѣшній архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, въ пристрастїи коего къ покрусенникамъ, конечно, заподозрить нельзя. На стр. 100 своей книги „Русскій Сѣверъ“ (изд. 1897 г.) онъ говоритъ: „Судохозяинъ, задолго до начала промысла, зимою, условившись съ покрусенникомъ, снабжаетъ его всякими припасами, какъ для его самого, такъ и для его семьи, и всѣмъ необходимымъ на промыслѣ. По окончанїи промысла производится расчетъ: изъ части, причитающейся на долю покрусенника, удерживается стоимость забраннаго, причемъ, какъ за товаръ, такъ и за уловъ, хозяинъ устанавливаетъ цѣну по своему произволу. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывается, что промышленникъ не только ничего не получаетъ на руки, а остается еще въ долгу у хозяина“. Переходящая изъ года въ годъ задолженность промышленниковъ хозяевамъ служитъ при-

*) Энгельгардтъ, А. П.—„Русскій Сѣверъ“, 1897 г., стр. 105.

чиною тому, что покрученники не выходят из кабалы во всю свою жизнь и покруть переходят по наследству от отцов къ дѣтямъ. Не видавъ крѣпостного яга, поморы не избѣжали иного закрѣпощенія, отъ котораго едва-ли въ состояніи освободиться собственными силами. Зато въ бѣдной, по общему предствленію, Архангельской губерніи насчитывается немало миллионеровъ-купцовъ.

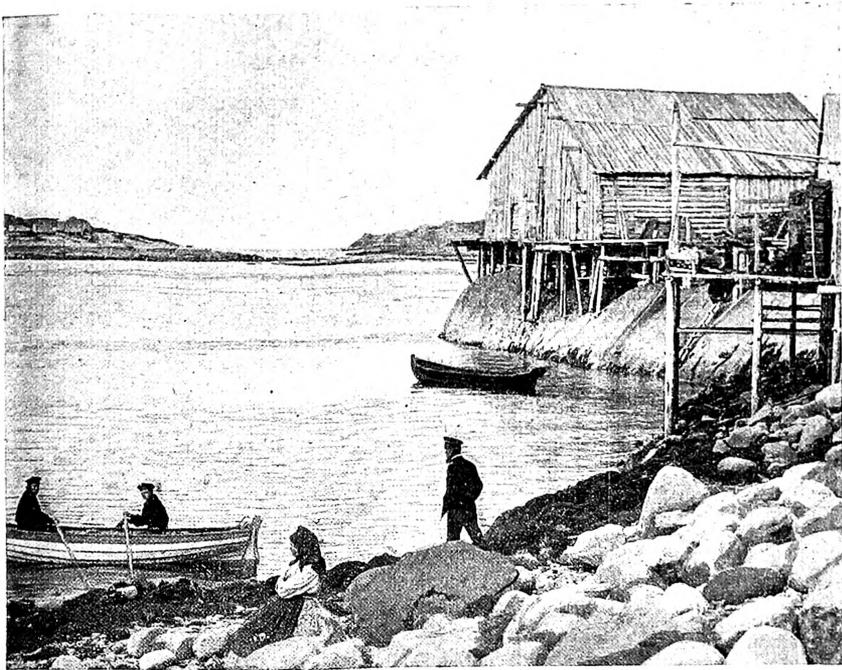
Но и тѣхъ изъ покрученниковъ, которые получили на-руки часть своего заработка, ожидаютъ въ обратномъ пути немалыя искушенія. Послѣ семимѣсячной отлучки, каждый спѣшить домой: но всякому хочется явиться не съ пустыми руками, а принести жёнѣ и дѣтямъ подарки. И вотъ, покрученникъ возвращается въ родное село не прежними прямыми и пустынными путями, а чрезъ многолюдныя и торговыя села. Въ этихъ селахъ также ждутъ прохода промышленниковъ, чувствуютъ въ карманахъ ихъ деньги, припасаютъ всякаго товара заманчиваго, а еще больше водки и сѣвернаго „норвежкаго рома“—этихъ величайшихъ враговъ русскаго сѣвера. Можно представить себѣ, въ какомъ видѣ возвращаются покрученники въ родныя семьи на зимній отдыхъ до будущей страды?..

Опустѣлъ Мурманъ. Наглухо забыты становища. Ниже опускаются тѣмныя, осеннія тучи. Хмурое небо, хмурое море. Завываетъ вѣтеръ въ ущельяхъ, разбиваются волны о скалы, шатаются кресты на берегу. Дикая, угрюмая, безлюдная пустыня гонитъ все живое отъ себя. Пронзительный крикъ чайки... гдѣ-то отозвалась другая... третья... И опять шумъ моря!..

Не красна, какъ видимъ, жизнь поморевъ, забытыхъ и предоставленныхъ собственнымъ силамъ. Но въ послѣднее время, благодаря, главнымъ образомъ, печати, о поморахъ заговорили, ими стало интересоваться общество, стало интересоваться и правительство,—и для поморевъ уже теперь кое-что устроено. Такъ, въ 1896 г. учреждено постоянное, въ опредѣленные сроки, Архангельско-Мурманское пароходство, съ пособиемъ отъ казны въ 250,000 руб. Пароходы еженедѣльно прибываютъ къ Мурману и отходятъ отъ него. Благодаря имъ, поморы получили возможность имѣть нѣкоторые сношенія съ своими семьями—и уже въ 1898 г. на Мурманѣ продано было почтовыхъ марокъ на 260 р. Каждый пароходъ отвозилъ не мало денежныхъ накетовъ въ родныя семьи и это значительно повліяло на сраженіе пьянства. Являлась возможность получать постоянно и по сравнительно низкой цѣнѣ свѣжій провіантъ, что въ значительной степени и съ хорошей стороны отразилось на санитарной сторонѣ промысловъ. Большую

пользу оказываетъ посылаемый съ недавнихъ поръ отрядъ Краснаго Креста, ежегодно командированный мѣстнымъ отдѣломъ изъ Архангельска и состоящій изъ одного врача, трехъ приглашенныхъ на лѣто студентовъ-медиковъ 5 курса, фельдшеровъ и 6 сестеръ милосердія. Они живутъ въ трехъ отдѣльныхъ пунктахъ, гдѣ для стационарныхъ больныхъ имѣются больницы, а въ становищѣ Териберкѣ устривается постоянная больница. Отрядъ завоевалъ симпатіи промышленниковъ и, можно сказать съ полною увѣренностью,—спасъ не одну сотню жизней. Проведенный между становищами телеграфъ, которымъ пользуются не только купцы, но и рабочіе, даетъ возможность быстро и точно знать, въ какомъ мѣстѣ наибольшее количество рыбы, гдѣ можно достать наживку и т. п., вопросы весьма важныя для мурманскаго рыболовства. Соль, весьма важный продуктъ для Мурмана, нерѣдко стоила дороже, чѣмъ рыба. Поэтому въ 1893 г. разрѣшено устроить на Мурманѣ нѣсколько казенныхъ соляныхъ складовъ. Одинъ изъ нихъ уже дѣйствуетъ въ Териберкѣ и теперь цѣна на соль упала до 20—40 к. за пудъ. Наконецъ, подъ руководствомъ зоолога академіи наукъ Н. М. Книповича снаряжена на сѣверъ научная экспедиція, изысканія каковой имѣютъ несомнѣнное значеніе и для промысловъ. Такъ, на обязанности этой экспедиціи лежатъ, между прочимъ, научное рѣшеніе такихъ практическихъ вопросовъ, какъ вопросы о томъ, гдѣ, на какой глубинѣ, въ какомъ разстояніи отъ берега и въ какое время года можетъ ловиться та или другая рыба. Теперь ловъ рыбы производится только съ ранней весны до половины лѣта и на разстояніи 10—30 верстъ отъ берега. Между тѣмъ экспедиціей Книповича было установлено, что, напр., лѣтомъ 1898 г. не попадавшаяся у берега треска въ громадномъ количествѣ залегала за 100 и болѣе верстъ отъ береговъ.

И Мурманъ начинаетъ оживать, начинается просыпаться послѣ тяжелаго, долгаго сна къ той жизни, которая искони указана ему природой. Въ Териберкѣ, напр., купцы Мерзлютинъ строятъ особую пристань, соляной складъ на 100,000 пуд., складъ угля и казарму—болѣе удобную, чѣмъ становища—для рабочихъ на нѣсколько сотъ человѣкъ. Купецъ Савинъ заводитъ пароходъ для перевозки главной наживки—мойвы, устриваетъ для нея особые садки и предлагаетъ даже искусственно замораживать мойву, чтобы сохранить ее на то время года, когда она отходитъ въ океанъ. Если опыты удадутся, то поморскіе промыслы можно будетъ продлить до глубокой осени. На Локанскихъ островахъ, протвѣ св. Носа, устривается тисеній заводъ; въ становищѣ Еретицахъ возобновили

Становище Еретики на Мурманѣ.

свои дѣйствія китобойный заводъ Гебеля; на Мурманѣ стремятся переселенцы...

Тѣмъ не менѣе, остается еще многого желать, многое сдѣлать... Первымъ дѣломъ дужно бы помочь поморамъ освободиться отъ „покрута“ — этой крѣпостной зависимости отъ кулаковъ. Правда, въ этомъ направленіи сдѣланъ шагъ, но шагъ не полный, не повлекшій за собою существеннаго измѣненія дѣла. Именно, по Высочайшему повелѣнію 18 марта 1886 г. было разрѣшено выдавать поморамъ ссуды на обзаведеніе самостоятельныхъ артелей, въ размѣрѣ 430 р. на артель, промышленную на шнявъ, и 215 р. на артель, промышленную на нѣсколько меньшемъ карбасѣ. Однако, до 1894 г. ссудами воспользовалось только 74 артели, а въ настоящее время ихъ осталось менѣе 10; остальные распались и оказались несостоятельными. Это странно, на первый взглядъ, явленіе объясняется весьма просто; дѣло въ томъ, что шняка съ снастями стоитъ больше 1,000 руб. и, взявъ у казны 430 р., артель остальные деньги занимаетъ у того же купца-кулака подъ громадные проценты и входитъ въ непосильные для себя долги. Затѣмъ не мѣняло бы облегчить поморамъ-покрученникамъ и путь-дорогу на далекіи

Мурманъ. Давно уже говорятъ о сѣверной желѣзной дорогѣ изъ Петербурга на Петро-заводскъ и Кемь и, быть можетъ, и далѣе — на Колу. Къ сожалѣнію, объ этой дорогѣ пока еще только говорятъ. Но если желѣзная дорога — дѣло отдаленнаго будущаго, то ужели нельзя придумать чего-нибудь попроще, чтобы промышленникъ и въ ХХ вѣкѣ не утопалъ въ снѣгу, не погибалъ большой горячкой, среди пустыни, растерываемой стаей голодныхъ волковъ?.. И затѣмъ еще — развѣ нельзя устроить, чтобы тотъ же отчаянный покрученникъ не гибъ безъ вѣсти во время нѣрѣдкихъ жестокихъ бурь, не умиралъ голодной смертью, несомый на одинокой лѣднѣй по волпамъ безбрежнаго океана?.. Правда, и здѣсь нужно оговориться, что еще съ 1885 г. въ распоряженіи кольскаго исправника имѣется особый пароходъ „Мурманъ“, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, и спасеніе рыбопромышленниковъ во время бурь; но это именно — между прочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, помню указанной задачи, на „Мурманъ“ возложены еще слѣдующія обязанности: пароходъ этотъ долженъ ограждать наши промыслы отъ иностранцевъ, сообщать своевременно о ходѣ рыбы и наживки, перевозить чиновниковъ

и служащих из одного становища в другое, доставлять в больницы „Краснаго Креста“ больных, перевозить преступников, преслѣдовать продажу крѣпких напитков, исполнять вообще всѣ поручения и распоряженія архангельскаго губернатора. При такомъ положеніи вещей трудно ожидать, чтобы „Мурманъ“ могъ, въ болѣе или менѣе значительной степени, оказать существенную помощь промышленникамъ. Къ тому же онъ далеко не мудрое судно, и пускаться въ открытое море, да еще въ бурю, на выручку покрученникамъ на немъ опасно...

Отъ желанныхъ мѣропріятій, лично для рабочаго люда, перейдемъ и къ тому, что нужно бы сдѣлать вообще для развитія и оживленія промысла. Крайне необходимо учрежденіе практической школы рыбнаго хозяйства, гдѣ бы поморъ могъ научиться усовершенствованнымъ способамъ ловли рыбы и морскаго звѣря, улучшеннымъ способамъ консервирования рыбы и постройки и оснастки судовъ. Въ способахъ ловли рыбы сосѣдніе норвежки далеко опередили поморовъ, а единственно практикующій у поморовъ способ консервирования рыбы—засолъ ея—производится такъ небрежно и плохо, что вполне обезцѣнивается и товаръ, и труды. Этимъ обезцѣняется, напримѣръ, что, несмотря на свое богатство сельдью, мы платимъ Норвегій большія деньги за ту же сельдь, которая ловится у береговъ нашего Мурмана. Свѣжая или хорошо консервированная треска не имѣетъ никакого запаха и представляетъ изъ себя питательное, вкусное и даже пикантное блюдо; но въ „обработкѣ“ поморомъ она получаетъ отвратительный запахъ и ее можетъ ѣсть развѣ только непритязательный сѣверянинъ. Безъ сомнѣнія, мурманскіе консервы были бы гораздо лучше черноморскихъ скумбріи, кефали и т. п. Нѣтъ только знаний и опыта для приготовления ихъ. Поморская шняга—типъ судна, который выработанъ 300 лѣтъ тому назадъ. Она открыта, заливаясь волнами и легко переворачивается, на ней нельзя выѣхать далѣе 30 верстъ отъ берега и потому покрученникамъ приходится сидѣть безъ дѣла, если рыба проходитъ дальше указаннаго разстоянія. Въ сосѣдней Норвегій давно уже перешли къ крытымъ судамъ, глубоко сидящимъ и способнымъ выдерживать болѣе сильныя волненія. Правда, норвежская шкуна, и стоитъ дороже нашей шняги, но зато быстро возвращаетъ потраченные на нее деньги. Но гдѣ же и какъ научиться поморъ строить лучшія суда, если, кромѣ ирраціональныхъ шнягъ, онъ ничего выдѣлать не выдалъ?

Безъ специальной школы здѣсь не обойтись. Впрочемъ, и вообще школы нужны помору: только путемъ настоящаго просвѣщенія можно бороться съ пьянствомъ и многими другими язвами Мурмана. „Больше свѣту, больше свѣту“—и не такъ страшна станетъ та долгая ночь, которая окутываетъ наши приполярныя окраины...

Но если о Мурманѣ вспомнили, заговорили, если можно читать увѣренность въ лучшемъ будущемъ этого края, то о другомъ, не менѣе важномъ промыслѣ поморовъ какъ-то усиленно замалчивается. Мы говоримъ о ловлѣ морскихъ звѣрей—тюленей, китовъ, акулъ, моржей, отчасти бѣлыхъ медвѣдей и т. п.,—на каковой ловъ ежегодно отправляется въ разныя страны не менѣе 3—4 тысячи промышленниковъ, преимущественно изъ русскихъ и отчасти самоѣдовъ и зырянъ. Размѣры этого промысла ничуть не уступаютъ, и при настоящемъ положеніи вещей, размѣрамъ мурманскаго рыболовства; а при нѣкоторой организаціи дѣла, конечно, получили бы еще большее развитіе. Какъ центромъ рыбной ловли служатъ Мурманъ, такъ главнымъ пунктомъ охоты на морскаго звѣря служатъ неприглядные берега Мезенской губы и Кулойскаго залива *), хотя и по всему побережью Ледовитаго океана, и на близлежащихъ островахъ морскіе звѣри водятся въ изобиліи. На Мурманѣ границъ и бурное ото льда море; въ устьяхъ Мезени граница тундры и ледовитые „припая“ къ берегамъ. Въ то же самое время, какъ и на Мурманѣ, — въ половинѣ февраля, спать поморы изъ Архангельскаго и Мезенскаго уѣздовъ къ Мезенской губѣ со всѣми тѣми же дорожными приключеніями, какія мы видѣли на Мурманѣ. Тотъ же покрываетъ царитъ и здѣсь, причемъ онъ принимаетъ особенно некрасивую форму по отношенію къ покрученникамъ изъ самоѣдовъ. Этимъ простодушнымъ и честнымъ дикарямъ слишкомъ дорого обходится зырянская вода. На берегахъ Мезенскаго залива бьютъ преимущественно разнаго рода тюленей. Вътромъ прибываетъ къ матеріку носящійся въ океанѣ ледъ, который образуетъ возлѣ берега такъ называемый „торосъ“, сплошную льдину, а цѣлыя тысячи ихъ, прилегающія другъ къ другу. На этотъ торосъ въ февралѣ мѣсяцѣ собираются тюлени и производятъ здѣсь дѣтей. Новорожденные въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ не могутъ плавать, и потому сердобольные родители остаются возлѣ нихъ на льдинахъ. Своимъ теплымъ дыханіемъ они продѣлываютъ во льду отверстія, чрезъ которыя и уходятъ въ воду при малѣйшей опасности. Тюлени очень любятъ

*) Въ 1898 г. правленіемъ Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги сдѣланы изысканія по проведенію вѣтви отъ Архангельска къ устьямъ Кулоя. Изысканія дали благоприятные результаты, но когда будетъ приступлено къ постройки этой вѣтви—неизвѣстно.

грѣться на солнцѣ и, лежа на льду, протан-
зуютъ себѣ какъ бы корыта, въ которыхъ
и нѣжятся рядомъ съ своею семьею. Вотъ
такая-то идиллическія минуты и на руку про-
мышленникамъ. Съ соблюденіемъ всевозмож-
ной тишины, крадутся они съ винтовками
въ рукахъ, стараея заходить противъ вѣтра,
чтобы опасливый звѣрь не услышалъ ника-
кого шороха. За собой тянутъ промышлен-
ники лодку на полозьяхъ, служащую имъ
какъ для перевѣзда чрезъ полныи между
льдинами, такъ и для доставки на берегъ
убитаго звѣря. Подойдя на ружейный вы-
стрѣлъ, охотники дѣлаютъ залпъ по тюле-
нямъ. Обыкновенно, тюлени не боятся треска
ружейнаго выстрѣла, принимая его, вбродно,
за шумъ отъ столкновения и разлома льдинъ,
и тѣмъ даютъ возможность охотникамъ за-
ржать свои ружья вновь и вновь—до тѣхъ
поръ, пока, наконецъ, звѣрь не закричитъ
человѣка, послѣ чего моментально скрывается
чрезъ свои одушины въ воду. Тюлени—очень
неопасный звѣрь, и промыселъ на нихъ со-
всѣмъ не хитрый; тѣмъ не менѣе, не одна
поморская жизнь находитъ себѣ конецъ, ужас-
ный конецъ, на этихъ промыслахъ. Дѣло въ
томъ, что ледъ у берега—наносный ледъ къ
„припаю“—ни къ берегу не припаявшійся,
ни между собою не смерзнувшійся. Полныи
встрѣчаются здѣсь на каждомъ почти шагу,
и льдины гуляютъ во всѣ стороны по волѣ
вѣтра. Пока вѣтеръ дуетъ съ океана, то все
обстоитъ благополучно; но если онъ подуетъ
отъ берега, то несетъ льдины въ открытій
океанъ, откуда на лодкѣ промышленника до
берега не доплывешь. Случается такъ, что
вѣтеръ среди дня измѣнитъ свое направленіе:
пошли промышленники при какомъ-нибудь
нордѣ, прошли уже и десятки верстъ, увлек-
лись боемъ звѣря, а тутъ вдругъ налетѣлъ
зюдъ-юстъ. Тогда бѣда; спѣшатъ охотники
къ своимъ лодкамъ, спѣшатъ вернуться на
берегъ, но уже поздно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ
прежде была полныя, оказывается уже цѣлый
проливъ между льдинами на версту. Пере-
плывъ, бѣгутъ по новой льдинѣ—и опять
широкая полныя. И чѣмъ дальше бѣгутъ
промышленники, чѣмъ больше они устаютъ,
тѣмъ полныи становятся все шире и шире, и
лодка теряетъ всякое значеніе. И вотъ, на
последней льдинѣ человѣкъ съ тоскою смот-
реть въ сторону земли: передъ нимъ ковар-
ное, бурное море, а берегъ исчезъ,— какъ
будто его и не было! Южный вѣтеръ несетъ
льдину все дальше и дальше и остаея
только сложить руки и ждать голодной смерти...
Да, если на Мурманѣ есть хоть комедія спа-
сательной станицы—пароходъ „Мурманъ“, то
на далекой Мезени и этой комедіи нѣтъ.
Какія чувства приходится переживать не-
вольному пловцу на льдинѣ, съ тоскою счи-
тающему дни и ночи своего путешествія,

проглядѣвшаго всѣ свои глаза въ надеждѣ
увидѣть какое-нибудь судно, идущее на Матку,
какой-нибудь клочекъ земли? Можно-ли на-
дѣяться на спасеніе? Все зависитъ здѣсь отъ
слѣбного случая: бывало, снимали съ льдинъ;
бывало и такъ, что снимали людей, которые
не выносили тяжелыхъ испытаній своего
путешествія и на-вѣки бредили имъ; но чаще
въ лѣтописяхъ Мезени значатся безъ вѣсти
пропавшіе, чаще къ берегамъ далекой Новой
Земли прибывало льдины съ безжизненными
мертвецами. И на Новой Землѣ, и въ Мезен-
скомъ заливѣ появлялись новые кресты...

„Третій день уже носимся мы на утломъ
обломкѣ леданой глыбы по этому дикому,
безпріютному морю. Утромъ на океанѣ заго-
раются алія зори, весь неоглядный просторъ
неизвѣстно откуда и куда несущихся валовъ
обливается ровными розовымъ свѣтомъ, а
земли—ни впереди, ни позади! Напрасно
воспаленный взглядъ мой приковывается къ
синей чертѣ едва замѣтнаго горизонта. Увы!
Повсюду одна величаяя гладь, одно мертвое
молчаніе,—пустыня безъ конца, безъ края.
Подымается яркое холодное солнце. Слово
расплавленное серебро, горятъ неровныегребни
медленно подступающихъ волнъ; съ тихимъ
рокотомъ они вздымаютъ и опускаютъ нашу
льдину и уносятъ въ синюю даль, въ ту
смутную, недостижимую даль, гдѣ, чертяя
надъ клочкущей бѣдной, сурово возвышаются
острыя скалы и могучіе утесы сѣвернаго
побережья... И снова тишь. Порой сверкнетъ
въ лазури безоблачнаго неба бѣлое крыло
арктической птицы, сверкнетъ и утонетъ въ
безконечномъ просторѣ. Вотъ кончилась ко-
роткій полярный день. Въ недосыпаемой ви-
шинѣ вельхнула блѣдно-зеленоватая звѣзда...
другая... третья... Повсюду разлился едва
мерцающій свѣтъ... А волны все бѣгутъ и
бѣгутъ, едѣй за другими, унося насъ въ не-
вѣдомую даль. Гдѣ конецъ этой пустыни, гдѣ
берега этого полярнаго моря?

Сегодня мы раздѣлили послѣдній запасъ
соленнаго мяса. У насъ остается нѣсколько
кусковъ хлѣба, пригоршня соли да немного
воды. Что будетъ завтра, послѣзавтра, если
нашу льдину не сотретъ этими вѣчными,
мѣрно вздымающимися волнами. Ни слова.
Всѣ молчатъ. Бѣдный старикъ-охотникъ и
день, и ночь молится Богу, съ тоскою глядя
въ неподвижное небо. Онъ выплакалъ всѣ
свои слезы—и сухіе воспаленные глаза его
какъ будто допрашиваютъ у Провидѣнія, куда
Оно ведетъ насъ этими загадочными путями.
Другой, молодой парень, только ведѣлю тому
назадъ проснвшійся съ своею невѣстою, ле-
житъ навзничъ, охвативъ руками свою ку-
дрявую голову, и замеръ безъ движенія.
Лохматый несъ жметса ко мнѣ и жалобно
воетъ, словно я самъ не слабѣе его въ эту
минуту. О, безконечная ночь, когда же ты

кончишься? Я въ изнеможениі закрылъ глаза и забился...

— Тонемъ! — словно громовой раскатъ раздался надо мною. Я просыпаюсь и вскакиваю: громадный валъ чуть было не разбилъ ледяную глыбу.

— О, Господи! — слышна молитва старика, — прости десницу Твою надъ нами, яви силу Твою, Господи!.

...На востокъ чуть брезжить. Первые лучи разсвѣта проникли и въ наши измученные глаза. Легче дышется, больше вѣрится въ возможность спасенія. Опять неподвижные глядямы мы въ эту синюю даль, не мелькнеть-ли гдѣ едва замѣтная черта пустыннаго острова, посѣщаемого кораблями и нашими промышленниками, не заблѣется-ли, словно крыло одинокой чайки, парусъ поморской шкуны. Но нигдѣ — ни земли, ни паруса. И опять въ тупомъ отчаяніи, какъ приговоренные къ смерти, ложимся мы, завернувшись въ скоробившіеся отъ холода свивки. Стараешься ни о чемъ не думать, но назойливыя, темныя мысли сами лѣзутъ въ голову. А воспоминанія, одно ярче другого, такъ и выются вокругъ моего ледяного изголовья... Чувствомъ жгучей тоски отзываются эти воспоминаванія въ моемъ сердцѣ, и картины, одна лучезарнѣе другой, поднимаются передо мною. Всѣ пережитые дни, всѣ пережитыя ночи!.

— Земля, земля! — вдругъ не своимъ голосомъ закричалъ старикъ. Изохшая, слабая рука его протянулась впередъ, глаза не отрывались отъ далекаго горизонта, на которомъ туманно рисовались какія-то неопредѣленные очертанія. И всѣ только что испытанныя ощущенія, всѣ муки и страданія забыты. Прошлое, казалось, отошло въ недосигаемую даль, настоящаго не существовало; только одно будущее неотразимо манило насъ къ себѣ. Каково бы ни было это будущее, мы съ трепетомъ радости и надежды ожидали его. Что встрѣтитъ насъ на этомъ туманномъ ключѣ материка — суровыя, гранитныя скалы, сѣрая голь безплодной земли, или уединенное промысловое становище витобоевъ? Что намъ за дѣло! Мы могли попасть въ лапы голодной семьи откуезъ (бѣлыхъ медвѣдей), могли умереть съ голоду, — да не все-ли равно, о Боже, лишь бы избавиться отъ этой проклятой ледяной глыбы, лишь бы оставить ее колеблющуюся, постоянно омываемую волнами дикаго моря поверхность.

— Гляди, отнесетъ! — предупредилъ парень.

— Нѣ... къ матерой примь ладить! — отвѣтилъ ему зорко глядѣвшій вдаль старикъ.

Благодатный берегъ быстро выросъ передъ нами. Края его ширились, и ширились очертанія его вершинъ. Никто изъ насъ не отрывался отъ этого далекаго оазиса, гдѣ

конецъ нашимъ страданіямъ и скитальчеству. Каждый создавалъ себѣ картину, мало-по-малу, опредѣлявшася острова.

— Хорошо, коли становище есть. Избы поди чай дѣлы.

— Двадцать лѣтъ по морю хожу, а этого острова не видалъ. Матка не Матка и не Колгуи-островъ! — раздумчиво повторялъ старикъ, пристально вглядываясь туда.

— Что это зеленѣетъ на немъ, — словно лѣса бы?

Мы еще пристальнѣе стали всматриваться въ туманную даль спасительнаго берега. Сердце билось часто и сильно, грудь высоко подымалась, въ каждомъ росла нервная сила. Парень уже свернулъ свой свивакъ, чтобы не мѣшалъ на случай, если бы пришлось плыть до берега. Только одна собака по-прежнему безнадежно выла, оглядывая море и небо и прижимаясь къ намъ.

— Гляди, братцы, — отчаянно крикнулъ старикъ: край-отъ, край-отъ! — Мы замерли отъ ужаса. Одна изъ береговыхъ окраинъ медленно поднялась на небо и расплзлась по немъ сѣрою тучкой. Скоро и весь благодатный край, тихо вдыхаясь, повисъ надъ синевомъ моря.

— Туца, Господи! — простоналъ парень.

Увы! передъ нами снова ширился однообразный, пустынный просторъ. Только жемчужная тучка, отливаясь подъ лучами солнца перламутровымъ блескомъ, тихо неслася по лазури чистаго неба, вытягиваясь и охватывая его своею прозрачною дымкой.. Мы недвижно стояли на краю ледяной глыбы. Ни мысли, ни сознанія!.

— Помирать, братцы, пора пришла! — простоналъ старикъ.

..И опять полярная ночь. Опять по небу заходили сполохи, а мы все плывемъ, да плывемъ въ непроглядную даль. Вчера мы раздѣлили послѣдній хлѣбъ и выпили послѣднюю воду. Теперь голодъ и жажда. Каждый изъ насъ лежитъ неподвижно, завернувшись въ свой свивакъ. Ни искры надежды! Кажется, это море безвечно.

Мимо насъ проплыла акула. У самой ледины она граціозно повернула животомъ вверхъ и могучимъ хвостомъ подбросила дѣлую тучу брызгъ и пѣны. Но потомъ, чувствуя добычу, она вновь подплыла къ намъ и уставилась своими зеленоватыми, бездонными глазами.

...Сегодня небо покрыто тучами, сѣрое, сѣрое — низко виситъ оно надъ нами, и море стало такимъ же сумрачнымъ, точно свинцовымъ.

— Ночь будетъ темна, — прохрипѣлъ старикъ. — Великъ Твой гнѣвъ, Господи! Но безмѣрны и преступленія мои передъ Тобой!

„Помѣшался“, — промелькнуло у меня въ головѣ.

— Пора братья мои, каяться: не будет вамъ спасенія, пока я съ вами.

— Ложись, дядя! — угрюмо проворчалъ пареня.

— Не бось, въ своемъ еще умѣ. Великій я грѣшникъ, товарищи, за меня Господь и васъ неповинныхъ караетъ. Лучше жь мнѣ одному пропасть — можетъ исполнится мѣра святого гнѣва Его — и пошлетъ Онъ къ вамъ ангела-набавителя. Слушайте, братцы... Давно это было, а и до тѣхъ поръ еще душу, словно могильный камень, давить это дѣло злое.

И старикъ со всею искренностью, не щадя себя, рассказывалъ, какъ онъ въ молодости контрабандой занимался, норвежскимъ ромомъ торговалъ, людей спавивалъ; какъ слюбился съ одною норвежскою дѣвушкой, а потомъ, когда опостыблѣла она ему, онъ ее задушил и ребенка убилъ...

— Неповинная кровь на тебѣ! — поднялся надъ старикомъ пареня. — Сколько молчалъ?

— Сорокъ лѣтъ никому не говорилъ.

— На духу не былъ?

— Нѣтъ...

Что-то жесткое пробѣжало по лицу парня.

— Не будетъ тебѣ прощенія — ни здѣсь, ни тамъ; хуже ты Каина!

Старикъ дрогнулъ и сталъ на колѣни. Слово преобразенный онъ прошепталъ: „Нѣтъ грѣха, превышающаго милосердіе Твое, Господи!“ Суевѣрный ужасъ проникалъ въ мою душу...

— Не будетъ тебѣ прощенія! — снова повторилъ пареня.

Старикъ поднялся, лицо его разомъ помертвѣло и стало словно деревянное, глаза какъ-то ушли внутрь и погасли, безкровныя губы судорожно трепетали. Онъ сложилъ на крестъ скорчившіяся руки и пошелъ впередъ. Вотъ ужъ онъ у самаго края... Акула слегка колыхалась... Вотъ онъ дрогнулъ, вотъ предо мною мелькнули скрещенныя руки, мертвое, синее лицо... Всплескъ воды... мгновенный ударъ акуляго хвоста и какой-то хряскъ!.. И больше ни звука. Только бѣлыя гривы волнъ колыхались на свинцовомъ просторѣ, только рокотали тяжелыя волны, да низило сѣрое небо. Насъ осталось всего только двое...

...Да куда же это насъ несетъ, куда? Уже десять дней прошло, какъ льдину оторвало

отъ матерой земли и унесло въ эту безконечную даль. Я едва могу приподнять голову. Голодъ и жажда истомили меня до послѣдней степени. А воспаленный мозгъ, какъ нарочно, рисуетъ самыя яркія, самыя плѣнительныя картины. Тѣнистыя южныя роши, чистые говорливыя ручьи студеной воды, горныя вершины, утопающія въ синевѣ темнаго неба, родныя деревки, а кругомъ сады съ благоуханными розами, съ пурпуромъ персиковыхъ и серебромъ миндальныхъ деревьевъ. Я зажмуриваю глаза, стараюсь отогнать отъ себя эти видѣнія, но они еще ярче рисуются предо мною. Въ моихъ ушахъ звучитъ дивная музыка, чей-то звонкій смѣхъ, чей-то радостныя пѣсни. Какія-то роскошныя залы. Столы ломатся подъ грузами мяса, плодовъ, вина сквозятъ въ хрустальныхъ сосудахъ, цѣлыя фонтаны кристальной воды... а у меня внутри все горитъ отъ жажды. О, пощадите, пощадите, дайте мнѣ хоть умереть спокойно! Гдѣ же наша смерть, чего заждались она? Скорѣе, скорѣе...

И снова день — который? Я не помню. Голова моя горитъ. Я живо разлагаюсь. Я пересталъ вѣрить своимъ глазамъ. Породо мною носятся странные призраки, какіе-то образы, безформенныя видѣнія. Кто это плачетъ, кто стонетъ? Какое похоронное пѣніе! Какой-то туманъ подымается передъ моими глазами... темнѣе... темнѣе...

...Поморская шхуна, седшая на Новую Землю, близъ самыхъ береговъ послѣдней встрѣтила одинокую льдину. На ней неподвижно лежало два тѣла, да еще выла лохматая жалкая собака. Ихъ взяли. Одно изъ тѣлъ шевельнулось; другое оказалось трупомъ.

Прошло уже три года. И до сихъ поръ я не могу позабыть этого страшнаго тринадцатидневнаго скитальчества по Сѣверному океану на оторванной отъ берега льдинѣ. Всѣ впечатлѣнія ужаснаго времени съ удивительною ясностью возникаютъ въ моей памяти. Я вспоминаю каждую минуту, каждое слово, воскресаю каждую галлюцинацію... А сколько такихъ жертвъ безмолвно гибнутъ среди этого безлюднаго простора! Каждый промысловой сезонъ насчитываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ (В. И. Немровичъ-Дайченко — „Затерянные въ океанѣ“).

И неужели нельзя помочь этому горю?..

Въ составъ не русскаго населенія Сѣвернаго края входятъ самоѣды и зыряне на востокѣ, лопари и карелы — на западѣ.

Названіе «самоѣдъ» поражаетъ своею странностью, невольно вызывая предположеніе объ антропофагахъ и притомъ, въ предѣлахъ своего племени. Но предпологать такимъ образомъ значило бы жестоко ошибаться. Даже и людоедами, вообще, въ какія-бы то ни было отдаленныя времена, нѣтъ никакихъ основаній

называть это маленькое племя. Сами себя они называютъ «хазово» (мужъ) или «ненецъ» (человѣкъ), и никто изъ ихъ сосѣдей не называлъ ихъ такимъ громкимъ и выразительнымъ названіемъ, какое присвоено имъ въ Россіи. По всей вѣроятности, это странное названіе произошло отъ лапландскаго слова «Самеядна» или Самбеядна»: такъ лапландцы называютъ свою страну, а въ старину лапландцы и самоѣды были сосѣдними племенами. Повидимому, древній лѣтописецъ, не раздѣляя лопарей и самоѣдовъ между собою, по имени страны называлъ и народъ, и занесъ на листы своей лѣтописи нѣсколько измѣненное слово «Самеядна»; на сѣверѣ, Югрѣ и Печорѣ, живетъ народъ «Самоядь».

Подъ именемъ „самояды“ сѣверные народцы извѣстны русскимъ еще съ XI в. Послѣ безграмотныхъ переписчики и переводчики лѣтописей перевели „самояды“ на „самоѣды“, а за ними и вся грамотная Россія упорно удерживаетъ за небольшимъ кочевымъ племенемъ сѣвера это неслестное имя.

Небольшое это племя (около 7,000 душъ), относимое этнографами и лингвистами къ переходной группѣ народовъ между монголами и финнами, съ незапамятныхъ временъ кочуетъ съ своими оленями по тундрамъ—Казинской, Малоземельской и Большеземельской, заходя съ своими стадами и въ далекую Сибирь, на громадный полуостровъ Ямалъ, переселяясь иногда и на близъ лежаще острова: Колгуевъ, Вайгачъ и Новую Землю. Уныла и мрачна страна, занятая самоѣдами,—страна мха, болотъ и снѣга. Послѣ временнаго оживленія лѣтомъ, пустыня на долго совсѣмъ замираетъ. Ужасная, страшная тишина царитъ вокругъ; коегдѣ рѣдкій ельникъ или ивовый кустарничекъ, но въ общемъ на тысячи верстъ снѣжная равнина безъ конца; сѣрое, хмурое небо скупо освѣщаетъ эту пустыню, а наконецъ, и совсѣмъ спускается долгая, многодневная ночь надъ этою мрачною землею. Конечно, такая природа не могла не отразиться на характерѣ народа, живущаго въ этой пустынѣ тысячелѣтія. И характеръ, и нравы, и вѣрованія этого народа также мрачны, дики, какъ мрачно все окружающее. Могла ли тундра дать самоѣду понятіе о Богѣ, напр., какъ о существѣ милостивомъ и добромъ? Нѣтъ, никогда; самоѣдъ видитъ только зло и бѣду—и богъ его долженъ быть или злымъ, или отравившимъ свой взоръ отъ человѣка. Таковъ онъ и есть. Могла ли мертвая пустыня развить эстетическое чувство въ самоѣдѣ, создать богату фантазію, заставить создать свой эпосъ, какъ имѣеть его всякій народъ? Нѣтъ, не могла. И у самоѣдовъ, дѣйствительно, нѣтъ сказокъ, нѣтъ преданій, нѣтъ пѣсенъ. Эстетическое чувство

заставляетъ его пѣть, но природа не даетъ содержанія для пѣсенъ. Всѣ пѣсни самоѣда суть импровизаціи, и въ нихъ онъ заунывнымъ, меланхолическимъ напѣвомъ, подъ аккомпаниментъ завываній сѣвернаго вѣтра, поетъ, что „съѣлъ какой-то самоѣдъ въ одинъ разъ семь сырыхъ омулей, что выпили такіе-то и такіе-то самоѣды тамъ-то столько-то вина; и ужъ наступала ночь, озарили пустыню яркія звѣзды, а самоѣдъ все импровизировалъ монотонно весь свой домашній бытъ, и слышались чаще всего воспѣванія вина и сырой оленьей печени и оленьей крови“ *). У самоѣдовъ нѣтъ даже опредѣленныхъ именъ для своихъ дѣтей и они называютъ ихъ по какому-нибудь обстоятельству, случившемуся при рожденіи ребенка: снѣгъ повалилъ—и назовутъ снѣгъ, пурга зашумѣла—и назовутъ пурга, русскій вошелъ въ чумъ—и назовутъ „немя“ (нѣмецъ)... Могла ли мертвая природа внушить энергію, рыцарскія чувства, заставить полюбить жизнь? Нѣтъ, никогда. И самоѣдъ безпеченъ, лѣнивъ, пока не заставитъ его шевелиться голодъ; самоѣдъ ни во что ставитъ свою „нирку“ (жену) и относится къ ней такъ же, какъ и къ своему скоту; самоѣду неизвѣстны походы, богатыри, подвиги; самоѣдъ умираетъ такъ же безпечно и молчаливо, какова была и вся его жизнь, доставляя окружающимъ истинное удовольствіе—попировать на своихъ похоровахъ...

Это жалкое племя некрасиво и по наружности: невысокаго роста, съ плоскимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ, узкими глазами, выдающимися скулами и жесткими прямыми волосами; одѣтые въ оленьи шкуры шерстью наружу, самоѣды крайне неприятны, такъ какъ никогда не моются. Въ характерѣ ихъ замѣчается скрытность, нелюдимость, подозрительность; но какъ всѣ дикіе народы, они очень честны и готовы помочь въ бѣдѣ. До послѣдняго времени—времени усиленнаго развитія пьянства среди самоѣдовъ—о воровствѣ и лжи среди самоѣдовъ и помину

*) Изъ путешествія М. А. Кастрена по Сѣверу Россіи.

не было. Они ведут кочевой образ жизни, и всё усилія сдѣлать их осѣдлыми пока не увѣнчались успѣхами. Почти единственное постоянное самоѣдское поселеніе—Кожвенское—насчитываетъ едва 30 дворовъ; остальные 7,000 самоѣдовъ бродятъ по тундрѣ съ своими оленьими стадами.

Официально почти всё самоѣды считаются въ последнее время христианами. Но совершенно вѣрно замѣчаетъ С. В. Максимовъ, что самоѣды „носятъ крестъ, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякій случай, держатъ деревянныя чурочки боговъ“. Высшее ихъ божество—Нумъ—жить въ надзвѣздныхъ высотахъ и посылаеть на землю дожди, снѣгъ и бурю. Земля и весь родъ человѣческій настолько нечисты передъ Нумомъ, что Нумъ никогда не смотритъ на нихъ. За Нумомъ по силѣ слѣдуетъ дьяволъ Аа, который, какъ и подобаетъ каждому дьяволу, золь и насылаеть на человѣка всякія бѣды. Затѣмъ весь міръ наполненъ „тадебціями“—хитрыми и злыми духами, подвластными Нуму, которымъ Нумъ и передаетъ все управленіе міромъ и людьми; они постоянно вредятъ людямъ, и вступать съ ними въ общеніе могутъ только жрецы—„тадибен“ или „тадебен“, (извѣстные у насъ подъ невѣрнымъ названіемъ „шамановъ“. Итакъ, Нумъ отвернулся отъ земли, дьяволъ-золь, тадебціи вредятъ людямъ (и счастье еще, что они, по вѣрованію самоѣдовъ, очень любятъ спать!)—бѣдный самоѣдъ, не жди себѣ помощи свыше! Только жертвы, постоянныя жертвы, которыя съ такимъ непостижимымъ искусствомъ и быстротою истребляются тадибеями, могутъ, если не превратитъ гнѣвъ на милость, то на нѣкоторое время устранить опасность. Ни храмовъ, ни кумиренъ самоѣды не имѣютъ, но у нихъ есть священные мѣста. Къ нимъ принадлежать—Кузьмина роща въ Месенскомъ уѣздѣ, островъ Вайгачъ, гдѣ имѣется камень, похожій фигуру на человѣка и др... Вообще всякая вещь изъ дерева и камня, схожая съ человѣкомъ, священна въ глазахъ самоѣда. Она называется „хаги“ или „хеги“ и находится въ каждомъ самоѣдскомъ чумѣ, замѣняя собою икону и представляя изъ себя духа-покровителя (но очень слабого) данной семьи. Только съ хагами самоѣдъ можетъ разговаривать непосредственно самъ, просить ихъ объ удачной охотѣ, объ охраненіи оленьяго стада отъ волковъ и пр. Желая убагатворить своего божка, самоѣдъ мажетъ ему губы кровью, жиромъ и т. п. Но бѣда, если хагъ не поможетъ: разсерженный самоѣдъ безъ всякаго слѣдствія и при всемъ честномъ народѣ неистово съѣчетъ своего божка...

Всѣ праздники самоѣдовъ—по случаю-ли веселыхъ (свадьбы, напр.) или печальныхъ событій (похоронъ)—носятъ характеръ дикій

и завершаются пьянствомъ и дракою. Вотъ, какъ Кастрень описываетъ свадебный пиръ, на которомъ онъ лично присутствовалъ. „Пиръ свадебный—это былъ чисто кровавый пиръ. Передъ чумами толпилась гурьба разраженныхъ самоѣдовъ и пиекъ; среди нихъ стоялъ красивый олень. Ребятишки, засунувъ руки въ мализы, прыгали около него и радостно визжали, чья сладкое оленье мясо. Одинъ изъ распорядителей пира, напрягшись всѣмъ тѣломъ, держалъ оленя за рога, другою стоялъ на готовѣ съ ножомъ, а самъ хозяинъ, уставясь противъ оленя съ обухомъ, улучалъ удобную минуту свалить его однимъ ударомъ. Олень свалился, а длинный ножъ попалъ ему прямо въ сердце, и въ одно мгновеніе вытѣсненный дыхательный каналъ взволновалъ всю толпу. Толпа заорала и чуть не передралась изъ-за этого лакомаго куска; но кусокъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ родственникамъ жениха и, разорванный на части, онъ въ ту же минуту исчезъ. Съ оленя живо сняли шкуру, разрѣзали животъ и, выбросивъ все несъѣдобное, перерезали навзничь. Онъ сталъ походить на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печенки, легкія и сердце. Гости и хозяева, всѣ съ длинными ножами, хватали съ жадностью куски теплаго, дымящагося мяса и, обмакивая ихъ въ кровь, съ особымъ вѣрствомъ и наслажденіемъ ловко срѣзывали ножомъ небольшіе куски у самого рта. Снѣжая кровь такъ и струилась по поднятымъ рѣденымъ бородамъ и выгнутымъ шеямъ, а подслѣповатые узенькіе глаза блестя, какъ блужденіе. Легкія и печенка служили десертомъ; но когда кончился пиръ у убитаго оленя, всѣ отправились въ чумъ, гдѣ кипѣлъ уже котелъ и полусырое мясо, разрѣзанное на части, подносилось на деревянномъ блюдѣ почетнымъ гостямъ. Женихъ и невеста были тулы же. Женихъ, какъ и всѣ его братья, шилъ страшно водеку, заводилъ постоянныя драки и ни съ того, ни съ сего таскалъ своего сестѣ за волосы, а тотъ—его. Пиръ завершился общею потасовкой, гдѣ не обращалось вниманія ни на полъ, ни на возрастъ: пьяные цѣплялись другъ другу въ волосы, таскали одинъ другого но чуму, шли на кулаки, дрались костями—и все это, довершавшее пиръ и веселіе, происходило безъ всякаго повода. На другой день разыгрался второй актъ этой драмы, и все снѣжное поле передъ чумами было усыяно павшими героями и героинями предшествоваваго пира. Многие лежали безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись въ снѣгъ, и вѣтеръ намечывалъ надъ ними сугробы“. Вообще вкусная ѣда и вино—самыя высшія наслажденія для самоѣда. Рѣдко онъ выпадаетъ на долю

этого ничяго кочевника, но зато при первомъ случаѣ самоѣды стараются вознагра- дить себя сторипею за долгій постъ. Ди- кій человекъ обращается въ дынаго крово- жаднаго звѣря и бьетъ, и шьетъ до тѣхъ поръ, пока не повалятся съ ногъ. Затѣмъ наступаетъ голодовка — иногда на цѣлыя недѣли.

Экономическое положеніе самоѣдовъ не- завидно. Все ихъ богатство составляетъ олень: оленина — лучшее блюдо самоѣдовъ, изъ оленьихъ шкуръ онъ шьетъ себѣ одежду и строить чумы, оленьи шкуры служатъ ему и матрацами, и одѣялами, и кроватями, и т. п., — вообще жизнь самоѣда безъ оленя немнѣлима. Оленеводство имъ на-руку и потому, что не требуетъ никакихъ хлопотъ и позволяетъ предаваться столь любимой самоѣдомъ праз- дности. Олень всегда на подножномъ корму. Истребивъ весь мохъ въ данной мѣстности, олень самъ идетъ въ другую и самъ оты- скиваетъ себѣ путь. За оленемъ поневоля ташатся и хозяева, такъ что, въ действительности, олень кочуетъ по тундрѣ, увлекая за собою и самоѣдовъ. Рыболовство и звѣро- ловство у самоѣдовъ слабо развито и за эти промыслы они берутся только по нуждѣ, по бѣдности; если же у самоѣда оленей много, то онъ никогда ничѣмъ другимъ не про- мышляетъ. Но чтобы жить только оленемъ, самоѣдскому семейству нужно имѣть не ме- нѣе 50—60 оленей, потому что только при такомъ количествѣ годовой приплоду (25—30 телятъ) будетъ покрываться ежегодный расходъ оленей. Мы беремъ здѣсь даже исключительно благопріятныя условія, не принимая въ расчетъ гибели оленей отъ болѣзней и волковъ, и беря среднюю семью самоѣда въ 4—5 душъ. Въ действительности, для безбѣдной жизни самоѣду нужно имѣть 80—100 оленей. Но такихъ богачей среди самоѣдовъ очень мало. Правда, статистика не даетъ здѣсь полныхъ свѣдѣній, но и дан- ные относительно 686 семействъ очень лю- бопытны. Оказывается, что изъ 686—одна семья владѣетъ стадомъ до 6,000 головъ *), 8 имѣютъ отъ 1,000—2,000 головъ, 19—отъ 500 до 1,000, 94—отъ 100 до 500;—всѣ эти 122 семьи (18%) могутъ быть назва- ны зажиточными, затѣмъ 125 семействъ (18%) насчитываютъ у себя отъ 50 до 100 оленей и, такимъ образомъ, еле-еле сводятъ концы съ концами. Остальные 439 семействъ (64%) владѣющія въ общей сложности 11,300 оленями или по 26 оленей въ среднемъ на семью, уже бѣдняки, которые, чтобы не по- мереть съ голоду, должны идти въ батраки къ своимъ богачамъ, или наниматься пасту- хами къ зырянамъ-оленеводамъ, или у тѣхъ же зырянъ и русскихъ купцовъ состоятъ по-

кученниками по ловлѣ рыбы и морского звѣря. Говорятъ, прежде, когда самоѣды вла- дѣли болѣе обширными землями, когда жить уединенно, не соприкасаясь съ русскими и зырянками, онъ былъ богаче. Но несчаст- ная торговля и плутня зырянъ и русскихъ постепенно низвели самоѣдовъ до настоя- щаго нищенства. Подтвержденіе этого не- ластнаго слуха мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Еще Іоаннъ IV грамотою отъ 15 апрѣля 1545 г. запрещалъ русскимъ и зырянамъ отнимать у самоѣдовъ занятые ими про- мысловые дунеты и приказывалъ предоста- вить Канинскимъ и Тиманскимъ самоѣдамъ рыбныя ловли и звѣриныя урочища „по старинѣ“. Стало быть, еще тогда самоѣдовъ обижали... Изъ позднѣйшихъ официальныхъ данныхъ укажемъ на Высочайше утверж- денный 18 апрѣля 1835 г. уставъ объ управ- леніи самоѣдами. По этому уставу, для предохраненія самоѣдовъ отъ официально при- занной эксплуатаціи, запрещено заключать условіе найма съ самоѣдами на срокъ болѣе одного года; расчеты должны производиться ежегодно, при чемъ, если окажется, что ра- ботникъ остался долженъ хозяину болѣе 5 р., то долгъ его считается возникшимъ „безъ дозволенія начальства“ и не подле- жать никакому иску. Въ последнее время (съ 1895 г.) сдѣланы почти скунки у самоѣдовъ добытаго ими чиновниками по уста- новленной цѣнѣ, безъ посредства русскихъ и зырянскихъ перекупщиковъ. Онытъ влоявъ удался и самоѣды получили въ 10 разъ больше прибыли. Тѣмъ не менѣе самоѣды бѣднѣютъ и вымираютъ ежегодно. Отоди- нутые въ глухую тундру, удаленные отъ всѣхъ многоводныхъ рѣкъ—путей сообщенія въ край, они предоставлены своимъ соб- ственнымъ—слабымъ и неразумнымъ—си- ламъ и мрутъ отъ голода, отъ осы, отъ пагубнаго пристрастія къ пьянству, отъ соб- ственной полной безпечности.

Самоѣды доселѣ удержали у себя родо- вой бытъ. Каждый родъ кочуетъ отдѣльно. и вся тундра подѣлена на отдѣльныя родо- выя пастбища. Отдѣльныя семьи живутъ въ чумахъ—конусообразныхъ шатрахъ изъ олене- ныхъ шкуръ, надѣтыхъ на колья. Посреди чума находится желѣзный листъ, служащій очагомъ; позади него, противъ входа—„си- некуй“—священное мѣсто, черезъ которо: не можетъ переступить инька и гдѣ собраны всѣ драгоценности: деревянные божки, наи- болѣе вкусные куски мяса и т. п. На обя- занности самоѣда лежать пастба оленей, въ чекъ ему весьма много помогають собаки, охота и рыбные промыслы, если въ нихъ нуждается самоѣдское семейство. Всѣ осталь- ныя сложныя хозяйскія заботы— пригото-

*) Этотъ самоѣдскій Крезъ кочуетъ за р. Печорую.

ТИПЫ СЪВЕРНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Самоѣды.—Якуты.—Чукчи.—Лопари.—Гиляки.

вить пищу, принести дровъ и воды, устроить и снять чумъ при вочевкахъ, обдѣлывать кожу, обшивать всю семью и т. п.—лежать на ивкѣ. И несмотря на это, женщина не пользуется у самоѣдовъ никакимъ уваженіемъ. Она — существо низменное, нечистое, не можетъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ, есть жертвеннаго мяса; при першествахъ ей достаются только объѣдки. Самоѣдъ бьетъ и тиранитъ свою ивьку безъ всякаго повода, хотя въ общемъ женщина-самоѣдка много симпатичнѣй своего дикаго повелителя.

Невесело въ темномъ сирадномъ чумѣ. Прикорнувъ у очага, ивья все время за работой: то чинитъ малиду, то сучитъ изъ

оленьихъ жилъ нитки, то варитъ пищу. Голые, грязныя ребятишки толкуся по-полу вьѣствъ съ маленькими сѣверными шавками. Хозяинъ лежитъ тутъ же, лѣживо жуя курительный табакъ. Иногда со скуки хозяинъ встаетъ, молча даетъ потасовку ребятишкамъ, причемъ поадаетъ и ивкѣ, и снова ложится, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не беспокоясь. И такъ, вся жизнь, безъ мысли, въ чадѣ, въ грязи, подъ хмурыми сѣвернымъ небомъ... Мы отказываемся понять прелести такой жизни, но самоѣдъ съ ней свыкса и такъ ее полюбливъ, что лучшей не желаетъ, и всё усилія устроить этихъ дикарей по-культурнѣе пока не увѣнчались успѣхомъ.

На югъ и юго-востокъ отъ самоѣдовъ, въ Печорскомъ краѣ, Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ Вологодской губ., живетъ многочисленное племя зырянъ (до 35,000 чел.), составляющихъ такъ называемую пермскую или пармскую вѣтвь финновъ. Съ незапамятныхъ временъ народы финскаго племени двинулись съ отроговъ Алтая въ Европу и расселились по всей сѣверной и средней Россіи. Пришедшіе значительно позже славяне вступили въ ожесточенную борьбу съ финнами, отодвинули ихъ далеко на сѣверъ истребили нѣкоторыя племена въ конецъ (Чудь, Мурома, Меря и др.) и, наконецъ, въ движеніи къ Бѣлому морю, отдѣлили западныхъ финновъ отъ восточныхъ. По лѣтописнымъ сказаніямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя теперь занимаютъ зыряне, въ древнія времена жили народы—Пермь, Югра, Печора и Самоядь, при чемъ лѣтописцы различаютъ Пермь Вычегодскую отъ Перми Великой—прикамской. Замѣчательно, что названіе «Зырянъ» встрѣчается слишкомъ поздно, не ранѣе конца XVI в., и то въ первое время весьма часто писали «сыряне» а не «зыряне». Окончательно установилось названіе «зыряне» только во-второй половинѣ XVII в. Но несомнѣнно, что это племя жило на Вычегдѣ съ отдаленныхъ поръ и, слѣдовательно, раньше было извѣстно русскимъ подъ другимъ названіемъ. Большинство изслѣдователей (Шегренъ, Саввалтовъ, Шестаковъ, арх. Макарій и др.) пришли къ заключенію, что древній лѣтописный народъ «Пермь» и Зыряне—одно и то же племя и что даже названія Пермь и сыряне (зыряне)—однозначущи *).

О древней жизни Перми-Вычегодской почти ничего неизвѣстно. Поселившись въ дремучихъ лѣсахъ, зыряне вели дикій образъ жизни, занимаея охотою и рыбною ловлею. По лѣсамъ ставили они себѣ идоловъ, которымъ приносили жертвы. Шаманы были

у нихъ даже въ XV вѣкѣ. О нравственной жизни зырянъ ходили недобрыя вѣсти. „Весь сѣверъ,—пишетъ лѣтописецъ,—одинъ обычай имѣша, живаша въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто, браци не бываша въ нихъ, но схожахусь на играща — и ту умыкаху

*) По мнѣнію укваненныхъ изслѣдователей „пермь“ происходитъ отъ финскаго слова рѣйтма“—окраина, а „сыряне“ отъ финскаго „сутиа“—край, и такимъ образомъ оба названія указываютъ на народъ, живущій на окраинѣ финской земли. Г. Лыткинъ придаетъ слову „парма“—пермь значеніе плоскогорья („зырянскій край“, 1889, стр. 18—20). Сами себя зыряне называютъ „коми“, при чемъ говорятъ „коми-войтырь“, когда рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, и коми-мортъ“, если говорится объ отдѣльномъ человѣкѣ.

собѣ жены“. Рано познакомились зыряне съ русскими: они жили какъ разъ на пути новгородскихъ ушкуйниковъ, ходившихъ на Вятку и Пермь. У новгородцевъ зыряне вымѣнивали свои мѣха и рыбу на хлѣбъ и другіе продукты; отъ нихъ они издревле научились русскому языку, такъ что въ Москвѣ сердились, когда въ XIV в. св. Стефанъ Пермскій изобрѣлъ зырянскую азбуку и сталъ переводить книги съ русскаго языка на зырянскій: „почто сотворени суть книги пермскія, или что ради составлена бысть азбука пермскія грамоты?.. Достояше паче русскаго, готова суци грамота, юже предати иль и научити я“ *). Сближеніе съ русскими шло постепенно и прочно. Уже въ XIV—XV вв. все зыряне приняли православіе. Зыряне переняли русскіе обычаи и порядки, по русскому образцу строятъ себѣ избы, переняли русскія лѣсныя, говорятъ (кромя зырянокъ) бойкимъ русскимъ языкомъ, встрѣчаются, какъ торговцы, мѣшовщики и покупатели, на всѣхъ ярмаркахъ сѣвера, заключаютъ браки съ русскими—и только одинъ финскій складъ лица свидѣтельствуеетъ объ ихъ происхожденіи. Дѣло „обрусенія“ пустило въ этомъ племени глубокие корни, можно сказать — оно совершилось.

Энергичное и бойкое племя это живетъ значительно зажиточнѣе многихъ своихъ финскихъ сородичей, а также и русскихъ. Впрочемъ, въ экономическомъ отношеніи рѣзко отличаются зыряне-оленеводы (архангельскіе) и зыряне-звѣроловы (вологдскіе). Въ Архангельской губ. зыряне живутъ въ 4 волостяхъ: Красноборской, Кедзавомской, Усть-Кожневской и, главнымъ образомъ, Мохченской, расположенной по р. Ижмѣ, отчего и зыряно этой волости извѣстны подъ именемъ „ижмечевъ“. „Ижемцы“... при одномъ этомъ словѣ у архангельскихъ жителей является предствленіе о чловѣкѣ бойкомъ, изворотливомъ, съ которымъ нужно держать ухо востро, богатымъ, пронырливомъ, извѣстномъ своею оборотливостію и сутяжничествомъ. Пойдите на быструю, каменистую р. Ижму — и вы будете поражены богатствомъ и многолюдствомъ тамошнихъ селъ—Ижмы, Мохчи, Сязьбоскаго и др. Дружбѣтажные дома, золотые купола церквей, яркіе обои въ комнатахъ, большіе кованные сундуки, сапогары, лавки, въ которыхъ найдете даже хересъ—Пермскаго или казанскаго приготоленія — все свидѣтельствуеетъ объ избыткахъ и довольствѣ мѣстныхъ жителей. И ксудруно: на Мохченскую волость, съ ея 12-тысячнымъ зырянскимъ населеніемъ, приходится 80% всѣхъ оленей Печорскаго уѣзда. Откуда такое богатство? Ходитъ недобрый слухъ, что ижемцы разжились неправеднымъ путемъ. Поселив-

шись рядомъ съ самоѣдами, ижемцы тотчасъ замѣтили, какой это простой, падкій до водки народъ. И вотъ, по доброму сосѣдству, стали ижемцы навѣщать самоѣдскую тундру, заглядывать въ чумы, угощать самоѣдовъ водкой и выгодно обмѣнивать свои малоцѣнные товары на стада самоѣдскихъ оленей. Пили самоѣды, дурѣли отъ водки—и отдавали за ничто свои стада, раззорялись въ прахъ и шли къ своимъ благодѣтелямъ искать помощи отъ голодной смерти. И нечего грѣшиться—зыряне помощь давали: все пастухи у ижемцевъ изъ ихъ добрыхъ сосѣдей — самоѣдовъ. Но если самоѣды держали у себя стада оленей только для собственного прокормленія, оборотливые ижемцы посматрѣли на оленеводство, какъ на удобнѣйшій для сѣвера и выгодный промыселъ. Олень, кромя присмотра, не требуетъ для себя ничего. Онъ круглый годъ на подвожномъ корму.

Сосѣдняя тундра — неистощимый запасъ продовольствія для него. А между тѣмъ на самый худой конецъ убитый олень приноситъ 6 руб. прибыли. Такимъ образомъ, оленью стадо, напр., въ 500 головъ можетъ приносить своему хозяину, безъ всякихъ хлопотъ послѣдняго, до 500 р. въ годъ, насколько не убывая въ своемъ числѣ. Въ самомъ дѣлѣ, естественный приплодъ въ оленьемъ стадѣ ежегодно составляетъ около 1/5 части этого стада. Стало-быть, ежегодно, безъ ущерба для стада, можно убивать 1/5 его часть, т. е. 100 оленей для нашего примѣра—стада въ 500 головъ. 100 убитыхъ оленей стоятъ не менѣе 600 р. Отчисляя отсюда 100 р. пастуху п за убой, хозяину остается 500 р. чистой прибыли. Олени среди ижемцевъ распределены значительно равномерно, чѣмъ среди самоѣдовъ. Правда, точныхъ цифръ на этотъ предметъ не имѣется. Но собранныя данныя относительно 739 зырянъ-оленеводовъ даютъ слѣдующую таблицу, которую мы приводимъ, для лучшаго сличенія, въ такомъ-же видѣ, какъ привели для самоѣдовъ: 1 зырянинъ владѣетъ 4000 оленями, 36 имѣютъ отъ 1000 до 2000 оленей, 82—отъ 500 до 1000, 245 — отъ 100 до 500, 129 — отъ 50 до 100 и 246 семействъ имѣютъ не менѣе 50 оленей на каждую семью. Считаю, примѣнительно къ самоѣдамъ, владѣтелей стадъ свыше 100 головъ зажиточными (такъ какъ зыряне занимаются и другими промыслами кромя оленеводства), мы получимъ таковыхъ 364 семейства—49%, вмѣсто 18% у самоѣдовъ; въ то же время бѣдниковъ, имѣющихъ менѣе 50 оленей, у ижемцевъ насчитывается 246 семействъ или 33%, противъ 64% бѣдниковъ самоѣдовъ. Такимъ образомъ, ижемцы болѣе чѣмъ вдвое богаче своихъ ближайшихъ сосѣдей-

*) И. Соколовъ — „Св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ“, Спб., 1896 г., стр. 41.

самоёдовъ, несмотря на то, что живутъ подъ однимъ небомъ, на одной и той-же тундрѣ.

Когда-то и зырянъ-звѣроловы могли потягаться своими богатствами съ ижемцами. Промыселъ бѣлѣй и пушного звѣря, при энергичи зырянь, устраняющей всякое посредство въ сбытѣ товара, приносилъ имъ большіе барыши. Но дорогія породы звѣря перевелись, а бѣлка бываетъ не каждый годъ и все болѣе и болѣе уходитъ за Уралъ въ Сибирскую тайгу. А тутъ на бѣду развилось лѣсное дѣло: понастроили на берегахъ рѣкъ лѣсопильные заводы, стали истреблять лѣса по рѣкамъ—единственнымъ путямъ сообщенія въ край. Пришлось звѣролову забираться въ глушь лѣсовъ, въ самую тайболу, далеко отъ рынковъ, отъ пути-дороги. И обдѣлывъ звѣроловъ. И чѣмъ дальше идти въ глубь лѣсовъ, на берега пустынной Печоры, тѣмъ бѣднѣе становится Пермь-Вычегодская. Жалкія, курныя избенки погнили и покривились;

маленькія окна съ осколками стеколъ; глинобитная печь; черныя отъ копоти и грязи лавки со столомъ, самой грубой работы; обдаётъ холодомъ, сыростью, гнилью... А какъ жалко выглядятъ бѣдные обитатели этихъ жилищъ, какъ болѣзненно-хилы ихъ старики, какъ бѣдны и валы ихъ дѣтѣ! Да и немудрено—особенно, если посмотрѣть, что они ѣдятъ. Хлѣбъ ржаной или ячменный печется больше изъ мякины, чѣмъ изъ настоящей муки, но они довольны когда есть и этотъ хлѣбъ; а то часто случается, что его нѣтъ, надо готовить себѣ такъ называемый „голодный хлѣбецъ“. Высушатъ листья рабины или кору какую-нибудь, смелютъ, смѣшавъ съ мякиной и молокомъ, кое-какъ слѣпятъ лепенку,—вотъ вамъ и „голодный хлѣбецъ!“ (А. Ефименко, „Зыряне“). Но въ дикомъ Печорскомъ край, какъ мы видѣли, и русское населеніе живетъ далеко не лучше зырянъ.

Лопари, небольшое финское племя, родственное самоёдамъ, въ древность жили рядомъ съ послѣдними, но еще въ X—XII вѣкахъ новгородскими ходами были оттѣснены на дальній сѣверо-западъ. Въ настоящее время они живутъ на сѣверѣ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи, а также на Кольскомъ полуостровѣ. Въ предѣлахъ Россіи ихъ насчитываютъ до 2,000 душъ.

Окруженные съ давнихъ поръ болѣе культурными народами (шведами, норвежцами и русскими), съ которыми имъ постоянно приходилось имѣть сношенія, лопари въ значительной степени утратили первобытную дикость кочевника. Мало того,—это маленькое мирное племя имѣетъ много симпатичныхъ чертъ въ своемъ характерѣ. Такъ, семейная жизнь лопаря прямо-таки идеальна. Вся домашняя работа распределяется равномерно между супругами. Отношенія лопаря къ своей женѣ—рыцарски вѣжны. Онъ не только никогда не позволитъ себѣ ударить свою жену, но даже сказать ей бранное слово считается великимъ безчестіемъ. Когда лопаря чѣмъ-нибудь угощаютъ, онъ прежде всего предлагаетъ своей женѣ, а потомъ уже ѣстъ самъ; если случится любима лопарю водка,—первая чарка выпивается женой, которой и вообще лопарь называетъ столько разъ, сколько и себѣ. О супружеской невѣрности среди лопарей не слышно; дѣвушки-лопари крайне стыдливы и цѣломудренны. Сифилисъ—общій знакомый среди русскихъ поморовъ—у лопарей неизвестенъ. У лопарей также очень развита взаимопомощь. Рѣдко можно встрѣтить только одну семью; но гораздо чаще здѣсь-же, въ одной тундрѣ, живутъ и бѣдные родственники со своими семьями. У ло-

парей нѣтъ нищихъ. Кто разорится,—преспokoинo отправляется къ своему родственнику, и это не считается униженіемъ. На неизмучаго не смотрятъ какъ на парю, не помыкаютъ имъ, но онъ считается вполне равноправнымъ членомъ семьи. Вообще въ характерѣ этого народа много деликатности. „Такъ, напр.,—пишетъ В. Н. Немировичъ-Данченко,—одинъ лопарь рассказывалъ мнѣ, что русскіе зимою, какъ саранча, налетаютъ на ихъ погосты“. „Одинъ изъ кандалактанъ, жаловался лопарь, на моихъ глазахъ унесъ у меня три оленьихъ шкуры“.

— Что-жъ ты не остановилъ его?

— Стыдно было. Скажешь ему—все равно, что воромъ назовешь. Нехорошо это, вѣдь, обидно“... („Въ пустыняхъ“).

Честность лопарей въ прежнее время была вполне безупречна*). Уходя съ Мурманскихъ промысловъ, русскіе промышленники оставляютъ всё свои снасти на попеченіи лопарей и всегда увѣрены, что лопарь скорее жизнь свою положитъ, чѣмъ дозволитъ что-либо стянуть норвежскимъ пиратамъ. Лопарь—великій идеалистъ сѣверной природы и своей привольной кочевой жизни. Когда одного богача-лопаря прельщали городское жительство и говорили, что съ своимъ капиталомъ онъ можетъ устроиться гораздо ком-

*) Въ послѣднее время и у нихъ появились случаи кражи оленей.

фортабельнѣе и съ большими удобствами, — получили неожиданной, приблизительно слѣдующей отвѣтъ: „Что можетъ быть лучше свободы, шири въ тундрѣ и шума въ лѣсахъ, жизни въ незамѣнной вѣжѣ или тупѣ? Что можетъ быть пріятнѣе и здоровѣе ежедневной пищи изъ свѣжей вкусной рыбы? Что можетъ быть веселѣе той ровной погоды, когда по гладкой свѣговой равнинѣ вихремъ несешья въ своей веревкѣ, запряженной четверкой сильныхъ оленей, къ своей тупѣ, къ родной семьѣ? Нѣтъ, мы не сравнимъ нашу привольную жизнь съ приневолюю жизнью въ вашихъ городахъ! Намъ вѣжа и тупа —лучше всякой вашей каменной темницы-дома! Всѣ дѣла у лопарей рѣшаются сообща, на суймахъ (сеймахъ), гдѣ всѣ члены равноправны. Если къ этому прибавите милое простодушіе, общее у всѣхъ дикарей, обычное радушіе и гостеприимство, безхитрость характера, если вспомните, что эти дикари еще съ XVI в. христіане, — частію протестанты, частію православные, — что это племя мирнѣйшее изъ всѣхъ, такъ что даже при встрѣчахъ лопарь обмѣнивается евангельской фразой: „миръ тебѣ“, — то, не правда-ли, получите весьма хорошее впечатлѣніе отъ этого симпатичнаго сѣвернаго дикаря?

По наружному виду лопарь, впрочемъ, далеко не такъ красивъ, какъ по своему духовному складу. Низкаго роста блондинъ съ жидкой бородой клиномъ, съ клинообразной шалкой на головѣ, увѣнчанной кисточкой, съ узкими глазами и смѣющейся физиономіей, — лопарь очень похожъ на гнома, какъ его изображаютъ на картинкахъ. Лопарки, правда, красивѣе; между ними попадаются даже красавицы. Всѣ лопари понимаютъ по-русски и отчасти говорятъ на этомъ языкѣ. Главнымъ ихъ промысломъ служитъ оленеводство, но они, какъ и самоѣды, мало заботятся о своихъ стадахъ и потому не развили этого промысла до тѣхъ размѣровъ, до какихъ позволяютъ мѣстныя условія. У всѣхъ русскихъ лопарей въ настоящее время официально насчитывается до 25,000 оленей. Вълѣдствіе оленеводства лопари по-неволѣ кочевники. Зимой со своими стадами они удаляются въ глубь Кольскаго полуострова, гдѣ по-ближе къ лѣсу, на берегу безвѣстныхъ озеръ, построены ихъ „тупы“ — бревенчатые срубы (2×2½ саж.), съ односкатной крышей, съ маленькими отверстіями для свѣта

и выхода дыма. Лѣтомъ, спасаясь отъ комаровъ и оводовъ, олень бѣжитъ или къ океану, или скрывается на вершинахъ Хибинскихъ горъ. Соответственно съ этимъ лопари переселяются или на берега Ледовитаго моря, или ставятъ свои „вѣжи“ — лѣтнія жилища, похожія на самоѣдскіе чумы, только покрытыя вѣсто оленьей шкуры берестой и корой, — ставятъ эти вѣжи на берегахъ быстрыхъ горныхъ рѣчекъ или ручьевъ. Лѣтомъ главнымъ занятіемъ лопарей служитъ рыболовство. Оленямъ предоставляется полная свобода пастись, гдѣ угодно, и плодиться съ безъ всякаго присмотра; только, отпуская своихъ оленей на волю, каждый хозяинъ отмѣчаетъ ихъ особымъ знакомъ. За то сколькихъ трудовъ стоитъ лопарю собрать по осени свое стадо! Иногда приходится дѣлать сотни верстъ и, конечно, всегда бываетъ, что всѣхъ оленей не разыщешь. Многие олени на свободѣ дичаютъ и уходятъ въ глубь лѣсовъ; другіе прибываются къ чужому стаду. Разумѣется, при такомъ веденіи дѣла оленеводство приноситъ лопарямъ мало выгоды *). Чтобы поправить свои финансы, лопари нанимаются въ сторожевые мурманскихъ становищъ, развозятъ промышленниковъ на своихъ керешкахъ по становищамъ, доставляютъ по зимнему пути рыбу на Шунгскую ярмарку (въ Олоонецкой губ.). Но всѣ эти побочные промыслы мало приносятъ имъ пользы, такъ какъ всѣ полученные деньги быстро переходятъ въ чужой карманъ. У лопарей есть „друзья“, которые зорко слѣдятъ за лопарскими капиталами. Друзья эти — норвежцы-контрабандисты, настоящіе „волки пустыни“. Пользуясь почти полнымъ отсутствіемъ всякаго присмотра въ краѣ, норвежцы свободно переѣзжаютъ границу и наполняютъ весь Кольскій полуостровъ сѣвернымъ „норвежскимъ ромомъ“. Съ лѣтними рѣчками входитъ норвежецъ въ каждую тупу — и недешево обходится лопарю каждый „анкерокъ“ (боченокъ) рому. Вѣднѣя и сиваясь ежегодно, лопарское племя, по крайней мѣрѣ — на русской территоріи, постепенно уменьшается въ числѣ, отчасти ассимилируясь съ русскими и финнами, но главнымъ образомъ вымирая вълѣдствіе тяжелыхъ условій жизни. И недалеко, кажется, то время, когда объ этомъ симпатичномъ племени останутся одни только, и то далекія, смутныя воспоминанія.

Многочисленное племя кореловъ живетъ не въ одномъ Сѣверномъ краѣ. Весь сѣверо-востокъ Финляндіи населенъ ими; они составляютъ преобладающее

* Чтобы упрочить оленеводство на Кольскомъ полуостровѣ, сюда недавно переселили нѣсколько зырянскихъ семействъ. Зыряне живо обзавелись стадами и владѣютъ уже 5,000 оленями. Но не случится-ли съ лопарями того-же, что съ самоѣдами?

население в северной части Олонецкой губ., попадают в Новгородской, Тверской и нѣк. др. губерніяхъ. Поэтому здѣсь мы ограничимся лишь очеркомъ экономическаго положенія архангельскихъ кореловъ.

Говорятъ, еще не такъ давно эти корелы жили привольно: имѣли свой хлѣбъ, отправляли много дичи, были разносчиками товара во всей восточной Финляндіи, занимались извозомъ и т. п. Каждая семья ежедневно пила кофе—любимый напитокъ кореляковъ, заимствованный ими у финляндцевъ. Теперь не то: не только о ежедневномъ кофе, но даже о чистомъ хлѣбѣ на цѣлый годъ не можетъ быть рѣчи. И не пьянствуетъ этотъ народъ: трезвые сосѣди—финляндцы отрезвили и кореляковъ; во всей Корелии нѣтъ почти ни одного кабака. Причина этого печальнаго явленія заключается въ новыхъ измѣненіяхъ условий жизни корель,—и все это застало кореляка врасплохъ; онъ до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ новому положенію и бѣдствуетъ, бѣдствуетъ безъ конца. Въ старые годы, бывало, каждый корелякъ выберетъ лѣсную полянку, повалить молодой лиственный лѣсокъ, сложить его въ громадные костры и запалить „палы“. На очищенномъ лугу, часто даже безъ пахоты, засеетъ рожь—и она приноситъ ему даже въ такомъ суровомъ климатѣ самъ 40. Недолго въчна такая производительность корельской нивы, но корель не унываетъ: черезъ 2—3 года онъ палитъ палы уже въ другомъ мѣстѣ. Что ему за дѣло, что уничтожается молодая поросль? Лѣса много, земли у него вволю,—пали не жалуютъ. Но съ изданіемъ лѣсоохранительнаго закона, запрещена подсѣчная система хлѣбопашества, — и корель остался безъ хлѣба. Вологитая, сырая почва ничего не родитъ безъ сильнаго удобренія, а удобренія у кореля нѣтъ. Трудится—трудится онъ теперь по новому на своемъ отмежеванномъ полѣ—и иногда едва собираетъ сѣмена, а урожай самъ 3 считается богатымъ. И стало корелу хватать своего хлѣба на 2—3 мѣсяца, а дальше... дальше переходитъ на кору, смѣшанную съ мякиной и картофелемъ.—Значительнымъ источникомъ доходовъ для ко-

реляка являлась охота на птицъ, такъ что онъ былъ въ свое время почти единственнымъ поставщикомъ для Петербурга рябчиковъ, тетеревовъ, куропатокъ и прочей дичи. Но и на птицъ вышелъ законъ: указали время, когда ихъ ловить слѣдуетъ, запретили всякіе обманные силки, велѣли стрѣлять изъ ружей. А ружей-то у кореляковъ и нѣтъ почти,—такъ, кремневая винтовка какая-то, почему корелякъ изъ всѣхъ звѣрей только на бѣлку ходилъ. И здѣсь промиселъ палъ, денегъ не стало.—Въ Финляндію коробейниками ходили—прибыльно было. Еще въ недавнія времена сѣверо-востокъ Финляндіи былъ глухимъ краемъ: ни путей, ни дорогъ, ни лавокъ, ни ярмарокъ; и коробейникъ-корель былъ желаннымъ гостемъ. Но быстро идетъ Финляндія по пути прогресса, — куда корелямъ угнаться за ней! На нашихъ глазахъ желѣзныя дороги изрѣзали Финляндію изъ конца въ конецъ, пороги расчистили, прорыли каналы. И вмѣсто дешевой ярославской мануфактуры появился заграничный товаръ. Рѣдко теперь можно встрѣтить въ Финляндіи село, не имѣющее у себя лавки: а тутъ еще развились потребительныя общества, и барыши коробейниковъ-кореляковъ значительно упали. А тутъ еще вышелъ таможенный уставъ, котораго корель въ толкъ не возьметъ, почему всегда является контрабандистомъ—и вмѣсто прибыльной торговли у него нѣрѣдко конфискуютъ весь товаръ. И обидѣлъ корель. Войдите въ любую избу: нищета крайняя. Темно, сыро, грязно, холодно. Желѣзный котелокъ, деревянныя тарелки, крички для молока изъ бересты, столъ топорной работы, да двѣ лавки, да нѣсколько обрубковъ дерева вмѣсто стульевъ,—вотъ и всѣ хозяйственные принадлежности, вся мебель. Питается онъ рыбой, картофелемъ, рѣпой да хлѣбомъ указанного достоинства. И до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ новымъ условіямъ жизни.

Всѣхъ кореловъ насчитывается въ Архангельской губерніи больше 22,000. Въ старину ихъ поселки заходили значительно дальше—до Онежской и даже Двинской губы. До сихъ поръ береговая полоса Бѣлаго моря въ Кемскомъ уѣздѣ зовется Корельскимъ берегомъ;—одинъ изъ рукавовъ Сѣверной Двины въ простонародѣ называется Корельскимъ, у этого-же рукава, на берегу моря, и понышъ стоитъ Никольскій Корельскій монастырь, основанный въ 1410 г. Рано столкнулись корелы съ русскими и частію смѣшались съ ними (въ Архангельской губ. довольно распространена фамилія—Корельскій), частію отодвинулись подальше на

востокъ въ глубину лѣсовъ и болотъ. Корелы большею частію православныя, но есть и протестанты; говорятъ на одномъ изъ нарѣчій финскаго языка и только немногіе объясняются по-русски.

Мы перечислили теперь всѣхъ главныхъ представителей русскаго сѣвера и невольно обращаемся мыслію назадъ, къ началу нашего очерка. Мелькаютъ листы, встаютъ описанныя картины. Такъ вотъ онъ—этотъ Сѣверный край, дикій и забытый, бѣдный и богатый! Бѣдность, нищета, дикость населенія все больше и чаще мелькаютъ предъ глазами; рѣдко встрѣчаются веселыя картины. И невыносимо жаль этотъ народъ, въ сущности—здоровый, крѣпкій, русскій народъ,—этихъ лѣсныхъ полудикарей,—этихъ жалкихъ кочевниковъ тундры, заброшенныхъ въ забытую всѣми пустыню. И въ то же время мы видимъ всюду, что пустыня эта своеобразно богата, очень богата, можетъ прокормить не 360,000, а втрое больше народа. Океанъ и Бѣлое море—золотое дно по количеству рыбы и морскаго звѣря. Далекая Печора, острова Колгуевъ, Вайгачъ и Новая Земля изобилуютъ пушнымъ звѣремъ. Мертвая тундра даетъ пропитаніе миллиону оленей и привлекаетъ весною и лѣтомъ громадныя стаи сѣдобной перелетной птицы. Минеральныя богатства разсыпаны щедрой рукой тамъ и здѣсь. Могучія и маленькія рѣки кишатъ вкусной, жирной рыбою. А лѣса?... Могучей силой захватили они десятки миллионовъ десятинъ, стоятъ крѣпкой стѣной отъ Финляндіи до склоновъ Урала, гордо поднимаютъ вершины свои къ холодному сѣверному небу. Какое богатство заключено въ нихъ, при почти повсюду обнаруживающемся исчезновеніи древнихъ дремучихъ лѣсовъ,—какое неизсякаемое богатство при правильной эксплуатаціи и рациональномъ уходѣ и надзорѣ надъ нимъ!.. И между тѣмъ кругомъ—бѣдность, нищета, разгульное пьянство, вымираніе... Только въ такихъ странахъ такъ сильно чувствуется могучая сила знанія, разума, культуры, всѣхъ усовершенствованій, до какихъ дошло цивилизованное человѣчество; только при такихъ условіяхъ живо ощущается, что не одна природа, не одніе человѣческія силы, не подкрѣпленныя наукой, создаютъ благоденствіе человѣка, а та культура «гнилого» Запада, надъ которой у насъ, къ несчастію, и доселѣ нѣкоторые позволяютъ себѣ глумиться...

Шумить грозный Ледовитый океанъ, вздымая высокія волны. Съ дикимъ крикомъ несутся вокругъ стаи чаекъ. Съ глухимъ гуломъ разбиваются ледяныя горы, съ яростью и рокотомъ набѣгаютъ валы за валами на гранитныя скалы Мурмана... И чудится въ этомъ адскомъ шумѣ то обрывокъ пѣсни разудалаго подгулявшаго промышленника, то стонъ безвѣстно погибающаго покрученника, то дикій вой голодной стаи волковъ... Подымается съ сѣвера сильный вѣтеръ, разыгрывается по тундрѣ снѣжная пурга. Шелеститъ вѣтеръ листьями березъ и осинъ и всякихъ другихъ лиственныхъ породъ, — и сквозь этотъ шелестъ какъ будто-бы слышится робкая жалоба самоѣда, гнѣтущая бѣдность заброшеннаго лѣснаго и болотнаго люда... Но вотъ выше и выше восходитъ вѣтеръ—и загу-

дѣли могучія вершины соснового бора. И чудится: будто качая своими главами, онѣ возвѣщаютъ иную судьбу; будто хотятъ возвѣстить всему краю близкій конецъ вѣковѣчнымъ бѣдамъ. Шепчутъ онѣ: «потерпи, подожди! Даромъ ничто не дается: судьба жертвъ искупительныхъ просить...»

ФИНЛЯНДІЯ.

Финляндія (по-фински Suomi или Suomenmaa—«Земля озеръ») занимаетъ сѣверо-западную часть Европейской Россіи. Съ Запада она ограничивается Ботническимъ заливомъ Балтійскаго моря, а съ юга и юго-востока—Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. На сѣверо-западѣ страна граничитъ съ Норвегією рѣками Муonio и Тана, на востокъ же она не имѣетъ болѣе или менѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ границъ, переходя въ область Кольскаго полуострова (на сѣверо-востокѣ) и Олонецкой губерніи (на востокѣ); въ сѣверной своей части Финляндія почти подходитъ къ Ледовитому океану. Къ Финляндіи принадлежатъ и Аландскіе острова съ единственнымъ городомъ Маріехамномъ.

Благодаря своему геологическому прошлому *), Финляндія по рельефу и строенію поверхности представляетъ весьма своеобразную страну. Отсутствіе наносныхъ формаций, обиліе озеръ, гранитныхъ обломковъ, скалъ и валуновъ разсыпанныхъ по ея поверхности, сообщаетъ ей особенный отпечатокъ, отличающій ее даже отъ родственнаго ей Скандинавскаго полуострова. Здѣсь все, начиная съ всюду разбросанныхъ скалъ и каменныхъ глыбъ, и кончая озерами, рѣками и общимъ рельефомъ поверхности,—носитъ на себѣ ясныя слѣды бывшаго здѣсь нѣкогда ледниковаго періода.

Представляя собою одинъ изъ пунктовъ суши на территоріи Европейской Россіи, наиболѣе древній по своему существованію, Финляндія, несмотря на обиліе горъ и холмовъ, должна быть въ общемъ названа скорѣе низменностью, чѣмъ возвышенностью. Горы ея нигдѣ не достигаютъ болѣе или менѣе значительной высоты. Собственно горную дѣльцу можно указать только развѣ на сѣверо-западѣ страны. Здѣсь отъ высокихъ горныхъ кряжей на границѣ Норвегіи и Финляндіи тянется хребетъ Мансельке **), который, постепенно понижаясь къ югу, идетъ внутрь страны параллельно Ботническому заливу, отдѣляя отъ себя нѣсколько отроговъ (Финляндскія горы и Олонецкія), тоже незначительныхъ по высотѣ, и являясь какъ бы слиннымъ хребтомъ страны. Большая же часть ея поверхности представляетъ холмистую равнину съ покатостью къ Ботническому и Финскому заливу и съ раковинообразнымъ углубленіемъ посрединѣ.

*) См. Общій очеркъ.

**) Высшая точка его—Паластунтури, 425 саж.

Исследования показывают, что почва Финляндии постоянно поднимается; поднятие это совершается весьма медленно, от 2 до 6 футовъ въ столѣтїе, и на сѣверѣ замѣчается въ большей степени, чѣмъ въ южной части Финляндии; особенно ясно сказывается оно въ постепенномъ отступаніи береговой линіи въ мѣстностяхъ съ отлогими берегами.

Если процессъ этотъ будетъ продолжаться и далѣе съ такою же быстротою, то спустя нѣсколько тысячелѣтій очертанія Финляндии измѣнятся не менѣе, чѣмъ измѣнились они съ того времени, когда Бѣлое море и Финскій заливъ представляли собою сплошную водную поверхность, далеко простиравшіяся и въ даль, и въ ширь *).

«Обычнымъ пейзажемъ для озерной Финляндии, т. е. для большей ея части, — говорить одинъ русскій писатель **), — является слѣдующій: стоя на гребнѣ невысокаго холма, покрытаго сосновымъ лѣсомъ, сквозь который сѣрѣютъ скалы и камни, видишь предъ собою скаты съ лиственнымъ (гл. обр. березовымъ) лѣсомъ, за нимъ идетъ луговая поляна съ сѣннымъ сараемъ, далѣе — клочекъ посѣва, перерѣзанный канавами для отвода воды; тутъ же одинъ дворъ или группа дворовъ; далѣе сверкаетъ озеро съ извилистыми берегами, узкими мысами и группами островковъ; за нимъ видна узкая полоса другого озера, фонъ картины замыкается синѣющимъ хребтомъ лѣсныхъ холмовъ или рядомъ холмовъ, — одинъ за другимъ. Пройдешь нѣсколько верстъ, — и снова почти повтореніе той же картины; порой большія пространства заняты болотами, покрытыми грубой травой, мхомъ, да кривыми сосенками — безлѣтками». И дѣйствительно: скалы и камни, озера и лѣсъ — вотъ главные черты, которыя характеризуютъ финскій пейзажъ и которыя отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ странъ Европейской Россіи.

Изъ общей площади Финляндии, исчисляемой въ 373,604 кв. километра ***), 41,660 километровъ занимаютъ озера, — водные бассейны, оставшіеся отъ періода таянїя въ Финляндии льда. Обыкновенно они не отличаются обширными размѣрами и глубиною, но зато поражаютъ своею многочисленностью. Область озеръ занимаетъ большую часть страны, простираясь отъ береговъ Финскаго залива до 62° с. ш. по берегу Ботническаго залива (до мыса Седибу), а оттуда по линіи соединяющей этотъ пунктъ съ пересѣченіемъ 66° широты съ русской границей.

Финляндскія озера не представляютъ собою изолированныхъ, замкнутыхъ бассейновъ, а большею частью соединены другъ съ другомъ и съ моремъ естественнымъ или искусственнымъ образомъ и образуютъ нѣсколько сплетеній. Изъ которыхъ особенно замѣчательны три. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ Сайма — огромное сплетеніе 120 большихъ и 1,000 болѣе мелкихъ резервуаровъ воды. Избытокъ воды посылается отсюда въ Ладожское озеро широкою, засыпанною порогами рѣкою Вуоксою. Сайма съ его окрестностями славится красотой своего пейзажа,

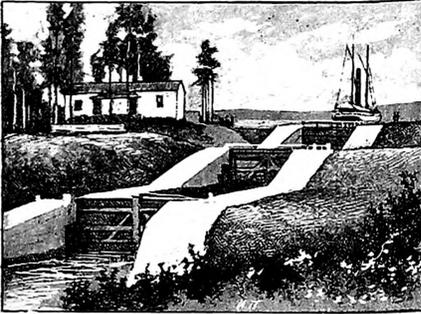
и потому привлекаетъ къ себѣ массу туристовъ. Но что особенно привлекаетъ сюда туриста, такъ это великолѣпный водопадъ Иматра, на рѣкѣ Вуоксѣ.

Финны очень гордятся своею Иматрой, описывая ее въ самыхъ восторженныхъ выраженїяхъ. Но нужно сказать, что эти описанія въ значительной степени страдаютъ преувеличеніемъ. Одинъ русскій туристъ такъ описываетъ Иматру. „Зрѣлище, представляемое Иматрою, дѣйствительно интересно, но поразительнаго, грандіознаго въ немъ, говоря по совѣсти, рѣшительно ничего нѣтъ. Иматра

*) См. общій очеркъ.

**) Д. Протопоповъ „Финляндія“ Спб. 1898 г.

***) По измѣренїямъ генерала Стрѣльбицкаго.

Шлюзы на Сайменскомъ каналѣ.

собственно даже не водопадъ, а водоскатъ, стремнина. Представьте себѣ средней ширины рѣку, которая вдругъ встрѣчаетъ на своемъ пути узкое гранитное ущелье, около 150 сажень длиною, но болѣе 10—12 сажень ширины и, кромѣ того, съ постепеннымъ наклономъ въ 9 саж. Скованная отвѣсными стѣнами гранита, Вуокса быстро покрывается клокочущей пѣной и съ жалобнымъ плескомъ спѣшить пронестись въ ущелье. Точно стадо испуганныхъ бѣлыхъ овецъ, мечутся ея волны, набѣгая другъ на друга, сшибаясь между собою и векидывая вверхъ брызги водяной пыли... Нѣкоторые очевидцы, писавшіе объ Иматрѣ, видятъ въ ней что-то яростное, свирѣпое, могучее, въ шумѣ ея волны слышатъ мощный ревъ гнѣва, яростное „ура“ атакующей колонны... Не ярость, а страхъ, панический страхъ одушевляетъ, на мой взглядъ, эти волны, состоящія изъ одной пѣны. Передъ вами—не стая разъяренныхъ львовъ, бѣшено скачущихъ на кровавый бой, а именно стадо овецъ, въ паническомъ ужасѣ бѣгущее отъ опасности. Не голоса гнѣва слышатся въ плескъ водопада, а жалобные, скорбные стоны, рыданіе и безсильное сѣтованіе на судьбу. Мрачныя скалы лѣваго берега, безстрастно смотрящія на эту картину бѣгства,—еще болѣе усиливаютъ такое именно впечатлѣніе... *).

Другимъ оттокомъ Сайменскихъ озеръ служитъ искусственно устроенный Сайменскій каналъ, соединяющій ихъ около Выборга съ

Финскимъ заливомъ. Сайменскій каналъ началъ въ царствованіе Николая I съ цѣлю облегчить сношенія внутреннихъ частей Финляндіи, изрѣзанныхъ развѣтвленіями многоводной Саймы, съ морскимъ побережьемъ. При его сооруженіи строителямъ приходилось бороться съ громадными трудностями, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояла значительная разница въ уровняхъ озера Саймы и Финскаго залива, а затѣмъ — гранитныя скалы, преграждавшія путь. Однако, энергія строителей и щедрая денежная помощь правительства преодолѣли все. Гранитныя массы взорваны порохомъ, что же касается перваго затрудненія, то оно устранено при помощи весьма остроумной системы шлюзовъ. Весь Сайменскій каналъ представляетъ собою громадную лѣстницу, ступени которой отдѣлены шлюзами. Шлюзовъ всего 28, изъ нихъ 5 тройныхъ, 3 двойныхъ, остальные—одиночные; ширина každого—3½ саж., длина—16 саж., а глубина — 1¼ саж. Нумерація ихъ считается отъ озера, невадалекъ отъ котораго расположенъ шлюзъ № 1-й, Лауритсала и около него—мостъ съ надписями на аркахъ. На одной сторонѣ надпись гласитъ: „Императоръ Николай I въ 1843 г. началъ“, на другой — „Императоръ Александръ II въ 1856 г. окончилъ“. Такимъ образомъ, постройка канала продолжалась 13 лѣтъ; правительство истратило на его сооруженіе около 3 милліоновъ рублей.

Второе сплетеніе финляндскихъ озеръ составляетъ система Пэйяне или „Святаго озера“. Желѣзные дороги соединяютъ эту систему съ моремъ, судоходнаго же сообщенія съ нимъ она не имѣетъ. Правда, изъ Пэйяне вытекаетъ рѣка въ Финскій заливъ, по имени Кюмень, но она вся засыпана порогами, и недалеко отъ ея устья гремитъ немолчный Hog-tors, т. е. „Высокій водопадъ“. Третье сплетеніе озеръ есть система Няси — озера (Näsi-järvi), съ водопадами Кюро и Тампере *). Совершенно отдѣльно отъ указанныхъ системъ озеръ, на крайнемъ сѣверѣ Финляндіи лежитъ самое большое озеро страны Энаре (поверхность по однимъ вычисленіямъ — въ 2,530, по другимъ — въ 1,421½ кв. километровъ), соединяющееся посредствомъ рѣки Патсъ-Юки съ незамерзающимъ заливомъ Ледовитаго океана—Варангаръ-фіордъ.

Относительно финляндскихъ рѣкъ нужно замѣтить, что болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ онѣ достигаютъ лишь на сѣверѣ страны. Таковы — р. Кемь (Кеми-Юки)—самая большая рѣка Финляндіи, Улео и Торнео съ притокомъ Муоніо, изливающимся въ Ботнический заливъ, и Тана, впадающая въ Ле-

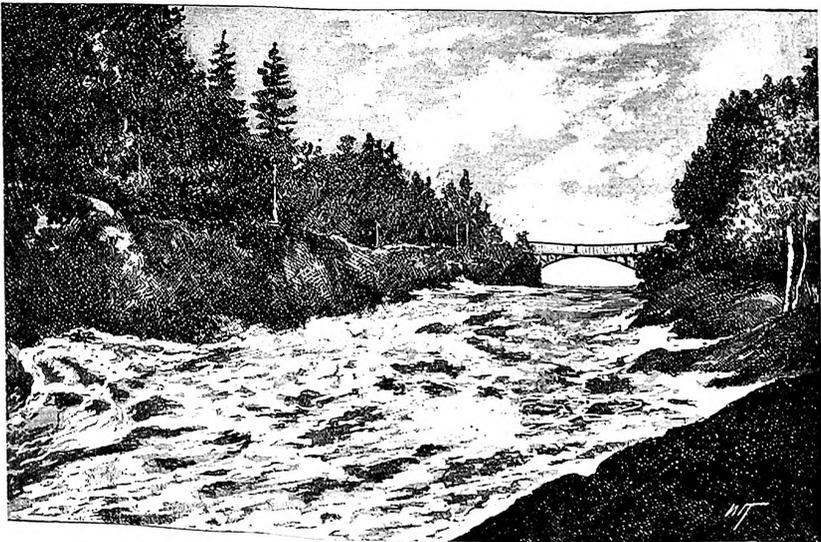
* В. Семеновъ. „Поѣздка на Иматру“.

* С. Мечъ. „Финляндія“, стр. 47 и сл.

довитый океанъ. Двѣ послѣднія рѣки служатъ границею между Финляндіею и Норвегіею. На берегу Торнео, близъ самаго полярнаго круга, находится высокій холмъ Авасакса (700 футовъ), съ котораго 10 июня можно любоваться полуночнымъ солнцемъ, сіяющимъ съ сѣвера.

Характерною особенностью финскаго пейзажа служатъ, какъ уже было замѣчено, также камни и гранитные обломки самой разнообразной величины и формы. Оторванные отъ поверхности движеніемъ ледяной массы въ ледниковый періодъ, они, двигаясь вмѣстѣ со льдомъ, постепенно отлагались по бокамъ глетчера и въ концѣ его, въ видѣ такъ называемыхъ боковыхъ и конечныхъ моренъ. Общее движеніе ледяныхъ массъ сказалось здѣсь на продольномъ расположеніи этихъ глыбъ—въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. *). Гранитныя глыбы или валуны видѣются здѣтъ всюду, даже вдалѣ морскаго побережья. Здѣсь онѣ образуютъ цѣлый поясъ скалъ, то подводныхъ, то выступающихъ въ видѣ небольшихъ островковъ надъ поверхностью воды темныхъ скалъ, то обнаженныхъ, то покрытыхъ тощею растительностью. Это такъ называемыя финляндскія шкеры. Особенно богатъ шкерами сѣверный берегъ Финскаго залива, гдѣ онѣ образуютъ поясъ, шириною отъ 30 до 50 верстъ. Что касается медкихъ камней, то они разсыяны по всей поверхности страны въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что впервые прибывшій въ Финляндію путешественникъ положительно поражается этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ. Куда ни глянешь, всюду камень и камень: то

*) Этимъ же объясняется и аналогичное расположеніе озеръ Финляндіи.

Водопадъ Иматра.

обнаженные, то покрытые мягкимъ ковромъ мха, камни лежатъ всюду,—и на лугахъ, и въ самой глухой чащѣ лѣса; изъ нихъ строятся и фундаменты домовъ, и заборы, дѣлыя груды ихъ свалены трудолюбивымъ финномъ-земледѣльцемъ съ полей; камень является ему и врагомъ, и другомъ. Кажется, будто какой-то гигантъ прошелъ по всей Финляндіи и разбросалъ эти камни, какъ пахарь зерна, на потѣху ли себѣ, или на зло труженику-человѣку...

Простирающаяся въ сѣверной своей части за предѣлы полярнаго круга, открытая доступу холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, Финляндія отличается суровостью климата; послѣдняя, впрочемъ, значительно ослабляется вліаніемъ гольфштрема; благодаря ему, а также вслѣдствіе раковинообразнаго строенія почвы Финляндіи, представляющей впадину въ срединѣ, жители Финляндіи имѣютъ возможность заниматься земледѣліемъ на такихъ широтахъ, на которыхъ въ другихъ странахъ земледѣліе совершенно немыслимо. Сѣверное положеніе страны обуславливаетъ рѣзкость въ температурныхъ переходахъ: зимы здѣсь стоятъ суровыя, лѣта знойныя. Обиліе болотъ и озеръ сообщаетъ климату влажность, а громадныя лѣса, покрывающіе ея поверхность, среди которыхъ преобладаетъ сосна, дѣлаютъ Финляндію одной изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей Россіи.

Вообще о природѣ Финляндіи нужно сказать, что она не балуетъ чело-вѣка: дикая, суровая, негостеприимная, она требуетъ отъ своихъ жителей трудной, упорной борьбы, она не даетъ ему матеріала для широкаго полета фантазіи, не можетъ пробудить въ ней богатыхъ образовъ, не оставляетъ для этого даже свободнаго времени. И она наложила свою печать на населеніе. Политическія условія также потребовали отъ финна большихъ жертвъ прежде, чѣмъ ему удалось, какъ теперь, завоевать себѣ сравнительно сносное существованіе. Все это будетъ вполне понятно, если мы обратимъ вниманіе на географическое положеніе страны.

Стиснутая между двумя могучими сосѣдями—Россіей и Швеціей, Финляндія, естественно, не могла долгое время сохранить свою политическую независимость и самостоятельность. Уже съ XII вѣка со стороны Швеціи начались вторженія въ финляндскую территорію, въ формѣ «крестовыхъ походовъ», и, мало-по-малу, Финляндія попала въ зависимость отъ Швеціи. Шведы за 600-лѣтній періодъ своего господства въ Финляндіи внесли въ покоренную страну свою религію, нравы, обычаи и просвѣщеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ великій преобразователь Россіи Петръ I основалъ столицу Русскаго государства почти у самой границы съ Финляндіею и присоединилъ къ Россіи часть ея подъ названіемъ Выборгской губерніи, она неминуемо должна была, рано или поздно, сдѣлаться владѣніемъ Россіи. Еще гораздо ранѣе, въ XIV столѣтіи, русскіе дѣлали набѣги на Финляндію *); но теперь политическіе виды Россіи на Финляндію приобрѣли характеръ системы, и нуженъ былъ только удобный случай для того, чтобы от-

*) Такъ, въ 1318 году новгородская рать прошла огнемъ и мечемъ до рѣки „Авры“ т. е. чрезъ всю страну, и раззорила на берегу этой рѣки городъ „Абовъ“.

торгнуть Финляндію и присоединить ее къ Россіи. Это присоединеніе состоялось въ началѣ настоящаго столѣтія, въ царствованіе императора Александра I. Завоеванный силою оружія, уступленный Швеціею, по трактату отъ 5—17 сентября 1809 года «въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» этотъ край присоединенъ былъ къ Россійской Имперіи подъ названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго. По волѣ завоевателя, покоренной странѣ оставлена была религія, самостоятельное законодательство, собственное управленіе и судъ, территория и подданство (грамота Александра I 15 марта 1809 г. и сеймъ въ Борго 16 марта того же года). Эта самостоятельность сохраняется за Финляндіею до настоящаго времени, такъ что, въ ряду остальныхъ провинцій и подвластныхъ Россіи областей она занимаетъ исключительное положеніе. Предоставленный самому себѣ этотъ край подъ защитою Россіи развился, окрѣпъ и достигъ той степени благосостоянія, которой нельзя не удивляться, принимая во вниманіе суровость и бѣдность страны.

Организація управленія Финляндіею въ сущности сохранилась въ той формѣ, какая дана была ему въ царствованіе Александра I, за нѣкоторыми несущественными измѣненіями. Высшимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ внутреннія дѣла страны, является императорскій сенатъ; онъ состоитъ изъ сенаторовъ, числомъ не менѣе 20, назначаемыхъ высочайшею властью по представленію генераль-губернатора изъ коренныхъ финляндцевъ или изъ лицъ водворившихся въ краѣ и пріобрѣвшихъ право финляндскаго гражданства, и раздѣляется на два департамента судебный и хозяйственный. Дѣйствія сената «ограничиваются существующими узаконеніями безъ всякой власти перемѣнять, пояснять или еще менѣе, уничтожать оныя». Предсѣдательство въ сенатѣ, равно какъ и общее руководство исполнительной администраціею и начальство надъ финляндскими и русскими, находящимися въ Финляндіи войсками, — принадлежитъ генераль-губернатору, который назначается обыкновенно изъ русскихъ сановниковъ. Представителемъ Финляндіи при дворѣ императора является министр — статсъ-секретарь, на обязанности котораго лежитъ докладъ всѣхъ дѣлъ, касающихся Финляндіи и принадлежащихъ непосредственному рѣшенію верховной власти, и сообщеніе высочайшихъ повелѣній генераль-губернатору. При измѣненіи кодекса законовъ или составленіи новыхъ законопроектовъ послѣдніе первоначально обсуждаются на сеймѣ, а потомъ уже, по утвержденіи ихъ императоромъ, поступаютъ въ сенатъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Финляндскій сеймъ имѣетъ сословную форму; сюда являются представители отъ четырехъ сословій: дворянскаго, духовно-ученаго, городского и сельскаго. Съ 1863 года сеймы собираются по крайней мѣрѣ разъ въ пять лѣтъ; кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ на сеймахъ, опредѣляется правительствомъ. — Въ отношеніи гражданскаго управленія Финляндія раздѣляется на 8 губерній (län) съ губернаторами во главѣ, уѣзды (härad или fögderie) и на общины, которыя сами вѣдаютъ свои мѣстныя дѣла.

Главнымъ племенемъ, населяющимъ Финляндію, какъ по количеству, такъ и

по занимаемой площади являются финны *), народъ не-арійскаго происхожденія, а принадлежащій къ финско-угорской вѣтви народовъ, къ которой относятся также венгерцы, остяки, вогулы, черемисы, мордва и др. болѣе мелкія инородческія племена Европейской Россіи. Финны раздѣляются на нѣсколько племенныхъ группъ, изъ которыхъ каждая занимаетъ болѣе или менѣе опредѣленную территорію. Юго-западный уголъ Финляндіи занимаютъ тавасты (фин. «*Nämläiset*»), восточную—корелы (фин. *Karjalainen*); въ срединѣ между тѣми и другими живутъ саволаксы; наконецъ, въ сѣверо-западной части Финляндіи,—по сѣверному побережью Ботническаго залива и далѣе на сѣверъ, приблизительно до 67° с. ш., обитаютъ эстербонійцы. Первые два племени являются наиболѣе типичными и характерными; вторыя же служатъ какъ бы переходными между ними (саволаксы и эстербонійцы—смѣсь корель съ саволаксами).

Отличительною особенностью финновъ является то, что они—брахицефалы, т. е. отношеніе длины головы къ ея ширинѣ у нихъ меньше, чѣмъ у народовъ арійскаго племени; они въ большинствѣ случаевъ обладаютъ небольшими, свѣтлыми глазами, что послужило основаніемъ къ наименованію ихъ древними русскими „Чудью бѣлоглазѣ“, широкимъ, нѣрѣдко вздернутымъ носомъ, развитыми челюстями и плотнымъ, коренастымъ тѣлосложеніемъ. Волосы у нихъ свѣтлыя, борода или совсѣмъ отсутствуетъ, или очень рѣдка.

Зависимость человѣка отъ условій климата и почвы иллюстрируется всего лучше въ Финляндіи, этой странѣ труда, дикой и угрюмой, хотя и не лишенной своеобразной прелести. Человѣкъ здѣсь вполнѣ отражаетъ природу и носить на себѣ всё ея яркія и мрачныя краски. Въ то время, какъ тавасты—настоящій типическій финнъ—по природѣ угрюмъ и мраченъ, какъ и нагорные лѣса его родины, карель—его родной братъ,—живъ и подвиженъ, какъ свѣтлыя воды, обильныя въ его родинѣ; при этомъ они различаются между собою не столько по типу, сколько по строю характера, какъ представители двухъ различныхъ племенъ.

Симпатичная, добродушная, со свѣтлыми, добрыми глазами фигура карела дышетъ такою жизнью, что человѣкъ, знающій финновъ только по майнштамъ и вейкамъ Петербурга, не узнаетъ въ разбитомъ и веселомъ карелѣ настоящаго финна. Онъ не угрюмъ и не молчаливъ, а веселъ и болтливъ, любить хорошо провести время, поплясать и попить; въ немъ нѣтъ особенной финской осмотрительности и самоуглубленія; напротивъ того, онъ весь нараспашку, какъ русскій мужикъ. Онъ легко сходитъ, пріятель въ дружбѣ, не золь и не вѣруеть въ роковое „*fatum*“, какъ его сосѣдъ—тавастъ. При живости характера карель сообразителенъ, быстро принимается за всякое дѣло, но зато скоро и теряетъ терпѣніе. Въ отношеніи къ другимъ онъ чрезвычайно мягокъ, любезенъ и обходителенъ. Между карелами встрѣчаются чрезвычайно пріятели и даже, можно сказать, красивыя фізіономіи, особенно между женщинами. Вообще, карела можно сравнить съ французомъ, въ противоположность тавасту, который похожъ на истаго глубокомысленнаго нѣмца. Въ общемъ, лицо карела, какъ и всякаго финна, не представляетъ особенной красоты; только высокой лобъ, голубые глаза, въ которыхъ свѣтятся простота, доброты и благодушіе, здоровый цвѣтъ лица и дѣйствительно прекрасныя, часто выходящая волосы могутъ въ своемъ сочетаніи дать если не красивое, то симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встрѣчающееся между карелами, чѣмъ между финнами Центральной и Западной Суоментаа.

Совсѣмъ не таковъ тавастъ. Онъ угрюмъ, серьезенъ, молчаливъ. Вся его фигура, плотная, но грузная и аляповатая,—гармонизируетъ съ его психическимъ настроеніемъ. Глаза его, иногда прекрасныя и выразительныя, смотрятъ какъ то вглубь себя; міра словъ нѣтъ для таваста; превратности судьбы не волнуютъ его, потому что онъ, какъ истый фанатикъ, вѣруеть, что чему быть, тому не миновать. Широкоплечая, привѣстная фигура его указываетъ на то, что онъ не боится физическаго труда и лишеній и что онъ „можетъ дѣлать хлѣбъ изъ камня“, какъ справедливо говорятъ о финляндахъ. Эта медленность въ движеніяхъ, тяжесть на подъемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительность

*) „*Fin*“ или „*fen*“—названіе, данное западными народами жителямъ Финляндіи; сами же они называютъ себя *Suomalaiset*, т. е. суомалайцы (озерные люди).

показываютъ увѣренность въ своихъ силахъ и желѣнное терпѣніе, которымъ тавастъ дѣйствительно можетъ покататься. Какъ натура крѣпкая и спокойная, тавастъ мужественъ и сражается, какъ левъ, до послѣдняго вздыханія; недаромъ финскіе полки служили ядромъ шведскихъ дружинъ въ ихъ войнахъ съ Великимъ Новгородомъ, а позже — съ русскимъ государствомъ. Все эти свойства ума и психической складъ таваста, дѣлающіе изъ него необходимо стойкаго борца за существованіе и обуславливающіе его жизнеспособность, вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ и другія его качества, далеко не симпатичныя и прямо зависяція отъ его мрачнаго настроенія. Тавастъ упрямъ, ревнивъ, мстителенъ и жестокъ. Если только что-нибудь выведетъ его изъ его душевнаго равновѣсія, тогда мстительность и злоба его не имѣютъ предѣловъ, и съ виду добродушный, хотя и угрюмый финнъ можетъ сдѣлаться ужаснымъ злодѣемъ. Съ постороннимъ тавастъ несообщителенъ, неласковъ, часто даже грубъ, но всегда гостеприименъ. Къ людямъ, не говорящимъ по-фински, онъ всегда относится недружелюбно и подозрительно, но разъ онъ сошелся съ кѣмъ-нибудь, на дружбу его можно положиться, какъ на каменную стѣну. Все міросозерцаніе таваста полно мрачнаго взгляда на міръ и его явленія; божества финской мифологіи носятъ въ большинствѣ такія темныя краски, что окраска ихъ еще темнѣе, чѣмъ у божествъ лопарской мифологіи. Ихъ образы какъ бы сложены изъ тумана, встающаго изъ многочисленныхъ водъ страны *).

Но каковы-бы ни были національныя различія между истинными финнами и карелами, тѣмъ и другимъ обща одна основная черта характера, черта, такъ отличающая вообще населенія Финляндіи: это — непоколебимая честность, простирающаяся до самыхъ послѣднихъ мелочей обмѣнной жизни. Финнъ никогда не позволитъ себѣ запросить втридорога съ покупателя, никогда не воспользуется его неопытностью, незнаніемъ цѣны или условій мѣстной жизни, никогда не рѣшится присвоить себѣ чужое имущество, даже въ томъ случаѣ, когда онъ знаетъ, что владѣлецъ этого имущества уже не вернется за нимъ. Если вы, покупая что-нибудь у финна, дадите ему лишнюю копѣйку, онъ низачто не рѣшится положить ее въ свой карманъ. Онъ долго будетъ искать васъ, чтобы вернуть вамъ ваши деньги и, наконецъ,

Финнъ.

отчаявшись найти васъ, опуститъ монету въ церковную кружку. Если вы, проѣзжая по дорогамъ Финляндіи, забыли гдѣ-нибудь на станціи вашъ кошелекъ, хотя бы туго набитый деньгами, — не беспокойтесь, все будетъ цѣло и сохранно. Финнъ поспѣетъ вслѣдъ за вами во всю прыть коня, и если не догонитъ васъ, то поручитъ догнать кому-нибудь на слѣдующей станціи. Умѣя свято беречь чужое добро, финнъ такъ же честно, бережливо, осторожно относится и къ своей собственности. Трудолюбивый до крайности, онъ не позволитъ себѣ отнять копѣйку у своей семьи, у дома; никогда не позволитъ себѣ истратить ее на свое личное удовольствіе. Тою же честностью отличается финнъ и въ общественной дѣятельности; общественныя работы, напр., въ Финляндіи поражаютъ своею добросовѣстностью и дешевизной. Такъ проведеніе Сайминскаго канала, стоившее очень большихъ трудовъ и искусства, обошлось на 3 милліона дешевле сравнительно съ предполагавшимися расходами. Замѣчательною доброкачественною работою отличаются также и желѣзныя дороги, вполне оправдывающія сложившееся мнѣніе, — что финны строятъ въ пять разъ дешевле другихъ и въ десять разъ прочнѣе.

Кромѣ собственныхъ финновъ, составляющихъ абсолютное большинство на селенія Финляндіи (2.169,000 человекъ изъ общаго числа населенія въ 2.500,000

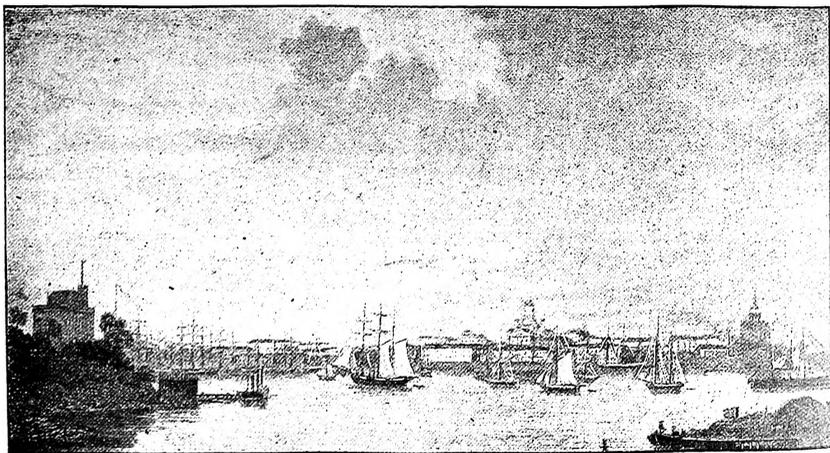
*) Елисеѣвъ. „По бѣлу свѣту“.

человѣкъ), здѣсь живутъ еще шведы (341,500 человекъ), русскіе (около 7,000) нѣмцы (до 1,800) и цыгане (около 1,500 человекъ). Шведы, нѣкогда бывшіе господами страны, сосредоточены главнымъ образомъ по побережью Ботническаго и отчасти Финскаго заливовъ, на Аландскихъ островахъ и во всѣхъ прибрежныхъ городахъ Финляндіи и въ значительной степени подчинились финскому вліянію. Русскіе живутъ почти исключительно въ городахъ, занимаются преимущественно торговлею и ремеслами и замѣчательно быстро поддаются процессу офиненія. Крайній сѣверъ Финляндіи занимаютъ лалландцы, — бродячее племя, въ настоящее время сильно уменьшающееся въ своей численности.

По той быстротѣ, съ которою возрастаетъ населеніе Финляндіи, эта страна занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ европейскихъ странъ. Съ половины XVIII вѣка число жителей Финляндіи возросло почти въ пять разъ, а съ 1815 года оно почти удвоилось. Причина этого явленія заклю-

чается главнымъ образомъ въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится Финляндія: въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ финны пользуются глубокимъ миромъ, не зная войнъ съ ихъ страшными опустошеніями, что позволяетъ имъ безпрепятственно размножаться.

Проѣзжая по Финляндіи, путешественникъ выноситъ впечатлѣніе глухой, заброшенной, безлюдной страны. Здѣсь нѣтъ болѣе или менѣе обширныхъ поселеній вродѣ слободъ и хуторовъ нашей южной Россіи; болѣе того—финская деревня отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ поселеній своими незначительными размѣрами; она состоитъ изъ одиноко стоящихъ дворовъ или группъ въ два, много въ три двора. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тавастланда и Эстербоніи можно встрѣтить поселки, но и то дворы стоятъ здѣсь не сплошной улицей, а въ разбивку и отдѣлены другъ отъ друга большими промежутками. Такіе поселки разбросаны по Финляндіи всюду среди болотъ, озеръ и лѣсовъ, и это

Видъ Гельсингфорса съ моря.

исполнѣ понятно: суровая покрытая лѣсомъ и водою, каменистая страна не позволяетъ финну селиться общинами, такъ какъ для пропитанія послѣдней требовалась бы обширныя сплошныя пространства удобной для земледѣлія почвы. А этого какъ разъ и нѣтъ въ Финляндіи. Здѣсь человѣку приходится отвоевывать у природы пригодную для культуры почву лишь незначительными клочками; о разработкѣ цѣлыхъ сплошныхъ участковъ не приходится даже и думать.

Суровый климатъ Финляндіи, скудная, покрытая камнями и обладающая лишь тонкимъ плодороднымъ слоемъ почва, краткость лѣта, частые заморозки и испаренія отъ болотъ и озеръ,—все это, въ совокупности, сильно затрудняетъ земледѣліе въ Финляндіи. И несмотря на это финляндецъ занимается преимущественно земледѣліемъ: около 80% всего населенія Финляндіи—земледѣльцы. Большая часть земли (около 21.659,000 гектаровъ) въ Финляндіи составляетъ собственность крестьянъ; но далеко не всѣ изъ послѣднихъ являются здѣсь земельными собственниками въ полномъ смыслѣ этого слова. Лишь немногіе финскіе крестьяне имѣютъ собственную землю; это, такъ сказать, крестьяне-помѣщики; большинство же пользуются землею на арендныхъ началахъ, находясь, такимъ образомъ, въ извѣстной зависимости отъ крестьянъ-собственниковъ. Это—торпаря, бобыли и постоальцы.

Торпаря, числомъ до 69,000 человекъ, представляютъ собою особый классъ, въ родѣ арендаторовъ или мелкихъ фермеровъ. Землевладѣлецъ-крестьянинъ, не имѣющій достаточнаго количества рабочихъ рукъ для того, чтобы расширить свои пашни или поддерживать въ порядкѣ разработанные ранѣе участки, отдаетъ на извѣстныхъ условіяхъ право пользования нѣкоторыми частями своей земли торпарямъ; такіе участки, называемые торпами, обыкновенно заключаютъ въ себѣ отъ 5 до 10 гектаровъ пашни и соответственное количество луга. Торпъ можетъ прокормить 2—3 лошади и 8—10 коровъ. Жилыя дома и другія строенія такъ же хороши или такъ же примитивны, какъ и въ обыкновенныхъ крестьянскихъ усадьбахъ подобныхъ же размѣровъ. Сами торпаря ни платьемъ, ни образомъ жизни нисколько не отличаются отъ остальныхъ крестьянъ. Но съ точки зрѣнія крестьянина торпарь на социальной лѣстницѣ стоитъ все-таки нѣсколькими ступенями ниже его, и бракъ дочери крестьянина съ сыномъ торпаря всегда считается для нея *mesalliance*, хотя бы семья торпаря и была столь же достаточна, какъ и ея. Разница въ положеніи того и другого заключается въ томъ, что крестьянинъ имѣетъ недвижимую собственность, на которой чувствуетъ себя свободнымъ и неограниченнымъ хозяиномъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ; между тѣмъ торпарь, въ силу договора, большею частію занимаетъ по отношенію къ землевладѣльцу подчиненное положеніе почти что слуги; въ

тому же его трудъ, въ концѣ концовъ, обогащаетъ землевладѣльца, а не его самого. Иногда, по истеченіи срока аренды, договоръ не возобновляется или же торпарь, вслѣдствіе несоблюденія какого-нибудь условія, бываетъ принужденъ покинуть свой участокъ обыкновенно безъ всякаго вознагражденія за многолѣтній трудъ, потраченный имъ на обработку чужой земли. Сознаніе возможности такого исхода нерѣдко заставляеть торпаря воздерживаться отъ удѣленийъ, рассчитанныхъ на будущее время. Поэтому, въ смыслѣ интенсивности труда, торпарь стоитъ ниже крестьянина.

Что касается бобылей, то они живутъ обыкновенно въ одиноко стоящихъ избушкахъ, ютящихся на окраинахъ участковъ. Къ избушкѣ, низенькой и тѣсной, чаще всего состоящей изъ одной лишь комнаты съ сѣнями, пристроенъ амбаръ и иногда—небольшая заката. У самой избушки—градя картофеля, на который можно вмѣстѣ нѣсколько капль (каппа немного болѣе 2 гарцевоу). Это—жилище бобыля, но не его собственность, онъ только наемываетъ его у землевладѣльца. Наемная плата, конечно, не велика—всего какихъ-нибудь пять марокъ, но къ этому присоединяется еще плата въ 10—20 марокъ за пастбище для единственной коровы, да нѣсколько лѣтнихъ дней работы на хозяина или какихъ-либо другія услуги, какъ, напр., колка или возка дровъ и т. п. Средства къ существованію бобыль достаетъ главнымъ образомъ случайными

заработками у окрестных крестьянъ. Рѣдко отправляется онъ искать работы въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, потому что его жилище, какъ оно ни скромно, все же доставляетъ его семьѣ хотя какое-нибудь пристанище. Это прочно привязываетъ его къ мѣсту.

Третій классъ зависимаго рабочаго населенія Финляндіи составляютъ такъ называемые постоальды (Loipen или Asellinen—по-фински); положеніе ихъ еще печальнѣе сравнительно съ торпарями и бобыльями: послѣдніе при своемъ зависимомъ положеніи имѣютъ, однако, отдѣльныя жилища, — нахлѣбники же живутъ въ хозяйской избѣ. Этотъ обычай совмѣстной жизни хозяевъ и нахлѣбниковъ очень распространенъ въ сѣверной и восточной Финляндіи, гдѣ зачастую въ одной комнатѣ избы живетъ по 10, 12 и болѣе человекъ. Если въ зимнее время, при закрытыхъ окнахъ, такая скученность не окончательна губительна для здоровья, то это благодаря лишь постоянной тягѣ отъ почти непрерывно топящаго очага и отъ поминутно отворяющейся двери, выходящей прямо на улицу или въ холодныя сѣни. Ибо дня въ день всю жизнь съ ея радостями и заботами проводить обѣ семьи въ одной комнатѣ, служащей и кухней, и столовой, и мастерской, и спальней. Безъ всякаго предварительнаго соглашенія, прямо по обычаю, семья хозяина помѣщается въ глубинѣ ком-

наты, семья же постоальца занимаетъ уголъ ближайшій къ двери. Другой разницы въ жизни постоальцевъ и хозяевъ нельзя замѣтить. Удивительно, какъ такая совмѣстная жизнь двухъ семей, даже не родственныхъ, обходится безъ серьезныхъ неурядицъ; это можно объяснить развѣ патриархальностью семейнаго быта, сохранившагося въ глухихъ частяхъ страны. Впрочемъ, неизбежныя недоразумѣнія разрѣшаются весьма просто: хозяинъ выгоняетъ своего постоальца. Жаловаться на это некуда, потому что, согласно словесному договору, обѣ стороны сохраняютъ за собою право нарушить въ любой срокъ. Рѣдко бываетъ, чтобы постоалецъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ одной и той же избѣ: это—кочевникъ въ культурной странѣ. Имущество его въ высшей степени скромно: необходимѣйшее платье, кое-какая домашняя утварь, простѣйшія домашнія орудія, рѣдко—корова и еще того рѣже — хотя бы сколько-нибудь денегъ. Плата за постой—двѣ мария (75 в.) въ недѣлю—выплачивается работою. Средства къ существованію даетъ постоальцу случайный заработокъ въ качествѣ рабочаго у сосѣдей; ручное ремесло въ этомъ классѣ пока мало еще распространено. Понятно, что при такихъ условіяхъ нахлѣбнику живется далеко не легко; особенно трудно бываетъ ему въ неурожайные годы, вообще всегда очень тяжелые для всякаго финна-земледѣльца *).

Расширеніе площади посѣвовъ совершается въ Финляндіи на счетъ лѣса и болотъ. Въ первомъ случаѣ финны расчищаютъ мѣсто для пашни посредствомъ пожаровъ (по-фински kaskenpoltto). Избравъ какой-нибудь участокъ земли, финны срубаетъ на немъ лѣсъ и оставляетъ его лежать до слѣдующаго лѣта; затѣмъ срубленный лѣсъ зажигаютъ, оставшіеся негорѣвшими послѣ пожара древесные стволы складываютъ въ кучу, а освободившееся такимъ образомъ пространство вспахиваютъ сохою; въ первый годъ на пожогѣ сѣютъ обыкновенно рожь, во второй—ячмень или овесъ, иногда еще и на третій годъ гречиху, послѣ чего землю оставляютъ заростать травою и лѣсомъ. Впрочемъ, такой способъ обработки земли, какъ требующій большихъ усилій и неблагоприятный, мало-по-малу, оставляется финнами и примѣняется почти исключительно для расчистки лѣса подъ пастбища. Гораздо продуктивнѣе другой способъ расширенія площади пахотной земли—это осушеніе болотъ, и финны усердно трудятся въ этомъ направленіи, не жалѣя ни силъ, ни средствъ. Въ теченіе пяти лѣтъ они осушили около 600 кв. верстъ, т. е. почти 62,500 десятинъ земли; при этомъ не малую услугу оказываетъ финляндцамъ уступообразное положеніе нѣкоторыхъ внутреннихъ водныхъ бассейновъ; иногда для того, чтобы осушить какое-нибудь озеро или болото,

*) См. „Финляндія“, сборникъ подъ ред. Д. Протопопова, Слб., 1898 г. Статья Т. Хультинъ, стр. 209—230.

требуется только спустить из него воду в соседний бассейн, лежащий ниже его. И в настоящее время нередко можно видеть богатые поля и луга на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде лежали непроходимыя болота.

Какъ бы то ни было, но всѣ старанія финновъ не всегда приводятъ къ желаемымъ результатамъ: хлѣба въ большинствѣ случаевъ едва хватаетъ на прокормленіе населенія. Главнымъ пищевымъ продуктомъ въ Финляндіи является рожь; изъ нея финны готовятъ свою любимую кашу, изъ нея же печеть оны и свой хлѣбъ. Послѣдній имѣетъ форму круглыхъ хлѣбцевъ съ отверстиемъ посрединѣ; эти хлѣбцы пекутся дватри раза въ годъ, наивысшая на шесть и привѣшиваются въ извѣстѣ подвѣсиваются для употребленія. Вслѣдствіе недостаточнаго количества муки, къ ней часто примѣшиваются сосновая и березовая кора, иногда мякина, сѣмена щавеля, олений мохъ и другія растенія. Эти суррогаты составляютъ обычное

явленіе въ Финляндіи особенно въ неурожайные годы. Когда лѣто бываетъ холодное и дождливое, такъ что хлѣба не успеваютъ созрѣть до осеннихъ заморозковъ, неурожай является неизбежнымъ, и жители обречены на голоданіе. Тогда люди ѣдятъ почти все, что можно жевать, и жертвы голодовки въ такихъ случаяхъ насчитываются сотнями и даже тысячами. Такъ, въ 1868—69 гг. въ Финляндіи умерло до 100,000 человѣкъ; количество погибшихъ отъ голода за этотъ періодъ времени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ достигало четверти всего населенія; число смертныхъ случаевъ въ это время превышало количество рожденій во всей Финляндіи. И только замѣчательная выносливость финновъ давала возможность переживать эти бѣдствія.

Большимъ подспорьемъ благосостоянію финновъ служитъ скотоводство, развитое въ довольно значительной степени. Къ разведенію скота страна очень удобна, такъ какъ луговъ здѣсь значительно больше, чѣмъ пашень; особенно много луговъ на сѣверѣ Финляндіи. Луга даютъ хорошіе покосы и служатъ хорошимъ подспорьемъ для скотоводства, успѣху котораго способствуетъ также воздѣлываніе земли посредствомъ пожоговъ. Выжженные участки земли, принеся крестьянину двѣ-три жатвы, оставляются вполне и скоро покрываются сочною травой, которая, по причинѣ пней и камней, обыкновенно не косится, но даетъ скоту отличный подножный кормъ.

Рогатый скотъ въ Финляндіи принадлежитъ скорѣе къ молочной породѣ, чѣмъ къ убойной. Финскія коровы не отличаются особеннымъ обиліемъ молока, но зато ихъ молоко богато жировыми частями. Молочные продукты, составляющіе послѣ хлѣба одно изъ самыхъ важныхъ пищевыхъ средствъ для населенія, въ настоящее время являются предметомъ усиленнаго вывоза какъ въ Россію, такъ и за границу. Такъ, экспортъ масла въ 1895 г. выразился въ цифрѣ 14.115,054 килограмма. Домашняя выдѣлка масла отдѣльными домохозяевами въ настоящее время въ Финляндіи почти совсѣмъ прекратилась. Иногда соседніе крестьянскіе дворы соединяются и устраиваютъ общую молочную напаяхъ, въ которой выработывается масло. Такія крестьянскія молочны, въ которыхъ крестьяне сами готовятъ масло по рациональному способу, распространены въ сѣверномъ Саволакѣ и Карелии. Но вообще замѣчено, что мелкія молочны постепенно вытѣняются крупными. До 80-хъ годовъ фабрикація масла въ крупныхъ размѣрахъ

производилась почти исключительно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Другая отрасль молочнаго хозяйства въ Финляндіи — сыровареніе — не получила въ Финляндіи такого значенія, какъ маслодѣліе. Тѣмъ не менѣе, фабрикація сыра здѣсь известна давно, хотя сыръ этотъ и не служитъ предметомъ вывоза. Молоко и сливки вывозятся изъ Финляндіи въ небольшомъ количествѣ въ Петербургъ. Въ видахъ болѣе рациональнаго веденія сельскаго хозяйства, финляндское правительство содержитъ въ равныхъ частяхъ страны значительное количество школъ молочнаго хозяйства, въ которыхъ ученицы въ теченіе двухгодичнаго періода получаютъ необходимыя теоретическія познанія, а равно знакомятся и съ практикою скотоводства, съ уходомъ за скотомъ, леченіемъ его и приготовленіемъ продуктовъ изъ молока. Съ этою же цѣлью по странѣ ѣздятъ опытные скотницы, обучая женщинъ на мѣстѣ приготовленію масла и сыра. Финляндское правительство платитъ такимъ мастерицамъ свыше трехъ тысячъ рублей въ годъ.

Лѣсъ, которымъ до сихъ поръ изобилуетъ еще Финляндія, составляетъ весьма важную статью доходовъ для населенія. Первоначально лѣсъ употреблялся финнами лишь для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей — на постройку жилищъ и на топливо. Въ настоящее время, начиная съ 60-хъ годовъ, лѣсъ въ большомъ количествѣ вывозится за границу.

Насколько велико значеніе лѣсного промысла для Финляндіи, объ этомъ можно судить по одному тому, что вывозъ лѣсныхъ продуктовъ за послѣднія 25 лѣтъ по цѣнности составлялъ 45% всего вывоза. Въ 1895 г. на 427 лѣсопильняхъ Финляндіи было распилено всего 14½ миллионъ бревенъ на 40½ миллионъ марокъ. Важнѣй-

шія лѣсопильни расположены въ городахъ: Выборгъ, Бьернеборгъ и Коткя. Бьернеборгъ лежитъ при впаденіи въ море рѣки Кумо, а Котка — при устьѣ рѣки Кюмени; по этимъ рѣкамъ лѣсъ сплавляется изъ мѣстностей западной и средней Финляндіи. На лѣсопильняхъ въ 1895 г. работало 12,000 человекъ *).

По морскому побережью, въ шхерахъ, а также въ безчисленныхъ озерахъ и рѣкахъ Финляндіи водится масса различной рыбы, которая является важнымъ подспорьемъ въ питаніи финна. Рыболовство ведется у финновъ весьма рационально. Такъ, напр., въ тѣ мѣсяцы, когда лосось и семга идутъ въ рѣки для метанія икры, ловля этой рыбы, согласно договорамъ, утвержденнымъ начальствомъ, прекращается, чтобы не беспокоить рыбы и дать ей свободный проходъ къ рѣчнымъ верховьямъ. Въ рѣкѣ Улео, напр., это запрещенное время длится большую часть года, отъ августа до юня. Въ морѣ, въ прибрежныхъ шхерахъ, главный предметъ ловли составляетъ салакушка (*Clupea harengus*). Рыбка эта встрѣчается огромными стадами вдоль всѣхъ финскихъ береговъ и составляетъ обычную, ежедневную пищу большей части приморскаго населенія. Въ большихъ рѣкахъ, каковы: Торнео, Кемь, Улео и Вуокса, ловится много лососей и сиговъ, а въ озерахъ — маленькая рыбка муйка (*Coregonus albula*), имѣющей въ крестьянскомъ хозяйствѣ внутри страны такое же значеніе, какъ салакушка у приморскихъ жителей **).

Что касается быта финновъ, то общую характеристику его сдѣлать трудно, такъ какъ онъ различенъ, смотря по мѣстности и условіямъ жизни. Разница эта замѣчается какъ въ устройствѣ финскихъ жилищъ, такъ и въ костюмѣ ихъ, питаніи и т. п.

Типы крестьянскихъ дворовъ отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ: существуютъ типы эстербонійскій, юландскій, тавастландскій, саволакскій, выборгскій и т. п. ***). Путешествуя по различнымъ частямъ страны, можно постепенно прослѣдить исторію строительнаго дѣла въ Финляндіи. Къ теперешнимъ жилищамъ финны пришли путемъ цѣлаго ряда переходовъ. Первоначальное жилище, воспомѣтое еще въ Калевалѣ, состояло у нихъ изъ составлен-

ныхъ въ видѣ конуса оловыхъ жердей, плотно прилегавшихъ другъ къ другу. Для того, чтобы сивозъ эти примитивныя стѣны не проходилъ зимній холодъ, жерди снаружи покрывались шкурами и окружались внизу валомъ изъ сѣнга. Посреди жилища устраивался очагъ, состоявшій изъ груды камней; дымъ выходилъ въ щели между жердами. Такія постройки, такъ называемыя *kota* и донынѣ встрѣчаются еще въ глуши Финляндіи; они строятся неподалеку отъ дома и

*) „Финляндія“, стр. 173—174.

***) С. Мечъ „Финляндія“, стр. 106—107.

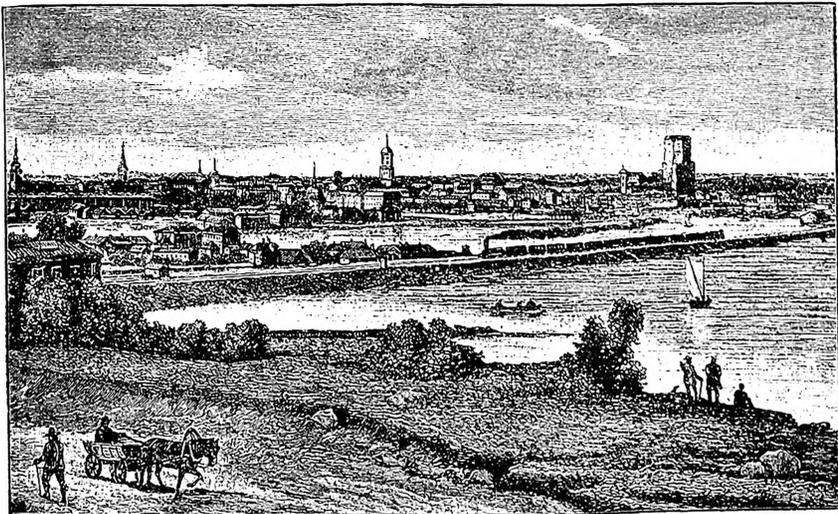
***) Подробнѣе см. „Финляндія“, ред. Протопопова, стр. 197 и сл.

служать чѣмъ-то вродѣ кухни. Позднѣ финны научились строить болѣе совершенныя жилища, и типъ ихъ также сохранился кое-гдѣ въ глуши, у рыбаковъ. Это такъ называемая рѣте, — простой, грубой срубъ изъ еловыхъ стволловъ, съ крышей изъ коры и палокъ, безъ потолка и пола. Вмѣсто оконъ и дверей въ стѣнахъ продѣлаются простыя дыры; внутри четверть пространства рѣте занята огромною печью, грубо сложенною изъ дикихъ неотесанныхъ камней, безъ цемента и безъ трубы. Эти жилища служатъ мѣстопробываніемъ какъ людей, такъ и скота. И теперь еще жилы дома и хозяйственныя строенія у бѣдной части населенія, особенно у торпарей, весьма примитивнаго устройства. Въ избахъ имѣются, конечно, печи съ трубами и окна, но избы тѣсны и недостаточно свѣтлы. Дверь выходитъ обыкновенно въ холодныя сѣни, вслѣдствіе чего зимой изба быстро охлаждается. Въ конюшняхъ и коровникахъ — холодъ и сквозной вѣтеръ. Такого жилища бѣднаго финна. Но разъ только крестьянинъ мало-малыски зажиточенъ, онъ не щадитъ денегъ на устройство удобнаго и просторнаго жилища. При каждомъ домѣ непременно имѣется баня. Внутренность жилищъ даже самыхъ бѣдныхъ, поражаетъ своею чистотою и опрятностью.

Национальный костюмъ финновъ удержался лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, постепенно уступая мѣсто обычной европейской одеждѣ. Тѣмъ не менѣе, финна, попавшаго, напр., въ Петербургъ, можно легко

отличить по костюму. Мужчины носятъ сукожную куртку сѣраго цвѣта, суконный жилетъ съ жѣдыми пуговицами, и суконные штаны; обувь имъ служатъ сапоги съ высовыми голенищами; вмѣсто нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣваютъ кожаные башмаки съ мѣдными пряжками и при этомъ витаные или шерстяные чулки; въ глухихъ мѣстахъ мужчины носятъ еще лапти изъ бересты. Рубашка у нихъ обыкновенно бѣлая, съ отложнымъ воротникомъ. Женщины носятъ пеструю одежду: поверхъ рубашки онѣ надѣваютъ кофту съ длинными рукавами, узкую красную, синюю или пеструю юбку съ каймой, разноцвѣтный полосатый передникъ, поясъ, на которомъ висятъ ключи и небольшой ножъ въ футлярѣ; съ боку прикрѣпляется вышитая сумка; на шею надѣваютъ ожерелье, на головѣ носятъ платокъ или особый уборъ, который походитъ на рога; на пальцы надѣваютъ кольца. Зимой женщины носятъ еще сукожную сермяжную дугерѣйку.

Пища финновъ не отличается большимъ разнообразіемъ и доброкачествомъ. Главнымъ пищевымъ продуктомъ является хлѣбъ, но недостаточное количество его заставляеть финновъ, особенно въ голодные годы, примѣшивать къ нему различныя суррогаты. Молоко употребляется финнами обыкновенно кислое. Масло и мясо они ѣдятъ весьма рѣдко; замѣною послѣдняго у нихъ служитъ рыба, большею частію соленая. Временами, особенно въ мѣнѣ плодородныхъ мѣстно-

Общій видъ г. Выборга.

стяхъ, преимущественно на сѣверѣ Финляндіи, лица, употребляемая финнами, положительно поражаетъ своею недоброкачественностью. Одинъ финскій писатель въ такихъ словахъ описываетъ свое посѣщеніе крестьянскаго дома: „Изба была наполнена взрослыми и дѣтми; бливъ самой печки висѣли на жердяхъ какіе-то лоскутья желто-бураго цвѣта: это была внутренняя кора сосны, но мнѣ она показалась чѣмъ-то вродѣ печенки. Не разсмотрѣвъ хорошенько, я спросилъ, что это и зачѣмъ служить? „Это будетъ хлѣбъ,

милый баринъ“,—отвѣтилъ хозяинъ, и было что-то глубоко трогательное въ тонѣ его голоса, въ которомъ слышался вопросъ: „неужели ты не знаешь этого?“ „Другой разъ, — рассказываетъ тотъ же писатель, — я вышелъ случайно на дугъ въ самый разгаръ поноса. Возлѣ, на стѣнѣ сарая, висѣли котомки косарей, и я изъ любопытства заглянулъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Во всѣхъ я нашелъ черные какъ смола пироги изъ древесной коры, чуть-чуть посыпанные мукой — скорѣе чтобы обмануть глазъ, чѣмъ жевудокъ“.

Природа и личность финна, а также его первоначальный бытъ и нравы находятъ себѣ прекрасное выраженіе въ многочисленныхъ старинныхъ финскихъ легендахъ, сагахъ и «рунахъ». Въ нихъ аллегорически рисуется борьба финна съ суровою природою и древними обитателями страны и имѣется масса указаній на бытъ финновъ, такъ что руны эти являются весьма интереснымъ памятникомъ какъ для историка литературы, такъ и для этнографа. Въ настоящее время эти Руны собраны финскимъ ученымъ Ленротомъ и изданы подъ названіемъ Калевалы *).

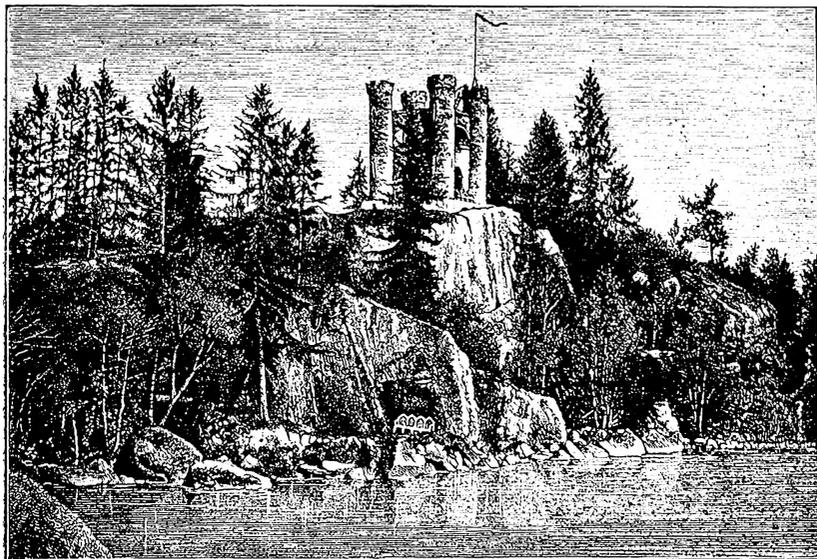
Несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ которыхъ поставленъ былъ финнъ, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ суровой борьбы съ природою. То, чего не могла доставить энергія и умъ отдѣльнаго человѣка, сдѣлала дружная работа цѣлой націи. Теперь Финляндія — одна изъ самыхъ культурныхъ странъ Россіи. Особенное вниманіе удѣляется здѣсь вопросамъ образованія. Это дѣло идетъ въ Финляндіи замѣчательно быстрыми шагами. За 20-ти-лѣтіе съ 1872 — 92 г. число начальныхъ школъ увеличилось здѣсь почти въ 6 разъ, а число учащихся — въ 5 слишкомъ разъ. Система образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко оставляетъ за собою наши традиціонные методы и системы и по своей доступности населенію могутъ удовлетворить каждаго. На народное образованіе идетъ значительная часть бюджета страны, — болѣе 10% общаго количества расходовъ. Рука объ руку съ школьнымъ дѣломъ идетъ и развитіе науки и литературы. Периодическая печать завоевываетъ себѣ все болѣй и болѣйшій кругъ читателей; изъ 35 городовъ Финляндіи лишь въ пяти нѣтъ собственной газеты; число періодическихъ изданій въ 1898 г. простиралось до 186. Другія отрасли внутренней жизни, какъ-то: общественная благотворительность, промышленность, заботы о сельскомъ хозяйствѣ и т. п. поставлены въ Финляндіи также образцово. Въмѣстѣ съ этимъ растетъ и благосостояніе населенія, поднимается и умственный, и нравственный уровень его развитія. Большую услугу развитію страны оказало протестанское духовенство, неустанно работавшее среди финновъ со времени распространенія здѣсь христіанства. До 1866 года народное образованіе было сосредоточено исключительно въ рукахъ пасторовъ. Благодаря имъ,

*) Имѣется и русскій (стихотворный) переводъ Калевалы.

библия давно уже переведена на финский языкъ имъ же финское населеніе обязано и своею поголовною грамотностью.

Отдавая дань справедливости трудолюбію и честности финновъ а также прекрасно организованному дѣлу внутренняго самоуправления страны, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить, что своимъ благосостояніемъ Финляндія въ значительной степени обязана Россіи и безпримѣрно-гуманному отношенію къ ней русскаго правительства. Огражденная отъ вѣншихъ враговъ своею мугу-

чею покровительницею, Финляндія пользуется всеми благами цивилизаціи, не испытывая въ то же время на себѣ ея отрицательнаго дѣйствія. Въ то время, напр., какъ всѣ европейскія государства, въ томъ числѣ и Россія, почти изнемогають подъ тяжестью милитаризма, Финляндія почти не знаетъ этого зла: ничтожное количество войска, которое она содержитъ (немногихъ болѣе

Паркъ Монрено, близъ Выборга.

6,000 человекъ—менѣе $\frac{1}{4}\%$ всего населенія) и которые имѣють возможность употреблять почти исключительно на внутреннюю охрану страны, далеко не обременяють ея финансы *). Всѣ же остальные средства она имѣють возможность употреблять на внутреннее свое благоустройство. Не удивительно поэтому, что въ послѣднемъ отношеніи Финляндія стоитъ гораздо выше своей метрополіа, но удивительна та неблагодарность, съ которою относятся къ Россіи сами финны.

Принимая, какъ должную дань всѣ права и преимущества, даруемыя ей Россією, и освобожденная почти отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ послѣдней, Финляндія живетъ своею особенною, замкнутою жизнью, не желая знать нуждъ и бѣдствій русскаго государства. Въ годныя бѣдствія, обрушившихся на Россію, какковы голодь, холера и т. п., когда даже „ваморскіе друзья“ наши—американцы сочли свою нравственную обязанностью помочь нуждающимся, Финляндія

*) Ежегодный расходъ на войско Финляндіи исчисляется въ суммѣ около 8 милліоновъ марокъ, включая сюда и чрезвычайные расходы, какъ, напр., перевооруженіе войска (1.442,632 мар.) и непредвидѣнные расходы (200,000 м.), что составляетъ лишь 13% всѣхъ расходовъ, тогда какъ Россія тратитъ изъ своего $1\frac{1}{2}$ милліоннаго бюджета около 360 милл. на войско, т. е. около 24%.—Разница громадная!

стояла и стоитъ въ сторонѣ, забывая, что она—часть Россіи, что этимъ голодающимъ и умирающимъ людямъ она обязана своимъ благополучіемъ. Гордясь своею культурностью, она забываетъ, что эта культура создана собственно благодаря Россіи. Съ особенною рѣзкостью этотъ эгоизмъ и сепаратизмъ финновъ выразился въ послѣднее время, по поводу мѣропріятій русскаго правительства о введеніи въ Финляндіи русскихъ почтовыхъ знаковъ. Эта мѣра, вызванная не столько желаніемъ увеличить государственные доходы Россіи, сколько идеею справедливости, вызвала въ Финляндіи дѣлую брань негодованія по отношенію къ „вѣроломнымъ“ русскимъ. Трудно представить себѣ, какъ можетъ культурный и здравомыслящій челевѣкъ выражать негодованіе по такому по-

воду... Еще большіе „вопли“ поднялись среда финновъ, когда правительство, въ видахъ той же справедливости, рѣшило заставить финновъ принять болѣе дѣятельное участіе въ отбываніи воинской повинности. Вся Финляндія пришла въ броженіе, забывая, что отъ нея требуютъ только того, что уже давнымъ-давно ложится тяжкимъ бременемъ почти что на одно коренное населеніе Руси. Споры итѣть, прежнее положеніе вещей было гораздо удобнѣе и легче: еще бы, позволить-ка нашимъ тверичамъ, костромичамъ и т. д. давать почти вдвое менѣе рекрутъ, да изъ государственной казны тратить вдвое менѣе на военные расходы, такъ и тверская или костромская и др. губерніи, пожалуй, достигли бы такого же цвѣтущаго состоянія, если не больше!

Города Финляндіи при своей сравнительной многочисленности (37) не отличаются особенною многолюдностью; нельзя сказать также, чтобы они были здѣсь преимущественными центрами умственной и промышленной жизни. На долю городовъ здѣсь приходится не болѣе половины всѣхъ существующихъ въ Финляндіи промышленныхъ заведеній. Въ общемъ городское населеніе составляетъ 10% всего населенія,—цифра очень небольшая сравнительно съ другими европейскими государствами, напр., съ Англіею, гдѣ городское населеніе составляетъ 71% общаго населенія. Наиболѣе значительные города Финляндіи расположены по сѣверному побережью Финскаго залива.

Столица Финляндіи—Гельсингфорсъ съ крѣпостью Свеаборгомъ насчитываетъ до 71,000 жителей. По характеру своему этотъ городъ напоминаетъ современные западноевропейскіе города и служитъ умственнымъ центромъ страны; здѣсь имѣется университетъ и масса различныхъ зданій величественной архитектуры, хорошей ботанической садъ, парки, бульвары и т. п. Вторымъ по значенію городомъ Финляндіи является Выборгъ (22½ тысячи жителей), на берегу залива того же имени. Находясь неподалеку отъ русской границы, этотъ городъ является пунктомъ, около котораго не разъ проливалась русская кровь. Завоеваніе его было первымъ шагомъ русскихъ въ Финляндію. За періодъ времени съ 1332 по 1710 годъ русскія войска не менѣе десяти разъ подступали къ городу, и только 12 юня 1710 г. онъ былъ взятъ Петромъ I послѣ продолжительной осады. Петръ называлъ его „крѣпкой подушкой С.-Петербурга, устроенной черезъ помощь Божию“; по его приказанію, городъ былъ укрѣпленъ. Въ настоящее время Выборгъ играетъ весьма важную роль по развитію судоходства. Этимъ онъ обязанъ, съ одной стороны, сосѣдству Петербурга, а съ другой—Сайменскому каналу, который, окан-

чиваясь у Выборга, и даетъ возможность паходнаго сообщенія съ внутренними мѣстностями страны до Куопіо. Въ окрестностяхъ Выборга находится замѣчательный паркъ Монрепо (прин. бар. Николан), который представляетъ какъ бы всю Финляндію въ миниатюрѣ: съ ея озерами, пригорками, хвойными лѣсами... Разбросанныя тамъ и самыя развалины придаютъ еще болѣе красоты этой мѣстности, которую можно также назвать Финляндскою Швейцаріею. Третій важный городъ Финляндіи—Або (свыше 33,000 челоувѣкъ), въ теченіе многихъ столѣтій былъ средоточіемъ шведскаго вліянія. Положеніе города при соединеніи Финскаго и Вотническаго заливовъ издавна сдѣлало его важнымъ торговымъ пунктомъ. Въ первой половинѣ насоящаго столѣтія вся торговля Финляндіи сосредоточивалась въ этихъ трехъ приморскихъ пунктахъ, и только съ средины 60-хъ годовъ устроено до 19 другихъ портовъ. По берегу Вотническаго залива расположено также нѣсколько городовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе Улеаборгъ (свыше 13,000 жителей) и Виза (около 12,000 жит.). Изъ внутреннихъ городовъ Финляндіи слѣдуетъ отнѣтитъ Куопіо; этотъ городъ (около 10,000 жителей) расположенъ посреди озера Калла,

на островъ, почти на половинѣ пути отъ Ладожскаго озера къ Улеаборгскому порту; своимъ процвѣтаніемъ онъ обязанъ торговлѣ лѣсомъ и смолою. Болѣе другихъ замѣчательны также С.-Михель, Тавастгусъ и Там-

мерфорсъ. Последний (свыше 24,000 жит.) представляетъ своего рода Манчестеръ Финляндіи въ миниатюрѣ и извѣстенъ своими ткацкими фабриками, достигшими замѣчательнаго совершенства въ своихъ фабрикатахъ.

ЕВРОПА

Масштаб
1:100,000

100 000